

НАТАЛЬЯ БЕЛИНСКАЯ

«Иногда
даже в отражении
можно найти
свою судьбу.»

ХАОС АДА ВНЕ ЦИТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Белинская

Хаос ада. Вне нити

<https://litres.ru/74645538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всего лишь хотела избежать свадьбы с нелюбимым мужчиной. Но один безобидный, как мне казалось, ритуал с подругами перевернул всю мою жизнь.

Старинное зеркало. Незнакомец с огненными волосами, красными рогами и дьявольской улыбкой.

Самуил Де Уго — демон, заключивший со мной сделку. Семь древних предметов в обмен на свободу и спасение моей семьи.

Вот только никто не предупредил, что искать их придётся во владениях богов, чудовищ и существ, перед которыми бессильна даже смерть.

А ещё никто не объяснил, почему богини судьбы не могут найти мою нить, прошлое оказывается ложью, а демон, которого я должна ненавидеть, становится самым опасным моим желанием.

Я не звала его. Не выбирала этот мир. И уж точно не собиралась влюбляться в собственного похитителя.

Я думала, что самое страшное — потерять дорогу домой. Оказалось, гораздо страшнее узнать, что ты никогда не принадлежала миру, который считала своим.

И если у каждого существа есть нить судьбы - кто оборвал мою?

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	32
Глава 3.	56
Глава 4.	89
Глава 5.	168
Глава 6.	199
Глава 7.	216
Глава 8.	234
Конец ознакомительного фрагмента.	263

Наталья Белинская

Хаос ада. Вне нити

Глава 1.

Чикаго встретил ледяное декабрьское утро яростным, пронизывающим до самых костей морозом, от которого тонкие оконные стекла в учебном корпусе звенели, словно готовы были лопнуть в любую секунду. Тяжелый, серый смог от сотен угольных заводов стлался низко над мостовыми, смешиваясь с дыханием редких прохожих, которое мгновенно превращалось в густые клубы белого пара. За долгую полярную ночь огромный промышленный город выстудило насквозь: вчерашний пушистый снег теперь лежал на крышах готических особняков неподъемными грязноватыми пластами, забился в каменные швы карнизов и сковал узорами инея черные кованые решетки ограждений. На проезжей части он давно превратился в бурую, зловонную жижу, изрубленную тяжелыми колесами omnibuses и копытами изнуренных лошадей. В воздухе стоял удушливый, горький запах гари и сырости, от которого першило в горле и подступала легкая тошнота. Чикаго никогда не засыпал, он гремел чугунными стыками конок, выл голосами мальчишек-газетчиков, торговался на грязных рынках и спешил куда-то сквозь об-

жигающую метель, словно панически боялся замереть хоть на мгновение и обнаружить под слоем своей суеты гниющую пустоту.

Тяжелая дубовая дверь университета распахнулась с оглушительным, пугающим треском, заставив пожилого господина на ступенях испуганно отшатнуться и судорожно придержать пальцами свою поношенную шляпу. Я буквально вылетела на морозный воздух, совершенно не заметив его укоризненного взгляда, и с диким, лихорадочным восторгом вдохнула обжигающий холод, который мгновенно вонзился тысячью ледяных игл в мои легкие. После душной, пропахшей пылью, чернилами и дешевым табаком аудитории эта стужа показалась мне долгожданным спасением. Щеки и кончик носа мгновенно закололо, под край фетровой шляпки забрался сквозняк, но мне было плевать.

Я сдала этот чертов экзамен! Профессор Хатчинсон, чья скупость на похвалу вошла в легенды университета, сегодня удостоил мой конспект едва заметным кивком и объявил, что у меня один из лучших результатов на всем курсе. Все эти бессонные ночи над латынью, пальцы, въевшиеся в чернильные пятна, остывший мятный чай и пульсирующая боль в висках наконец-то окупились. Внутри меня все пело от гордости и детского, эгоистичного триумфа, мне хотелось закричать во весь голос прямо посреди площади.

— Крис! — звонкий девичий крик долетел сверху, заставив меня обернуться.

На верхних ступенях, кутаясь в тяжелые шерстяные пальто по самые носы, стояли Элис, Лизи и Амира. Элис отчаянно махала мне рукой, сложив ладони рупором у рта, Лизи сдержанно улыбалась, а Амира — моя загадочная, озорная Амира, в чьем взгляде я уже тогда подсознательно улавливала странное, хищное тепло, — выразительно указывала пальцем на огромные башенные часы через дорогу. Я проследила за ее жестом, и радость в моей груди мгновенно сменилась ледяным уколом паники. Стрелки неумолимо приближались к полудню. Я снова катастрофически опаздывала.

— Завтра! — выкрикнула я подругам, пятясь спиной по скользким ступеням и едва удерживая равновесие на подламывающихся каблуках. — Всё расскажу завтра, обещаю!

— Куда ты так несешься?! — донесся до меня возмущенный голос Элис, но я уже развернулась, на ходу подхватывая тяжелые полы длинной шерстяной юбки, чтобы они не путались под ногами.

— На работу! — это слово я благополучно замяла, заметив проходящих мимо однокурсниц, которые непременно донесли бы моей чопорной бабушке о «неподобающем» поведении мисс Беллроуз.

Я бежала сквозь серую толпу, скользя по утоптанному наледю. Ледяной ветер со стороны озера Мичиган бил прямо в лицо, выжимая из глаз слезы и заставляя судорожно хватать ртом воздух, отчего во рту воцарилась удушливая сухость. Сегодняшний день казался сгустком нервного напряжения:

экзамен, спешка, а перед самым выходом из дома отец удержал меня за локоть и хмуро попросил вечером обязательно зайти к нему в кабинет для серьезного разговора. Его тон был непривычно тяжелым, лишенным прежней мягкости, и от этого воспоминания у меня под ложечкой неприятно заныло. Но я упрямо гнала от себя дурные предчувствия. Наверняка Рейнар просто хочет расспросить меня об учебе — в последнее время он проявлял к моим занятиям странный интерес. И когда я покажу ему свои оценки, его строгое лицо обязательно озарится той редкой, теплой улыбкой, которой я так дорожила. Даже Амелия Беллроуз при виде моего триумфа лишится на вечер своей способности плевать ядом во все, что я делаю. При одной мысли об этой невыносимой старухе я зло нахмурилась и прибавила шагу. Еще один поворот, короткий заплеванный переулок — и передо мной выросла знакомая кирпичная стена.

Пекарня миссис Хейз ютилась на первом этаже старого, закопченного здания из темно-красного, напоминающего запекшуюся кровь кирпича, зажатого между аптекой, откуда вечно несло эфиром и болезнью, и лавкой дешевых тканей. Ничего примечательного в этом доме не было: узкие, похожие на бойницы окна верхних этажей, ржавая пожарная лестница на торце и широкая витрина, по краям которой мороз вывел причудливые папоротниковые узоры. Но я обожала это место всей душой. Здесь, у порога, воздух всегда пах сытным, обжигающим теплом, корицей, топленным маслом

и свежей закваской. Этот запах настиг меня раньше, чем я успела толкнуть тяжелую деревянную дверь с потемневшей медной ручкой.

Колокольчик над моей головой испустил отчаянный, дребезжащий звон, когда я буквально ввалилась внутрь, обдав посетителей облаком уличного холода.

— Добрый день! Простите! Да, я знаю, я опять опоздала! — запыхавшись, выпалила я, на ходу расстегивая онемевшими, непослушными пальцами пуговицы пальто.

Тепло пекарни обрушилось на меня почти физически, заставив кожу мгновенно покрыться испариной. У пожилого джентльмена у прилавка тут же запотели стекла очков, кто-то добродушно усмехнулся, а я поспешила прошмыгнуть за конторку, ведущую в служебные помещения.

— Беллроуз! — донесся из кухни зычный, громоподобный женский голос. — Если ты опять притащила на своих подолах эту уличную жижу, клянусь, ты будешь драить пол зубами!

— Снег растает раньше, чем я успею снять пальто, миссис Хейз!

— Тогда ты будешь вытирать воду своей лучшей шляпкой!

Я невольно рассмеялась, стягивая перчатки зубами и бросая их в шкафчик.

— Добрый день, Мэри! Мистер Хадсон, вам как обычно ржаную буханку потемнее? — я приветливо кивнула нашему

постоянному покупателю, который при виде меня чуть приподнял свой котелок.

Из недр кухни, вытирая белые от муки руки о грязный передник, вышла сама хозяйка — грузная женщина лет пятидесяти с суровым лицом и полосой теста на щеке. Она выразительно ткнула пальцем в настенные часы.

— Двенадцать минут, Кристин.

— Девять, миссис Хейз. Часы на площади отстают из-за мороза.

— Мои часы никогда не отстают, девка.

— Ну тогда сойдемся на десяти? — я умоляюще сложила ладони, глядя на нее своими самыми честными голубыми глазами.

Старуха несколько секунд буравила меня суровым, оценивающим взглядом, но затем уголок ее рта предательски дрогнул вверх.

— Живо переодевайся, несносное ты наказание.

Через пять минут мое дорогое суконное пальто и фетровая шляпка были заперты в тесном шкафу, поверх простого платья лег грубый холщовый передник, а длинные черные волосы я небрежно стянула на затылке лентой. В крошечном засиженном мухами зеркале над рукомойником на меня смотрела обычная, раскрасневшаяся с мороза девчонка с горящими глазами. Никакой чопорной «мисс Беллроуз», никакой послушной куклы, которой бабушка ежедневно вдальбывала правила этикета. Просто Кристин. И именно за эту

свободу быть собой я держалась мертвой хваткой.

Работа закрутила меня мгновенно. Предпраздничные дни выжимали из нас все соки, покупатели шли сплошным потоком, требуя теплых булочек и сдобных кренделей. Я без усталости таскала тяжелые деревянные противни, обжигая пальцы о горячий металл, заворачивала хрустящие буханки в пергамент и принимала звенящие медяки. Воздух в пекарне был густым, влажным, наполненным сладким жаром печей, от которого к концу смены у меня начинали подкашиваться ноги. В какой-то момент, проходя мимо стола с начинками, я не удержалась и попыталась тайком стащить крупную, сочную ягоду из миски с малиновым вареньем. Но тяжелая деревянная ложка миссис Хейз с сухим треском опустилась на мои пальцы.

— Ай! — я обиженно отдернула руку, прижимая ушибленные костяшки к губам. — Я всего лишь проверяла качество сырья!

— Ты проверяешь его каждые полчаса, Кристин. Скоро от пирога останется одно тесто.

— Я очень ответственный и дотошный работник!

— Ты стихийное бедствие, — ворчала хозяйка, но демонстративно отвернулась, позволив мне забрать вожаделенную ягоду.

Я мгновенно отправила малину в рот и довольно зажмурилась. Сладкий, с едва заметной терпкой кислинкой сок брызнул на язык, даря мимолетное блаженство — этот вкус

был таким ярким, живым, что у меня на секунду перехватило дыхание от странного, необъяснимого дежавю, словно эта ягода связывала меня с каким-то далеким, темным сном.

— Идеальное качество, миссис Хейз. Можете спать спокойно.

— Слава Господу, а то я всю ночь молилась о твоём одобрении, — фыркнула старуха, возвращаясь к раскатыванию теста.

Здесь, в этой душной, пропахшей мукой полуподвальной пекарне, я могла громко смеяться, пачкать нос сажей и сидеть во время короткого перерыва прямо на перевернутом деревянном ящике у пылающей печи. Никто не шикал на меня, никто не сравнивал с Оливией. Для этих людей я была просто девчонкой, подрабатывающей после лекций, и я делала все, чтобы они никогда не узнали о моем происхождении.

К концу смены мои ноги гудели от усталости, а пальцы мелко подрагивали от перенапряжения. Последних посетителей мы выпроводили, когда за окнами окончательно сгустились холодные зимние сумерки. Закончив Мэри прибрать прилавок, я натянула пальто и бережно спрятала заработанные за день серебряные монеты в потайной внутренний карман. Эта ничтожная сумма, которую мой отец мог оставить на моем столике на булавки, казалась мне дороже всех сокровищ мира — ведь это были деньги, добытые моим собственным трудом.

— До завтра, миссис Хейз! Обещаю прийти вовремя!

— Ты говоришь это каждый божий день, Беллроуз! Иди уже отсюда, глаза бы мои тебя не видели, — беззлобно проворчала она вслед.

Я выскочила на улицу, и ледяной декабрьский воздух мгновенно привел меня в чувство, выветрив из головы остатки хмельного тепла печи. Темнота полностью поглотила Чикаго, газовые фонари горели тусклыми, желтыми нимбами во влажном тумане, а редкие экипажи бесшумно скользили по грязному снегу. Я плотнее запахнула воротник пальто и поспешила в сторону богатых кварталов. С каждым шагом удушливое беспокойство перед разговором с отцом возвращалось, сдавливая грудь. Что он хочет мне сказать? Я гнала от себя страшные мысли, упрямо напоминая себе, что сегодня — день моего триумфа. Рейнар обязательно разделит со мной эту радость.

Особняк семьи Беллроуз высился за заснеженным садом, отделенный от остального мира тяжелой кованой оградой с острыми пиками. Огромный трехэтажный дом из светлого тесаного камня с высокими окнами и готическими шпилями в сумерках выглядел особенно величественно и мрачно. Из кирпичных труб поднимались тонкие струйки дыма, а за плотными занавесками первого этажа дрожал теплый свет ламп. Я поднялась по очищенным слугами ступеням крыльца, но не успела моя рука коснуться медной ручки, как дверь плавно распахнулась.

— Добрый вечер, мисс Кристин, — дворецкий Генри почтительно принял мое мокрое пальто и перчатки.

— Спасибо, Генри. Мама у себя?

— Миссис Беллроуз в гостиной, вместе с вашей бабушкой и мисс Оливией, — тихо ответил он, и в его голосе мне слышалась странная, сочувственная натянутость.

Я кивнула и прошла в просторный холл, застланный узорчатым паркетом. Дом пах пчелиным воском, дорогим парфюмом Оливии и каминным дымом. Тяжелая хрустальная люстра под потолком отбрасывала миллионы ярких бликов на мраморные панели стен, а широкая дубовая лестница с резными балясинами уходила вверх, разделяясь на два крыла. После уютного, пропахшего тестом полуподвала миссис Хейз эта холодная, надменная роскошь всегда казалась мне удушающей клеткой. Из приоткрытых дверей гостиной доносились негромкие голоса. Я сделала глубокий вдох, унимая дрожь в руках, и переступила порог.

Оливия картинно расположилась на бархатной кушетке у камина, приняв позу томной светской львицы, словно позировала для портрета известного мастера. В свои двадцать семь лет моя старшая сестра была бесспорно, ослепительно красива, и умела пользоваться этим оружием с хирургической точностью. Ее каштановые локоны были уложены в сложную прическу, платье глубокого винного оттенка выгодно подчеркивало ее тонкую талию, а ухоженные пальцы рук украшали несколько дорогих колец. Но за этой безупреч-

ной оболочкой скрывалась эгоистичная, расчетливая натура: Оливия искренне верила, что вселенная вращается вокруг нее, и умела превратить любую беседу в бенефис собственного тщеславия.

Напротив нее, прямая как шомпол, восседала Амелия Беллроуз. Время не сделало мою бабушку мягче — напротив, с годами ее характер усох и превратился в чистый яд. Ее серебристые волосы были уложены волосок к волоску, строгое черное платье с высоким кружевным воротником сидело идеально, а тонкие, сухие пальцы сжимали фарфоровую чашку с фамильным гербом. Вся ее фигура излучала ту абсолютную, непоколебимую уверенность женщины, которая прожила достаточно долго, чтобы твердо знать: если мир не согласен с ее мнением — тем хуже для мира. Кристин казалось, что даже если сам Создатель явится указать бабушке на ее грехи, она лишь сделает ему холодное замечание о дурных манерах.

Стоило мне войти, как разговор мгновенно оборвался, и в гостиной воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

— Добрый вечер, — я остановилась у порога, чувствуя, как мышцы спины непроизвольно деревенеют под их оценивающими взглядами.

Оливия лениво скользнула по мне глазами с головы до ног, и на ее губах появилась мерзкая, торжествующая усмешка.

— А вот и наша потерянная овечка.

— Что случилось? — я нахмурилась, чувствуя, как нервозность перерастает в глухое раздражение. — Почему ты смотришь на меня как кошка, которая только что придушила канарейку и теперь решает, стоит ли признаться в этом хозяевам?

— Какая вульгарная подозрительность, Кристин, — Оливия тихо рассмеялась и откинулась на шелковые подушки.

Бабушка поставила чашку на блюде с резким, сухим стуком, от которого у меня внутри все сжалось.

— И где ты шлялась до этого часа, Кристин? Нам пришлось обедать без тебя.

— Я была в университете. Училась.

— Твои лекции закончились четыре часа назад, — Амелия поджала губы в бледную линию. — В твоём возрасте Оливия уже прекрасно понимала, что приличная девушка из хорошей семьи не должна бесцельно слоняться по темным грязным улицам Чикаго без сопровождения слуг.

Я едва удержалась от того, чтобы не рассмеяться ей в лицо. В моём возрасте Оливия как раз тайком сбегала через окно библиотеки на свидания со своим будущим мужем, пока отец запирает парадные двери. Но напоминать об этом Амелии было бесполезно — её память обладала удивительным свойством отсеивать любые грехи Оливии и бережно копить каждую мою провинность.

— Мама говорила, что ты должна была вернуться к чаю, — раздался мягкий, нежный голос со стороны дверей. — Я

повернулась и почувствовала, как напряжение в моих плечах немного спадает. В дверях стояла Рун. Моя мама. Рядом с этими двумя стервами она всегда казалась хрупким, чистым ангелом. Ее простое голубое платье, скромно собранные волосы и добрые, серые глаза излучали то самое домашнее тепло, которого мне так не хватало в этом холодном особняке. В ней не было величественной спеси Амелии или хищного лоска Оливии, но я всю жизнь считала свою матушку самой красивой женщиной на свете — потому что ее лицо светилось любовью всякий раз, когда она смотрела на меня. — Отец ждет тебя в своем кабинете, Кристин, — тихо произнесла Рун, и в ее глазах промелькнула странная, затаенная тревога. — Иди скорее.

— Уже иду, мама, — я сделала шаг к выходу, но ледяной голос бабушки заставил меня замереть на месте.

— Рун! — Амелия поморщилась, словно у нее разболелись зубы. — У тебя совершенно нет чувства собственного достоинства? В этом огромном доме полно ленивой прислуги, но ты весь вечер бегаешь по этажам как горничная. Сначала сама разливаешь чай, теперь разыскиваешь девчонку... Неужели так трудно передать приказ через Генри?

Моя мать заметно растерялась, ее пальцы судорожно сжали складки платья.

— Рейнар просто попросил меня сказать Кристин, когда она вернется... Я решила, что мне не трудно...

— Для этого существуют лакеи, Рун. Но ты, видимо, ни-

когда не отвыкнешь от своих мещанских привычек, — процедила старуха.

— Бабушка! — я резко развернулась к ней, чувствуя, как вспыльчивый гнев затапливает мой разум. — Моя мама имеет полное право ходить по собственному дому так, как ей вздумается! И делать то, что считает нужным!

— Я разговаривала не с тобой, невоспитанная девчонка, — Амелия медленно повернула свою увенчанную идеальной прической голову в мою сторону, и ее взгляд обдал меня могильным холодом.

— Зато я разговариваю с тобой, Амелия! И я не позволю тебе оскорблять мою мать в моем присутствии!

— Кристин, пожалуйста, замолчи... — умоляюще прошептала Рун, бледнея.

Но Амелия лишь торжествующе вскинула руку, демонстрируя Оливии мои пылающие щеки.

— Вот! Посмотри на нее, Оливия. Об этом я и говорю. Никакого воспитания, ни капли уважения к старшим. Твой отец потакает каждому ее капризу, позволяет тратить время на эти бесполезные книги, а в ответ получает лишь черную неблагодарность. Я искренне сочувствую той семье, которая по глупости согласится взять в дом жену с таким отвратительным, диким характером. Ты опозоришь наш род, Кристин. Как твоя мать опозорила его своим происхождением.

Оливия спрятала ядовитую, торжествующую ухмылку за краем фарфоровой чашки, но от моего взгляда это крыси-

ное движение не укрылось. Внутри меня всё вспыхнуло от мгновенной, обжигающей злости, а пальцы так сильно сжали столовую вилку, что металл больно врезался в кожу. Я перевела тяжелый взгляд на бабушку Амелию, чье сморщенное лицо в полумраке гостиной казалось маской из потемневшего воска.

— А я не представляю, — мой голос прозвучал неестественно резко, разрезая душную тишину комнаты, — почему моя мать должна оправдываться перед тобой за то, что ходит по собственному дому. Она здесь не служанка, Амелия. Она — хозяйка этого особняка, пока мой отец жив и платит по твоим счетам.

Бабушка подавилась воздухом, ее бледная, иссушенная шея мгновенно покрылась уродливыми багровыми пятнами, а пальцы, унизанные старинными перстнями, задрожали так сильно, что чай в ее чашке пошел мелкой рябью.

— Как ты смеешь?! — прохрипела она, и ее бесцветные глаза, лишенные белков под нависшими веками, полыхнули мертвенной яростью. — Девка... паршивая, неблагодарная девка! После всего, что этот род сделал для тебя, после того как тебя...

— Кристин, прошу тебя, пойдем, — Рун судорожно ухватила меня за локоть, и ее ладонь оказалась ледяной, влажной от подспудного, парализующего страха. Она попыталась увлечь меня к выходу, но я упрямо уперлась ногами в паркет, чувствуя, как нервозность стягивает мышцы живота.

— Я еще не закончила! — Амелия начала чуть ли не орать.

— Зато мы закончили, — тихо, но непреклонно произнесла Рун, и ее пальцы сжались на моем запястье со стальной, умоляющей силой, не позволяя мне сорваться на крик.

Из глубины кушетки раздался притворно-вздых Оливии, которая аккуратно промокнула губы кружевной салфеткой.

— Бабушка, успокойся, не трать свои силы. Ты же знаешь Кристин. У нее язык всегда бежит впереди утасяющего рассудка. Она просто дикарка, которой чуждо благородство.

Я не удостоила сестру даже словом, хотя к горлу подступила липкая тошнота от ее приторного, масляного тона. Вся моя злость мгновенно испарилась, стоило мне взглянуть на бледное, испуганное лицо матери. Я порывисто обняла Рун за плечи, утыкаясь носом в ее волосы, пахнувшие сухой лавандой и домашним теплом, и крепко прижалась губами к ее прохладной щеке.

— А теперь настоящая новость, мам, — прошептала я, чувствуя, как бешено колотится сердце после этой безобразной стычки. — Я сделала это. Экзамен сдан.

Рун растерянно моргнула, ее добрые серые глаза широко распахнулись, и в них наконец-то вспыхнула та самая чистая, детская радость, ради которой я готова была ночевать на жестких стульях аудиторий.

— Ты сдала, Крис? Правда?

— Один из лучших результатов на всем курсе. Профессор

лично пожал мне руку.

— Боже мой, девочка моя! — мама обняла меня с такой судорожной, отчаянной силой, словно пыталась спрятать от всего мира внутри своего хрупкого тела. Я тихо рассмеялась, утыкаясь подбородком в ее плечо. — Я знала... я верила, что у тебя все получится.

За нашими спинами бабка Амелия продолжала исходить ядовитой слюной, а Оливия монотонно, с фальшивым сочувствием гладила ее по руке, но их голоса доносились до меня как сквозь толщу грязной воды. Мы с матерью покинули душную, пахнущую тленом гостиную и зашагали по длинному, погруженному в тени коридору к кабинету отца. По каменным стенам скользили уродливые, ломаные тени от редких бра, а морозный ветер с улицы настойчиво скребся в темные стекла окон.

— Отец будет счастлив, — весело заговорила я, пытаюсь унять дрожь в коленях после уличной стужи. — Особенно после того, как он трижды заставлял меня посреди ночи с учебниками и грозился лично вышвырнуть керосиновую лампу в окно, если я не лягу спать.

Мама слабо улыбнулась, но эта улыбка растаяла на ее губах так мгновенно, что у меня внутри неприятно екнуло. Я продолжала трещать без умолку — рассказывала про каверзный вопрос по римскому праву, на котором чуть не срезалась, про Элис, которая от паники перепутала даты, но чем ближе мы подходили к тяжелым дубовым дверям отцовско-

го кабинета, тем более замкнутой, безмолвной становилась Рун. Ее шаги замедлились, а дыхание сделалось прерывистым, тяжелым. Наконец я не выдержала и остановилась, перехватив ее холодные пальцы:

— Мам, в чем дело? Что случилось?

— Ничего, Кристин. Все хорошо.

— Ты отвратительно врешь, — я заглянула в ее уклоняющиеся серые глаза, чувствуя, как радость от моей победы стремительно покрывается коркой ледяного страха. — О чем папа хочет со мной поговорить? На нем лица не было утром.

Рун долго молчала, ее грудь тяжело вздымалась под шелковым платьем. Наконец она покачала головой, отводя взгляд в темный угол коридора.

— Пусть он сам тебе все скажет, дочь. Так будет правильно.

— Значит, ты тоже замешана в этом? Ты знаешь?

— Кристин... — мама подошла к двери кабинета, положила свою дрожащую ладонь на потемневшую латунную ручку, но нажимать не стала. Она повернулась ко мне, и в ее взгляде сквозила такая невыносимая, рабская мука, что у меня перехватило дыхание. — Я просто умоляю тебя: выслушай его до конца. Не взрывайся. Пожалуйста. Пойми его.

— Мне уже чертовски не нравится этот разговор, — выдохнула я, чувствуя, как липкий холод начинает медленно расплзаться от лопаток по всему телу.

Мама ласково, с безмолвным прощанием провела ладо-

нюю по моей горящей щеке, повернула ручку и толкнула тяжелую дверь, впуская меня в полумрак кабинета Рейнара.

Кабинет отца всегда казался мне отдельной, суверенной крепостью внутри нашего холодного особняка. Просторная комната была полностью отделана панелями из мореного дуба; вдоль стен высились шкафы с редкими фолиантами, чьи стеклянные дверцы зловеще отражали пламя камина. Между ними висели потемневшие карты наших земельных угодий и портреты предков с такими же суровыми, безжизненными лицами, как у бабки Амелии. Возле дальней стены с сухим треском пожирало дрова пламя, бросая багровые, лихорадочные отблески на кожаные кресла. На массивном дубовом столе царил привычный хаос: раскрытые бухгалтерские книги, исписанные листы, векселя, серебряная чернильница и тяжелая стопка бумаг, перевязанная суровой бечевкой. Здесь всегда пахло старой кожей, дорогим табачным дымом, воском и отцовским одеколоном с нотами сандала. В детстве я обожала этот запах, забираясь в кресло у камина с книгой и часами наблюдая за тем, как отец работает. Но сегодня этот аромат показался мне удушающим, пахнущим неизбежной катастрофой.

Рейнар сидел за столом, подперев голову руками. Услышав скрип двери, он медленно поднял свое осунувшееся, бледное лицо.

— Наконец-то ты пришла, Крис.

Я заставила себя улыбнуться, преодолевая сухость во рту

и сильное сердцебиение, колотившееся в самой груди.

— Мне доложили, что меня разыскивает самый занятой и грозный человек во всем Чикаго.

— Садись, — его голос прозвучал непривычно глухо, сухо, лишенный прежней теплоты.

Я проигнорировала предложенное кресло, обошла широкий стол и ласково обняла его со спины за плечи, утыкаясь носом в его жесткие темные волосы с проступившей сединой.

— Сначала ты меня поздравишь, папа. Я сделала это. — Рейнар замер под моими руками, его дыхание на секунду прервалось. — Я сдала экзамен, — я нежно поцеловала его в колючую щеку. — Один из лучших результатов на курсе.

На его лице появилась улыбка, но она была такой же безжизненной, вымученной, как и у матери. Невеселой.

— Я горжусь тобой, Крис. Я всегда знал, что ты справишься.

— Нет, не знал, — я попыталась вернуть беседе игривый тон, хотя пальцы рук уже мелко дрожали от нарастающей паники. — Вчера ты ворчал, что я скоро начну цитировать латынь во сне.

— Это не означало, что я сомневался в твоем уме, — отец взял мою ладонь и коротко, судорожно сжал мои пальцы своей горячей рукой. — Ты у меня умница. Самая лучшая.

Я вернулась на другую сторону стола и медленно опустилась в глубокое кожаное кресло, чувствуя, как к горлу под-

ступает тошнота от этого зловещего предчувствия. Теперь, при свете настольной лампы, я могла хорошо рассмотреть его. Отец выглядел не просто уставшим — он казался сломленным, постаревшим на десяток лет за одну эту неделю. Под его глазами залегли глубокие темные тени, на лбу прорезалась скорбная складка, а возле правой руки стоял стакан с янтарным виски, к которому он так и не притронулся.

— Что происходит, папа? Расскажи мне.

— Ничего не произошло, Крис. Все в порядке.

— Мама сказала мне то же самое, тем же самым замогильным голосом, — я подалась вперед, упираясь локтями в дубовую столешницу и заглядывая в его уклоняющиеся глаза. — Ты пугаешь меня. Скажи мне правду. Ради всего святого.

За окном пронзительно завыл ветер, швырнув в стекло горсть сухого, колючего снега. Отец медленно поднялся со своего места, сцепил пальцы за спиной и подошел к окну, уставившись в непроглядную тьму заснеженного сада.

— Мне необходимо поговорить с тобой... о твоём будущем, Кристин.

— Моем будущим? Если речь идет об университете или стажировке, то я...

— Речь идет не об учебе, — жестко оборвал он меня, не оборачиваясь. Воздух в кабинете показался мне ледяным. Рейнар глубоко, со свистом вздохнул через нос. — Ты выходишь замуж, Кристин. Брак состоится через неделю.

По моему телу словно прокатилась лавина жидкого азота,

сковав легкие и парализуя ноги. Я резко вскочила с кресла, опрокинув его назад, и закричала, не узнавая собственный голос:

— Что?! Ты... ты шутишь?! Этого не может быть! Ты обещал мне! Обещал, что я смогу закончить учебу!

— Выслушай меня, Крис... — отец повернулся ко мне, и на его лице отразилась такая беззащитная, рабская мука, что крик застрял в моем горле. Рейнар никогда не выглядел беспомощным. Он был для меня скалой, защитой от всех штормов, а сейчас передо мной стоял раздавленный, уничтоженный мужчина.

— Ты обещал мне еще два года свободы! — я чувствовала, как горячие слезы обиды катятся по моим щекам, а пальцы судорожно сжимают подол платья. — Я пришла сказать тебе, что сдала самый сложный экзамен, а ты хладнокровно сообщаем, что я должна бросить все и лечь под незнакомца?!

— Я не говорил, что тебе придется бросить университет, — тихо произнес он, опуская глаза.

— Какая разница?! Ты нарушил свою клятву! Почему?!

— Потому что у нас нет выбора, Кристин, — Рейнар медленно вернулся к столу, упираясь ладонями в документы. — Положение нашей семьи... оно изменилось. Мы банкроты. Мы на грани полного разорения и позора.

Я нервно, истерично рассмеялась, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— Банкроты? Ты шутишь! У нас сотни акров земли, твои

лесопилки, железная дорога, этот особняк, акции! Какое, к черту, разорение?!

— Все это заложено и перезаложено трижды, Кристин. Долги превышают стоимость нашего имущества в несколько раз. Через месяц кредиторы придут описывать этот дом.

И в эту секунду в моей голове со свистом выстроилась логическая цепочка. Я посмотрела на гору долговых векселей на столе, на пустые рамки на стенах, откуда исчезли дорогие картины, на дрожащие руки отца... И перед моим мысленным взором возникло спесивое, холодное лицо старухи, сидевшей в гостиной с чашкой чая.

— Это она, — прошептала я, чувствуя, как внутри закипает бешеная, яростная злость. — Это из-за нее, да? Из-за Амелии?

Отец промолчал, и это трусливое молчание было самым красноречивым подтверждением моей правоты.

Карточная зависимость Амелии Беллроуз началась около четырех лет назад. Поначалу ее богатые подруги собирались на невинные вечера с вистом, проигрывая сущие гроши. Отец лишь добродушно посмеивался, когда мать приносила счета из салонов. Но затем суммы начали расти в геометрической прогрессии. Бабка проигрывала все чаще, влезала в долги к сомнительным личностям под безумные проценты и со слезами на глазах приносила счета сыну, клянясь, что это последний раз. Рейнар сердился, запрещал ей играть, угрожал лишить содержания, но раз за разом безропотно оплачи-

вал ее долги, боясь позора фамилии. А затем из дома начали бесследно исчезать семейные ценности. Сначала пропало столовое серебро, затем дорогие часы Оливии, а однажды я застала бабу у шкатулки моей матери. Старуха увлеченно прятала в карман тяжелое жемчужное ожерелье, подаренное маме отцом на годовщину. Я тогда впервые в жизни сорвалась на крик, высказав этой воровке все, что о ней думаю. На шум сбежалась вся семья, слуги... Но Амелия с поразительным цинизмом умудрилась выкрутить ситуацию так, что виноватой оказалась я — якобы я шпионю за ней, оскорбляю ее почтенный возраст и устраиваю истерики на пустом месте.

После того скандала я в слезах выбежала из дома, долго бродила по морозным улицам Чикаго, задыхаясь от несправедливости, пока не наткнулась на уютную, пахнущую теплым тестом пекарню миссис Хейз со скромным объявлением на двери. Мне тогда не нужны были деньги. Я просто отчаянно нуждалась в месте, где никто не знал фамилию Беллроуз, где я не была младшей нелюбимой сестрой Оливии и убогой внучкой Амелии. Просто Кристин. И эта маленькая ложь об учебе у подруг стала моим единственным спасением от домашнего ада.

— Почему ты это терпишь, папа? — тихо, сдерживая рыдания, спросила я. — Почему ты продолжаешь покрывать ее грехи ценой нашего будущего?

— Она моя мать, Кристин, — глухо ответил он.

— И поэтому ей позволено пустить нас всех по миру?!

— Кристин, прекрати...

— Нет! Если все настолько плохо, почему расплачиваться своей свободой должна я?! Почему я должна идти на плаху ради ее карточных долгов?! — я резко отвернулась, кусая губы до крови, чтобы не разрыдаться окончательно. И вдруг в моей голове вспыхнула яростная, эгоистичная мысль. — Выдай замуж Оливию!

Рейнар посмотрел на меня с таким диким изумлением, словно я заговорила на латыни.

— Что ты такое несешь, Крис?

— А что здесь такого?! Она старше меня! Она уже была замужем! Если нашему роду так жизненно необходим богатый покровитель, почему все должно решаться за мой счет?! Почему Оливия сидит в гостиной королевой, а меня продают как племенную кобылу?!

Пять лет назад Оливия вышла замуж за богатейшего наследника Чикаго, которого Амелия называла идеальной партией. Брак продержался четыре года. Год назад у нашего крыльца остановился экипаж, из которого вышла Оливия со своими чемоданами, а следом ее разъяренный муж. Его разговор с отцом проходил за закрытыми дверями, но его финальную фразу слышал весь дом: *«Я прожил с этой эгоистичной тварью четыре года. Не спрашивайте меня, как я выжил. Я возвращаю эту дрянь вам назад, Рейнар»*. Я до сих пор удивлялась не тому, почему их брак распался, а тому, как этот несчастный мужчина вообще протянул с Оливией

целых четыре года.

— Оливия здесь ни при чем, Кристин, — устало выдохнул отец, опуская плечи. — Дело не в ней.

— Тогда в чем?! Отвечай! — Рейнар молчал, избегая моего взгляда, и я медленно опустила руки, чувствуя, как липкий, парализующий страх сжимает мое горло. — Он... он не хочет Оливию, верно? Мужчина уже выбран. И он потребовал именно меня.

— Да, — тихо признался отец. — Он сделал предложение лично тебе. Через меня.

Внутри меня все вспыхнуло яростным, неуправляемым гневом.

— Как трогательно! Какая изысканная сделка! Может, мне и на свадьбу приходить необязательно, вы просто передадите ему документы на владение моей плотью?!

— Прекрати говорить глупости, Кристин! Никто тебя не продает!

— Правда?! — я упрямо вскинула подбородок, глядя ему прямо в душу. — Тогда скажи мне, что произойдет с нашей семьей, если я сейчас скажу тебе твердое «нет»? — Рейнар промолчал, и я горько, обреченно усмехнулась. — Вот именно. Мы окажемся на улице.

— Этот человек готов полностью закрыть все наши долги, Кристин, — быстро заговорил отец, пытаясь убедить то ли меня, то ли себя самого. — Он выкупит лесопилки, сохранит этот дом, наши земли. Твоя мать ни в чем не будет

нуждаться до конца своих дней. Ни ты, ни Оливия. Я смогу рассчитаться со всеми людьми, которых разорила моя мать. Он спасет нас от позора.

— В обмен на мою жизнь.

— В обмен на законный брак.

— Для меня это одно и то же, папа, — я зло смахнула слезы с щек, злясь на собственную слабость. — Кто он? Как зовут моего покупателя? Ты расписал его как святого спасителя, а теперь назови мне его имя.

Рейнар подошел к окну. За стеклом продолжал валить тяжелый, хлопьевидный снег, кружась в желтом свете уличного фонаря и бесследно исчезая в темной бездне замерзшего сада. Отец сделал глубокий, прерывистый вдох.

— Его зовут Тристан Уитмор, Кристин.

Я застыла на месте, чувствуя, как земля уходит из-под моих ног, а сердце испуганно пропускает удар. Тристан Уитмор. Мой кошмар наконец обрел свое земное имя.

Глава 2.

Имя прозвучало в застывшей, душной тишине кабинета почти буднично, сухо, но мне показалось, словно отец одним резким движением распахнул тяжелую оконную раму и швырнул мне в лицо всю ледяную, колючую метель декабрьского вечера. Несколько бесконечных, мучительных секунд я продолжала стоять напротив его массивного дубового стола, не сводя с него широко распахнутых, безумных глаз и почему-то отчаянно, до боли в висках ожидая, что сейчас его суровое лицо дрогнет, он устало рассменется, покачает головой и признается, что это была лишь крайне неудачная, глупая попытка проучить меня за опоздание. Но ничего подобного не произошло. Рейнар смотрел на меня тяжело, исподлобья, и в его серых глазах застыло такое рабское, унижительное чувство вины, от которого у меня внутри все перевернулось, а к горлу подступила горячая, удушливая тошнота. Огонь в камине за его спиной продолжал спокойно, равнодушно потрескивать, пожирая сосновые поленья и бросая багровые, похожие на капли свежей крови отсветы на полированную кожу кресел, словно ему не было никакого дела до того, что мой привычный, безопасный мир только что со свистом рухнул в бездну.

— Что?.. — этот хриплый, безжизненный шепот с трудом вырвался из моего спазмированного горла. Во рту мгновен-

но стало сухо и горько, как от золы.

— Ты прекрасно меня расслышала, Крис, — отец опустил голову, его пальцы судорожно сжали стопку неоплаченных векселей, лежащую на столе.

— Нет, — я нервно, почти истерично усмехнулась, пятясь назад и качая головой. — Нет, папа, должно быть, в моих ушах до сих пор звенит уличный мороз, потому что мне слышалось... мне почудилось, будто ты произнес «Тристан Уитмор».

Рейнар медленно, со стоном провел своей широкой, огрубевшей ладонью по бледному лицу, стирая капли холодного пота со лба, и его голос прозвучал как смертный приговор.

— Именно это имя я и назвал.

Я уставилась на него, чувствуя, как мелко, лихорадочно начинают дрожать мои колени, а сердце испуганно зашлось в безумном, паническом ритме где-то у самого неба. Из моего горла вырвался короткий, неестественный смешок, который тут же оборвался судорожным вздохом. Это была не шутка. Мой отец действительно продал меня. Из всех мужчин Чикаго, из всех богатых холостяков, престарелых вдовцов и влиятельных промышленников судьба — а вернее, моя бабушка Амелия со своими проклятыми карточными долгами — выбрала именно его. Моего персонального дьявола.

Тристану Уитмору было тридцать два года, и во всем городе не нашлось бы женщины, способной назвать его непривлекательным. Даже я, ненавидевшая его всем сердцем, не

стала бы так бессовестно лгать. Он был высок, широкоплеч, обладал хищной, безупречной грацией тренированного бойца и всегда одевался с той пугающей, изысканной точностью, которая выдавала в нем безграничную власть. Темно-каштановые, отливающие антрацитовым блеском волосы он носил чуть длиннее, чем предписывала консервативная мужская мода, тяжелые пряди иногда небрежно падали ему на лоб, контрастируя с мертвенной бледностью кожи. Черты его лица казались скульптурным шедевром: прямой нос, хищный изгиб резко очерченных скул, волевой подбородок и чувственные губы, способные кривиться в такой снисходительной, порочной полуулыбке, от которой благовоспитанные дамы в залах мгновенно теряли рассудок. Но ужаснее всего были его глаза — серо-зеленые, холодные, как застывший озерный лед, и невыносимо внимательные. Тристан никогда не смотрел мельком. Когда его зрачки впивались в человека, возникало мерзкое, парализующее ощущение, будто он хладнокровно препарирует твою душу, замечая самые грязные, потаенные страхи.

Его богатство казалось безграничным, вызывая у местных дельцов глухую, завистливую злобу. Он владел десятками доходных домов, лесопилками, контролировал акции железных дорог и, казалось, умудрялся извлекать чистую прибыль даже из самого безнадежного праха. В обществе его принимали с угодливым трепетом: мужчины искали его покровительства, матери незамужних девиц оживлялись при

одном упоминании его фамилии, а сами девушки находили его обаятельным, загадочным и опасным — той манящей готической опасностью, перед которой так сладостно трепещет неискушенное сердце. Я же находила его омерзительным. Каждое его движение, каждый бархатистый выдох вызвали во мне инстинктивное, животное желание схватиться за нож.

Мы познакомились почти два года назад на скучном зимнем приеме в особняке мэра, куда Рун с трудом заставила меня поехать. Я стояла у огромного заиндеветшего окна с бокалом теплого лимонада, отчаянно мечтая сбежать обратно в свою пекарню, когда из темноты террасы бесшумно сооткалась его высокая фигура в безупречном фраке.

— Вы выглядите так, мисс Беллроуз, словно прямо сейчас планируете побег через пожарный выход, — негромко произнес он, и его серо-зеленые глаза хищно блеснули в полумраке.

Я повернулась к нему, чувствуя, как вдоль позвоночника пробежала первая струйка холодного пота.

— А вы, мистер, выглядите так, словно твердо вознамерились мне в этом помешать.

Вместо того чтобы оскорбиться моей дерзостью, он медленно, порочно улыбнулся, приподняв бокал с янтарным виски.

— Тристан Уитмор. К вашим услугам.

— Кристин Беллроуз. Хотя, судя по всему, вы и так это

знаете.

— Знаю, — коротко ответил он, и этот его тихий, уверенный тон мне сразу не понравился. В нем сквозило предчувствие полной победы.

— Тогда к чему этот дешевый спектакль с представлением?

— Хотел убедиться, хватит ли у вас смелости назвать свое имя вслух, — его взгляд медленно скользнул по моей шее, задерживаясь на бледной коже ключиц, и я почувствовала, как пальцы сами собой сжимают стекло бокала до белизны суставов.

Я попыталась обойти его, но Тристан неуловимым, плавным движением сместился в сторону, не преграждая дорогу буквально, но создавая своим телом непреодолимую стену жара и опасности, заставляя меня остаться на месте.

— Вы со всеми незнакомцами общаетесь в такой очаровательной, колючей манере, Кристин?

— Только с теми, кто считает нормальным собирать информацию обо мне до нашего первого знакомства, — отрезала я.

Он негромко, бархатисто рассмеялся — этот звук вибрировал в его груди, вызывая во мне глухую нервозность. В его глазах застыло то выражение, которое я научилась искренне ненавидеть в последующие месяцы: снисходительная уверенность человека, который заранее знает финал любой игры. С тех пор он преследовал меня повсюду. Тристан неиз-

менно возникал на ужинах, благотворительных базах, приемах, зачастил к моему отцу по делам, заставляя меня сжимать зубы от злости при каждой встрече. Он вел себя безупречно, не позволяя себе ни одной вопиющей пошлости, но его присутствие душило меня. Он помнил мельчайшие детали моих разговоров со слугами, знал, какие книги я читаю, однажды прислал мне редчайший трактат по средневековому праву, который я безуспешно искала месяцами. А среди зимы в наш дом доставили огромную корзину свежей, пахнущей летом малины. Я была уверена, что никогда не упоминала при нем о своей слабости к этой ягоде. А затем, на террасе особняка Смитов, он впервые произнес ту фразу, от которой у меня до сих пор стыла кровь в жилах. *«Ты все равно будешь моей, Кристин».*

В тот вечер я лишь презрительно рассмеялась ему прямо в лицо, кутаясь в меховое манто.

— В другой жизни, мистер Уитмор. В другой жизни.

— Возможно, — спокойно, без тени обиды отозвался он, и его серо-зеленые глаза в свете луны показались мне абсолютно безжизненными, как у мертвеца. — Но уверяю тебя, у нас впереди гораздо больше жизни, чем ты способна себе вообразить.

Я решила, что этот богатый ублюдок просто привык получать всё по щелчку пальцев и теперь тешит свое эго моей неприступностью. Но моя неприязнь превратилась в леденящее отвращение несколько месяцев назад, когда я за-

держалась в пекарне миссис Хейз до глубокой темноты. Из-за разыгравшейся метели улицы быстро пустели, и я решила срезать путь через грязный квартал у борделей, где горели тусклые красные фонари. Под навесом одного из закрытых заведений я замерла, заметив знакомый черный экипаж Тристана. Он вышел из кареты, небрежно поправил перчатку и направился к дому с сомнительной репутацией. Из окна второго этажа высунулась полуобнаженная девка в вульгарном корсете, приветливо улыбаясь ему, и дверь притона распахнулась перед ним еще до того, как он успел коснуться ручки. Меня передернуло от висцеральной тошноты. Я прекрасно понимала, что мужчины его круга не живут целомудренно, но после всех его красивых слов, ухаживаний и собственных взглядов эта картина заставила меня почувствовать себя удушающе грязной. И теперь... теперь мой собственный отец сообщал мне, что я должна буду добровольно делить постель с этим человеком.

— Папа... — я судорожно схватила ртом воздух, чувствуя, как к горлу подкатывает рвотный спазм, а ноги окончательно отказываются меня держать. — Это... это невозможно. Скажи, что это кошмар.

— Кристин, у нас нет другого выхода, — Рейнар не смотрел на меня, его бледные пальцы судорожно комкали край скатерти.

— Почему?! — я почти кричала, срываясь на хрип. — Этот лицемерный Уитмор омерзителен! Я не смогу жить с

ним под одной крышей! Да я скорее соглашусь выйти замуж за дряхлого восьмидесятилетнего старика, который будет выплевывать свои зубы в стакан у моей кровати и храпеть так, что задрожат стекла, только не за Тристана Уитмора! — Несмотря на всю трагичность момента, на измученном лице отца на секунду дернулся уголок губ, но улыбка вышла мертвой, вымученной. — Не вижу ничего забавного, папа! — я обошла широкий дубовый стол, упала на колени перед его креслом и мертвой хваткой вцепилась в его горячую ладонь, пачкая пальцы в чернилах. Из моих глаз градом катились слезы обиды. — Умоляю тебя... пожалуйста. Я прошу тебя как дочь. Не заставляй меня идти на эту плаху. Мы найдем другой способ спасти Беллроузов! Я брошу университет, я буду работать круглыми сутками, мы продадим этот особняк, наши лесопилки, земли... Мне ничего этого не нужно! Мы уедем из Чикаго, начнем все сначала в глуши! Только не продавай меня ему...

Рейнар долго, с невыносимой скорбью смотрел на мои дрожащие руки, а затем накрыл мою ладонь своей тяжелой, сухой рукой.

— Я уже дал ему свое официальное согласие, Крис. Сегодня за праздничным ужином Тристан будет здесь. Мы обсудим детали вашей помолвки.

Я резко отдернула свои пальцы, словно прикоснулась к раскаленному углю. Вся моя любовь к отцу в эту секунду превратилась в обжигающую, яростную злость.

— Что?! Ты... ты продал меня, даже не удосужившись спросить моего мнения?!

— Кристин, довольно! — впервые за весь вечер отец повысил голос, и этот резкий окрик заставил меня замолчать. Его грудь тяжело вздымалась. — Иди к себе. Переоденься к ужину. Ты устала, я тоже на пределе сил. Через пару часов мы спокойно сядем за стол и все обсудим как цивилизованные люди.

— Обсудим то, что вы уже решили за моей спиной? — я горько, обреченно усмехнулась, поднимаясь с колен и вытирая слезы с щек. — Именно.

Я развернулась и стремительно покинула кабинет, хлопнув дверью так, что задрожали хрустальные подвески люстры в холле. Коридор встретил меня полумраком и удушливым холодом. Я шла словно в бреду, не замечая дороги, пока не наткнулась на Оливию. Моя старшая сестра лениво стояла у стены у самой лестницы, подперев плечом деревянную панель и со скучающим видом разглядывая свои безупречные ногти. Было очевидно, что она намеренно поджидала меня здесь, чтобы насладиться моим поражением.

— Ну надо же, — протянула она с приторной, змеиной улыбкой, окинув меня взглядом. — Какого завидного красавчика ты себе отхватила, Кристин. Я бы на твоём месте не раздумывала ни секунды.

— Вот и забирай его себе, Оливия, — ледяным тоном бросила я, проходя мимо нее. — Вы с ним оба фальшивые, ли-

цемерные твари. Вы идеально подходите друг другу.

Оливия возмущенно вскинула свои тонкие брови, а затем ядовито фыркнула мне в спину.

— Твоя жалкая зависть выглядит убого, сестренка! Хотя, возможно, этот брак наконец-то научит тебя хорошим манерам и заставит вести себя как подобает женщине. Если, конечно, Уитмор не вернет тебя отцу через неделю с запиской, что даже его ангельскому терпению есть предел.

Я ничего не ответила, у меня просто не осталось сил на эту пустую грызню. Поднявшись на второй этаж, я вошла в свою комнату и с силой захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной и сползая по дереву на пол. В полумраке спальни все оставалось прежним, каким я оставила его утром: раскрытые конспекты на письменном столе, забытая шерстяная шаль на кресле у окна, вазочка с засохшими цветами на туалетном столике... Все это принадлежало той прежней Кристин, которая еще несколько часов назад считала оценку за экзамен главным событием своей жизни. Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы бессилия снова катятся по щекам, и в моей памяти эхом отозвались его слова: *«Ты все равно будешь моей, Кристин. В другой жизни»*.

— Ну что ж, — прошептала я в глухую пустоту своей комнаты, и к горлу снова подступил тошнотворный спазм парализующего страха. — Видимо, эта жизнь наступила. И мне придется встретиться со своим кошмаром лицом к лицу.

Пока я находилась в комнате, я несколько раз порывалась

пойти к матери. Мои ноги, словно налитые свинцом, упрямо несли меня по ворсистому ковру коридора, я доходила до ее двери, заносила дрожащую руку над холодной бронзовой ручкой и каждый раз замирала, скованная глухим, парализующим страхом. Рун наверняка знала обо всем заранее. Конечно, знала. И если мой отец Рейнар за эту неделю постарел на добрый десяток лет, то загнанное, скорбное выражение лица матери, когда она вела меня по коридору, говорило о масштабах катастрофы красноречивее любых векселей. Я не хотела причинять ей дополнительную, удушливую боль. Не сегодня, когда на весах лежало мое собственное будущее.

Тихий, деликатный стук в дверь заставил меня судорожно вздрогнуть. В комнату бесшумно скользнула молодая горничная Мэриан, пряча глаза.

— Мисс Кристин, простите за беспокойство... Господин Рейнар просил передать, что вас ожидают к праздничному ужину.

Я медленно перевела взгляд на напольные часы, стрелки безжалостно отсчитали мое последнее свободное время.

— Спасибо, Мэриан. Я сейчас спущусь, — выдохнула я через силу, чувствуя, как в горле мгновенно пересохло, а к желудку подступил знакомый, липкий спазм тошноты. Едва дверь за ней закрылась, я осталась наедине с холодной тишиной своей комнаты. — Черт, — это ругательство, сорвавшееся с моих губ, принесло мимолетное, злое облегчение. Подойдя к зеркалу, я дрожащими пальцами поправила рас-

трепавшиеся черные пряди, упрямо ущипнула себя за бледные щеки, чтобы вернуть лицу хоть каплю живого цвета, и уставилась в свои потемневшие от ярости голубые глаза. Отражение выглядело жалко и испуганно. — Всего лишь один ужин. Пошли они все к черту, — прошептала я своему двойнику, выпрямляя плечи. Стало немного легче.

Столовая особняка Беллроузов была одной из самых колоссальных комнат первого этажа и моей самой искренней персональной пыточной. Бабка Амелия почитала ее за эталон аристократического шика, и именно поэтому здесь все казалось мне удушающим, мертвым и враждебным. Высокий потолок давил на плечи тяжелой лепниной, массивная хрустальная люстра отбрасывала на стены дрожащие золотистые тени, похожие на копошащиеся лапы гигантских пауков, а вдоль дубовых панелей высились буфеты, ломящиеся от фамильного серебра и фарфора. Тяжелые портьеры цвета бычьей крови полностью закрывали окна, отсекая нас от внешнего мира, и хотя в камине весело трещали сосновые поленья, простор комнаты все равно обдавал кожу могильной прохладой. Сегодня стол ломился от вызывающей, кощунственной роскоши: накрахмаленная белоснежная скатерть, хрустальные бокалы, отражающие пламя свечей, и серебряные приборы, разложенные с хирургической точностью. Между высокими канделябрами исходили паром блюда с запеченной дичью, соусами и крупным темным виноградом, который в этот морозный декабрь стоил неприличных денег.

Вся эта декорация казалась мне пышным убранством для моей собственной публичной казни.

Я вошла в столовую последней, заставив всех присутствующих обернуться. Мама первой подняла на меня свои, полные безмолвного искупления глаза, и этот ее виноватый, затравленный взгляд заставил мое сердце болезненно сжаться. Я поспешно отвернулась, усаживаясь на свое место и раскладывая на коленях тяжелую льняную салфетку. Отец сидел во главе стола, демонстрируя безупречную осанку и напускное спокойствие, но я слишком хорошо знала Рейнара, чтобы не заметить, как сильно побелели его костяшки на ножке бокала и как нервно дергалась жилка на его челюсти. Оливия сияла праздничной, торжествующей ухмылкой, бабка Амелия величественно поджимала губы, а прямо напротив меня сидел Тристан Уитмор. Он был чертовски, неестественно красив в своем строгом черном фраке и белоснежной сорочке с темным жилетом. Его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, но одна непослушная прядь все равно скользнула на его бледный лоб, делая лицо еще более хищным. Его серо-зеленые глаза в свете свечей казались холодными серебряными зеркалами, которые медленно, безжалостно препарировали меня сквозь пространство стола. Тонкие губы Тристана изогнулись в едва заметной полуулыбке, от которой у меня по спине пробежали отвратительные мурашки.

— Добрый вечер, мисс Беллроуз, — его бархатистый, глубокий голос заставил мои пальцы судорожно сжаться под

столом. — Позвольте лично поздравить вас с блестящей сдачей экзамена. Профессор Хатчинсон был в восторге от вашей работы.

— Благодарю, мистер Уитмор, — я заставила себя вежливо кивнуть, хотя в горле пересохло, а к горлу подступил новый приступ тошноты от этого приторного лицемерия. — Не знала, что мои скромные успехи в университете могут интересовать столь занятого человека.

— Ваша жизнь интересует меня во всех ее проявлениях, Кристин, — мягко парировал он, и его взгляд скользнул по моим ключицам, заставляя кожу покрыться ознобом.

Ужин продолжался в удушающей атмосфере фальшивого благополучия. Слуги бесшумно порхали вокруг стола, меняя блюда и наполняя бокалы дорогим вином, а я сидела как каменное изваяние, не прикоснувшись к еде. Аромат запеченного мяса вызывал у меня лишь отвращение. Я настолько погрузилась в свои яростные мысли, что не сразу расслышала, как отец и Тристан перешли к обсуждению деталей сделки, ради которой мы здесь собрались.

— ...поэтому я считаю, что нет никакого практического смысла откладывать формальности, Рейнар, — ровно произнес Уитмор, аккуратно срезая кусочек мяса со своей тарелки. — Чем скорее мы закроем ваши обязательства перед банком, тем лучше для репутации вашей семьи.

Отец коротко, тяжело кивнул, его голос прозвучал глухо. — Я согласен. Тянуть не имеет смысла.

Я резко вскинула голову, чувствуя, как нервозность перерастает во вспыльчивый гнев.

— Что именно вы не собираетесь откладывать?

В столовой мгновенно воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь сухим потрескиванием дров в камине. Тристан медленно отложил нож и посмотрел на меня своим немигающим, ледяным взглядом.

— Нашу церемонию, Кристин.

— Какую еще церемонию? — я упрямо вздернула подбородок, игнорируя предупреждающий пинок Оливии под столом.

Амелия раздраженно, с присвистом вздохнула, звеня фамильными перстнями по краю бокала.

— Господи, Кристин, имей хоть каплю приличия! Свадьбу, разумеется. О чем еще, по-твоему, может идти речь?

— Я прекрасно понимаю, о чем речь, Амелия. Я спрашиваю, что значит «не откладывать».

Отец тяжело положил вилку на тарелку, и этот металлический звук отозвался болью в моих ушах. Он посмотрел на меня с невыносимой, рабской мольбой.

— Мы решили провести скромное венчание здесь, в нашей приходской церкви. Без лишнего шума и прессы.

— Когда? — этот вопрос сорвался с моих губ хриплым шепотом.

— Через два дня, — спокойно, без тени сомнения произнес Тристан, и на его бледных губах снова заиграла та са-

мая снисходительная полуулыбка хищника, который загнал жертву в угол.

Два дня. Всего два дня свободы. Воздух мгновенно покинул мои легкие, а по ногам прокатилась волна парализующего страха. Я резко отодвинула стул, намереваясь встать и высказать этому ублюдку всё, что я думаю о его сделках, но в этот момент мой взгляд наткнулся на лицо матери. Рун смотрела на меня в немом, умоляющем ужасе. Она судорожно комкала льняную салфетку под столом, ее серые глаза были красными от безмолвных слез. И я застыла, осознав страшную вещь: если я сейчас устрою грандиозный скандал и сбегу, моя мать окажется наковальней между молотом моего гнева и отчаянием отца. Ее просто разорвет на части в этом доме. Я медленно, со скрипом опустилась обратно на стул, с силой вонзив зубы во внутреннюю сторону щеки. Физическая боль и металлический вкус крови во рту помогли мне сохранить остатки самообладания. Я перевела взгляд на Амелию — та сидела с высоко поднятым подбородком, торжествуя улыбаясь своей беззубой, довольной улыбкой воровки, чьи грехи снова оплатили. И внутри меня что-то окончательно сломалось, переплавившись в ледяную, расчетливую ярость. Хорошо. Если вы решили превратить мою жизнь в товар, я сама продиктую условия этой сделки.

Я расправила плечи, глядя Тристану прямо в его серо-зеленые омуты.

— Раз уж вы все так увлеченно обсуждали мою свадьбу

без единственного человека, которому предстоит стоять у алтаря, я тоже хочу озвучить свои требования.

— Кристин, не надо... — попытался вклинить отец.

— Нет, папа. Теперь говорить буду я. А вы молча слушать, — я заставила Рейнара замолчать одним лишь взглядом и снова повернулась к Тристану. — Я соглашусь на этот брак. Я поставлю свою подпись под вашим контрактом. — Моя мать тихо, испуганно ахнула, прикрыв рот ладонью. Оливия мгновенно перестала улыбаться, а Амелия удивленно захлопала глазами. Только Тристан остался абсолютно неподвижен, словно заранее знал каждое мое слово. — Но у меня есть два жестких условия, — отчеканила я, сжимая кулаки под столом до боли в ногтях. — Первое. Я продолжаю свое обучение в университете. До самого конца. Без ваших дурацких попыток убедить меня бросить книги, без внезапных путешествий, переездов и прочей ерунды, которая может этому помешать. Мне нужно мое образование.

Тристан медленно откинулся на спинку стула, его глаза хищно блеснули в полумраке.

— Хорошо, Кристин. Вы действительно думали, что я стану запрещать вам развивать ваш и без того острый ум? Учитесь сколько вашей душе угодно. Это условие принято.

— Прекрасно, — я положила ладони на белоснежную скатерть, чтобы он не заметил, как сильно они дрожат от нервозности. — Теперь второе условие. И оно не подлежит обсуждению. Не смейте ожидать от меня исполнения супруже-

ских обязанностей.

Тяжелая серебряная вилка Рун с громким, дребезжащим звоном упала на ее фарфоровую тарелку. Амелия шумно, со свистом втянула воздух, ее лицо побагровело от святотатственного возмущения. Оливия удивленно округлила свои красивые глаза, а затем на ее лице проступило выражение почти искреннего, извращенного восхищения моей наглостью.

— Кристин! — глухо, со стоном выдохнул отец, пряча лицо в ладонях. — О боги, прекрати эти непристойности...

Но я не отвела взгляда от Тристана, буравя его глазами.

— Вы прекрасно меня слышали, мистер Уитмор. Я выйду за вас замуж. Буду носить вашу фамилию на приемах, если вам так необходим этот трофей под рукой. Перед высшим светом мы можем разыгрывать какую угодно счастливую партию. Но настоящей женой я вам не стану. Никогда. В вашем доме у нас будут абсолютно разные, отдельные спальни, и вы не посмеете переступить порог моей комнаты без моего личного, письменного разрешения. Это моя цена за спасение Беллроузов.

— Какая мерзость! Какое бесстыдство! — взорвалась Амелия, колотя сухими кулаками по столу. — Рейнар! Ты позволишь этой девке произносить подобные отвратительные вещи прямо за ужином?! Она говорит о супружеской постели перед слугами! В ней нет ни капли стыда!

— Мама, пожалуйста, замолчи... — тихо, сквозь слезы

прошептала Рун.

— По-моему, наш дорогой Тристан многое упустит в этом браке, — лениво протянула Оливия, медленно вращая ножку своего хрустального бокала и наслаждаясь разыгравшейся драмой. — Кристин умеет быть колючей.

Рун резко повернулась к ней, ее серые глаза сверкнули редким гневом.

— Достаточно, Оливия! Прикуси свой язык!

Старшая сестра лишь невинно приподняла брови, сделав глоток вина и откидываясь на спинку стула. Я продолжала неотрывно смотреть на Тристана, и его абсолютное, ледяное спокойствие раздражало меня сильнее бабкиных криков. Он не выглядел ни оскорбленным, ни смущенным. Он медленно взял свой бокал с виски, сделал крошечный глоток, катая жидкость во рту, и произнес со своей вечной, сводящей с ума полуулыбкой.

— Итак... вы хотите продолжать тратить время на книги и не желаете делить со мной постель в моем особняке. Больше никаких капризов, Кристин?

Я прищурилась, чувствуя, как под ребрами неприятно холодеет.

— Пока нет.

— Тогда по рукам, мисс Беллроуз. Я согласен на ваши условия, — просто ответил он.

Амелия резко развернулась к нему, ее перья на шляпке задрожали.

— Тристан! Вы совершенно не обязаны потакать этой вздорной девке в ее безумных...

— Все в порядке, миссис Беллроуз. Я уже озвучил свое решение. Сделка заключена, — его голос оставался мягким, но в нем прозвучала такая стальная, непреклонная сила, что Амелия мгновенно заткнулась, испуганно поджав губы. Я напряглась. Все происходило слишком легко. Этот хищник не мог сдаться без боя.

— Вы действительно согласны не входить в мою спальню без разрешения? — недоверчиво спросила я.

Тристан медленно опустил свой серо-зеленый взгляд к моим губам, и это мимолетное прикосновение заставило мою кожу вспыхнуть от постыдного жара, а затем его глаза снова поднялись к моим.

— Не войду, Кристин. Обещаю. А там... посмотрим.

Слабое облегчение, едва успевшее зародиться в моей груди, мгновенно испарилось, сменившись парализующей тревогой.

— Никаких «посмотрим», мистер Уитмор.

В его глазах на долю секунды вспыхнуло то самое древнее, злое пламя.

— Вы так свято уверены, что никогда сами не измените своего решения?

— Абсолютно.

— «Никогда» — это слишком долгое слово во вселенной, Кристин.

— Для вас я готова сделать его вечным, — процедила я сквозь зубы.

Уголок его рта порочно дрогнул вверх.

— В другой жизни тоже?

Я мгновенно похолодела, чувствуя, как дыхание перехватило. Никто за этим роскошным столом не понял истинного значения этих слов. Ни отец, ни мать, ни Оливия. Но я поняла. Он помнил. Он знал обо мне всё.

— Не смейте... — тихо, сдерживая дрожь в руках, произнесла я.

Тристан продолжал смотреть на меня с той самой ухмылкой, в которой теперь читалось не просто торжество, а глубокое, вековое знание моей сути.

— Хорошо, мисс Беллроуз. Никаких «посмотрим». Ваши условия приняты в полном объеме.

Отец шумно, облегченно выдохнул, вытирая салфеткой лоб.

— Ну вот и славно. Раз уж все формальности улажены, предлагаю закончить этот деловой разговор и наконец нормально поужинать.

Нормально. Я посмотрела на свою тарелку, где кусок нежного мяса уже покрылся неприятной жирной пленкой. Запах еды, который еще час назад казался мне манящим после долгой смены в пекарне, теперь вызывал лишь острую, лихорадочную тошноту. Перед глазами все плыло. За этим столом сидели люди, которые только что хладнокровно прода-

ли мою свободу: бабка-воровка, трусливый отец, плачущая мать и Тристан Уитмор — чудовище, которое через два дня станет моим законным мужем. С меня хватит. Я резко сбросила салфетку на стол и поднялась. Ножки моего стула с противным, визгливым скрежетом проехали по паркету.

— Простите, — мой голос прозвучал тихо, но твердо. — Я сыта по горло вашим гостеприимством.

Оливия смерила взглядом мою нетронутую тарелку.

— Ты же ничего не съела, сестренка.

— Удивительно, правда? — я одарила ее самым ядовитым взглядом.

— Кристин, сядь на место, — хмуро приказал отец.

— Нет, папа. Вы хотели получить мое согласие? Вы его получили. Мистер Уитмор хотел себе покорную жену — через два дня он получит мою подпись в церковной книге. Бабушка хотела, чтобы ее грязные долги снова кто-нибудь оплатил — поздравляю, Амелия, твоя кража удалась. Думаю, мое присутствие за этим праздничным столом больше никому не требуется. Спокойной ночи, мама.

Рун едва слышно, давась слезами, выдохнула мне вслед.

— Спокойной ночи, милая...

Я развернулась и быстрыми шагами направилась к выходу.

— Кристин, — глубокий голос Тристана заставил меня замереть у самой двери. Я медленно, преодолевая висцеральное отвращение, обернулась. Он больше не улыбался, его се-

ро-зеленые глаза смотрели на меня с пугающей, запредельной серьезностью: — Еще раз поздравляю с экзаменом. Вы умница.

— Наслаждайтесь вашим ужином, мистер Уитмор, — выплюнула я, шагнула в прохладный коридор и с силой захлопнула за собой дверь.

Только оказавшись в темной тишине, я позволила себе остановиться, прислонившись спиной к прохладной деревянной панели. Мои ладони крупно, неуправляемо дрожали, а сердцебиение колотилось где-то в самом горле, мешая сделать вдох. Через два дня.

Всего через два дня я стану Кристин Уитмор. Эта мысль казалась настолько чудовищной, неправильной, что я невольно зажала рот ладонью, подавляя крик. Нет. Плакать здесь я не буду. Только не тут. Я выпрямилась и медленно побрела к лестнице на второй этаж.

Если бы я обернулась в ту секунду, я бы не увидела ничего необычного. Не увидела бы, как после моего ухода вся вежливая улыбка мгновенно стерлась с лица Тристана Уитмора, превратив его в гранитную маску. Как он перестал слушать глупые вопли Амелии, продолжавшей возмущаться моим поведением. Как его бледные пальцы медленно, до хруста сжали ножку хрустального бокала, заставив стекло пойти невидимой трещиной. И уж точно я не услышала бы ту страшную, леденящую кровь мысль, которую Тристан никогда бы не озвучил при моем отце.

Два дня. Оставалось всего два дня до того момента, когда я добровольно произнесу «да» перед алтарем, даруя ему абсолютную власть над моей душой. И если он ошибся в своих расчетах хотя бы на одну ночь, эта свадьба уже не будет иметь никакого значения во вселенной.

Глава 3.

Голос профессора Харрингтона обычно обладал тем самым редким, гипнотическим свойством, которое мгновенно заставляло замолчать даже самых отпетых бузотеров на задних скамьях аудитории. Невысокий, иссушенный годами мужчина далеко за пятьдесят, с густыми седыми бакенбардами, напоминавшими сухой лишайник, и острым, коршуным носом, он никогда не повышал голоса. Ему этого просто не требовалось. Стоило профессору прервать лекцию на полуслове, медленно, с достоинством снять свои тонкие круглые очки и приняться методично протирать стекла безупречно сложенным платком, как в огромном зале воцарялась такая звенящая, мертвая тишина, что было слышно лишь сухое потрескивание угля в тяжелой чугунной печи у стены. Харрингтон читал свой предмет обстоятельно, требовал от студентов невозможного, хвалил раз в десятилетие и обладал зловещей способностью внезапно задавать каверзный вопрос именно тому, кто позволил себе хотя бы на секунду отвлечься от конспекта. Обычно меня это ничуть не беспокоило. Его лекции по римскому праву действительно увлекали меня, мои тетради всегда пестрели аккуратными записями, а тайная радость ответить там, где остальные испуганно мычали, согревала мое самолюбие. Но сегодня монотонный, сухой голос профессора превратился для меня в

ровный, отдаленный гул, долетавший словно сквозь толщу грязной воды.

Я сидела у самого окна, подпирая затекший висок дрожащими пальцами, и уже в третий раз перечитывала одну и ту же строчку в тетради, тщетно пытаюсь осознать, в какой момент чернила на кончике моего пера успели засохнуть, превратившись в черную корку. За высоким стеклом медленно, равнодушно падал тяжелый снег. За ночь мороз укрепился настолько, что нижнюю часть оконных рам затянуло толстым слоем мертвенно-белых ледяных узоров, а от щелей ощутимо тянуло могильным холодом, заставляя мои колени мелко дрожать под суконной юбкой. На улице лениво проезжали редкие экипажи, изнуренные лошади выбрасывали из ноздрей густые клубы пара, закутанные в темные пальто прохожие торопились по скользкому тротуару, и вся эта обыденная, суетливая чикагская жизнь казалась мне сегодня недосыгаемым, прекрасным раем. Эти люди шли по своим мелким делам, ругались с кучерами, несли покупки и... господа, среди них наверняка не было ни одной девчонки, которой предстояло через два дня выйти замуж за омерзительного человека.

Через два дня. Эти три слова со вчерашнего вечера гвоздями вбились в мой мозг, превратившись в пыточное эхо. Они преследовали меня повсюду: когда я проснулась в ледяном поту на рассвете, когда умывалась ледяной водой, когда сидела за завтраком напротив бледного, раздавленного

долгами отца и торжествующей бабки Амелии. Даже сейчас, сквозь скрип десятков перьев по бумаге, этот шепот просачивался мне в душу: через два дня, через два дня, через два дня... Еще вчера у меня впереди было два года учебы и прозрачной свободы. Теперь у меня осталось сорок восемь часов перед тем, как Уитмор наденет кольцо на мой палец, забирая права на мою плоть. Я до боли сжала перо, чувствуя, как к горлу подкатывает удушливая тошнота от этого бессилия.

— ...поэтому сама по себе способность бездумно воспроизвести услышанный материал, — донесся до меня лекторский голос Харрингтона, который медленно прохаживался вдоль первого ряда, заложив руки за спину, — еще не свидетельствует о наличии у вас понимания предмета, господа. Попугай также способен заучить и повторить отдельные латинские термины, однако диплом юриста ему по этой причине пока не выдается.

По аудитории прокатился волна приглушенных смешков. Я даже не улыбнулась. Перед глазами стояло вчерашнее лицо Тристана. Его идеальные скулы, холодные серо-зеленые глаза и эта снисходительная, торжествующая полуулыбка, когда я озвучила свои требования о отдельных спальнях. «*А там посмотрим*». Самодовольный, порочный мерзавец. Я стиснула зубы так сильно, что в челюсти хрустнуло, а кончик пера с тихим треском прорвал бумагу тетради, оставив на листе жирную черную кляксу, похожую на каплю яда.

— Мисс Беллроуз, — этот голос прозвучал слишком близ-

ко. Я не среагировала, продолжая сверлить глазами черное пятно. — Мисс Беллроуз!

Чей-то локоть осторожно, но настойчиво ткнул меня в бок. Я судорожно вздрогнула, резко вскинув голову, и обнаружила, что в аудитории воцарилась та самая мертвая, зловещая тишина. Профессор Харрингтон стоял в двух шагах от моей парты, глядя на меня поверх своих круглых очков с выражением глубокого, разочарованного недоумения. Несколько студентов на соседних рядах обернулись, злорадно ухмыляясь. Мои щеки мгновенно обдал пунцовый, удушливый жар смущения, а в горле окончательно пересохло.

— Простите, профессор... — выдавила я хрипло.

Харрингтон медленно снял очки и принялся складывать свой платок. Это был скверный знак.

— Я спросил вас, мисс Беллроуз, — произнес он с той убийственной, ледяной вежливостью, которая всегда предвещала студенту публичную казнь, — способны ли вы объяснить аудитории, по какой причине приведённый мною прецедент в корне противоречит довольно смелому утверждению мистера Уилсона?

Я растерянно посмотрела на исписанную мелом доску, затем на профессора, чувствуя, как сердце испуганно заколотилось в самой груди, отдаваясь пульсацией в висках. Я не имела ни малейшего понятия, о каком прецеденте шла речь и что вообще нес несчастный мистер Уилсон.

— Боюсь, я... я не слышала вашего вопроса, сэр.

По аудитории прокатился новый, более громкий смешок. Элис рядом со мной судорожно прикусила губу, пряча лицо в ладонях, чтобы не расхохотаться вслух. Харрингтон тяжело вздохнул, водружая очки обратно на переносицу.

— Это печальное обстоятельство я уже успел констатировать, мисс Беллроуз. Меня гораздо больше занимает причина вашего столь глубокого ментального отсутствия на моей лекции.

— Я задумалась, профессор.

— Надеюсь, над чем-нибудь поразительно значительным для развития человеческой мысли?

Если бы этот старик только знал, что через два дня меня продадут как вещь ради спасения Беллроузов от позорной долговой ямы.

— Для меня да. Абсолютно значительным, — тихо, но твердо ответила я, глядя ему прямо в глаза.

В глазах Харрингтона на секунду мелькнуло неподдельное удивление — обычно примерная студентка Беллроуз не позволяла себе дерзить преподавателям. Но мой ответ, кажется, скорее заинтриговал его, чем рассердил. Он сухо кашлянул в кулак, возвращаясь к кафедре.

— Что ж, в таком случае я искренне надеюсь, что ваши судьбоносные размышления разрешились благополучно. А теперь, с вашего милостивого позволения, мы все же вернемся к римскому праву, которое остальные присутствующие имели несчастье выбрать на этот час.

Студенты рассмеялись уже открыто, и я почувствовала, как уши горят от стыда.

— Да, профессор. Извините.

— Великолепно. Мисс Беллроуз снова почтила нас своим присутствием. Продолжим.

Элис немедленно наклонилась ко мне, прикрывая рот тетрадкой, ее карие глаза блестели от сдерживаемого веселья.

— Крис, боги, ты сейчас красная как спелая свекла!

— Замолчи, Элис, — прошептала я сквозь зубы, не поворачивая головы и судорожно вытирая чернильное пятно на пальце.

— С удовольствием, мисс Беллроуз, — прыснула подружка. — Не смею мешать вашим поразительно значительным думам о великом.

Я чувствительно пнула ее под столом носком ботинка, заставив ее охнуть и уткнуться лицом в парту. С другой стороны Лизи бросила на нас строгий, предупреждающий взгляд своей идеальной светлой головки, но в ее глазах тоже плясали озорные смешинки. Только Амира, сидевшая через проход, не улыбалась. Она слегка нахмурилась, едва заметно приподняв соболиные брови, словно спрашивая без слов: *Что с тобой происходит?* Я лишь едва заметно покачала головой, давая понять, что разговор не для этих стен. Но подруги знали меня слишком хорошо. И если даже сухой Харрингтон заметил мою нервозность, то три девчонки, с которыми я делила все тайны последние годы, тем более не мог-

ли пропустить это мимо ушей.

Долгожданный звонок, возвестивший окончание лекции, прозвучал для меня как спасение из пыточной камеры. Аудитория мгновенно взорвалась шумом: захлопали тяжелые крышки парт, закрипели стулья, по залу поплыл гул голосов. Я торопливо сгребла свои тетради в сумку, стремясь уйти как можно скорее.

— Ну уж нет, подруга, ты никуда от нас не сбежишь, — Элис мертвой хваткой вцепилась в мой локоть, преграждая путь.

— Мне нужно идти, девочки. Правда.

— У тебя на лице написана такая трагедия, Крис, что там можно прочесть целый готический роман, — Амира подошла к нам, небрежно застегивая воротник своего шерстяного пальто. В ее глазах сквозило то самое цепкое, вьедливое внимание, от которого мне всегда становилось не по себе. — Причем финал у этого романа явно кровавый.

— Дайте ей хотя бы выйти на воздух, — вмешалась Лизи, поправляя свои безупречные светлые локоны. — Или вы хотите устроить допрос прямо под носом у Харрингтона? Он с радостью поучаствует.

Я вымученно улыбнулась. Из нашей четверки Лизи всегда казалась образцом благовоспитанности — идеальная осанка, тихий голос, безупречные манеры. Моя бабка Амелия наверняка прослезилась бы от умиления при виде этой мисс Элизабет. Но только мы знали, что стоило дверям закрыться, как

Лизи первой предлагала залезть ночью на крышу университета с бутылкой отцовского портвейна и могла выдать такое крепкое словцо, от которого даже Амира уважительно присвистывала. Элис была прямой противоположностью — рыжая, зеленоглазая бунтарка с ямочками на щеках, которая умудрялась находить повод для смеха даже на похоронах. А Амира... Амира была скрытной, умной и пугающе проницательной. Именно она всегда замечала то, что я так отчаянно пыталась закопать поглубже.

— Пойдемте в буфет, — Амира накинута свою теплую руку мне на плечи, увлекая к выходу. — И ты выложишь нам все как на духу, Кристин.

— Я не хочу...

— Если ты нам не расскажешь сама, — радостно защекотала Элис, шагая рядом, — я начну строить свои безумные теории. Например, что ты тайно обручилась с цыганским бароном.

— Я уже близка к этому, — горько усмехнулась я, когда мы вышли в оживленный, гулкий коридор. Холодный воздух с лестницы обдал наши лица. Я продержалась ровно до первого пролета: — Я выхожу замуж, девочки. Через два дня.

Лизи остановилась так резко, что идущий следом студент едва не снес ее с ног, проворчав что-то невнятное. Элис ошарашенно захлопала ресницами, а Амира медленно, с тяжелым вздохом убрала руку с моего плеча, и в ее глазах промелькнула странная, нервная тень.

— Что ты сейчас сказала, Крис? — тихо спросила она.

— Через два дня состоится моя свадьба, — повторила я, чувствуя, как горло снова сжимает ледяной спазм.

— Мы слышали слова, — Амира нахмурилась, ее пальцы судорожно сжали ремень сумки. — Но я пытаюсь осознать, почему эта дичь вдруг имеет отношение к тебе.

— Пойдемте вниз, — Лизи ухватила меня за вторую руку, увлекая в полуподвальное помещение студенческого буфета, где пахло дешевым чаем, влажным камнем и жареными каштанами. Мы заняли самый дальний, погруженный в тень столик у запотевшего окна. Лизи не позволила мне даже стянуть шерстяные перчатки. — Кто он, Кристин? Отвечай немедленно.

Я посмотрела на их бледные, полные тревоги лица и выдохнула это имя, как грязное проклятие.

— Тристан Уитмор.

В буфете на секунду воцарилась гробовая, леденящая тишина.

— О боги... — выдохнула Элис, прикрывая рот ладонью.

— Тот самый Уитмор? — Лизи нахмурилась, в ее глазах отразился неподдельный испуг. — Владелец лесопилок и железных дорог?

— Нет, Элис, другой. Лысый, нищий и парализованный старик, — я ядовито усмехнулась, чувствуя, как слезы снова подступают к глазам. — Да, тот самый.

— Но он же... он же неприлично, просто дьявольски кра-

сив, Крис! — Элис уставилась на меня так, словно я объявила о помолвке с принцем уэльским. — Половина женщин Чикаго продали бы душу дьяволу за один его взгляд!

Я глухо застонала, утыкаясь лицом в ладони, пахнущие ягодным мылом.

— Если эта половина так жаждет его, пусть забирают. Я уступлю его без боя.

— Дайте ей договорить! — оборвала ее Амира, и ее темные глаза внимательно следили за каждым моим микродвижением.

И я рассказала им все. Почти все. О позорных долгах Амелии и ее воровстве я промолчала — семейная грязь должна была остаться за закрытыми дверями нашего особняка. Я лишь сухо объяснила, что у отца возникли катастрофические долги, Тристан предложил полностью закрыть векселя Беллроузов в обмен на мою подпись в брачном контракте. Рассказала о вчерашнем кошмарном ужине, о своих условиях раздельных спален и о том, что венчание состоится через сорок восемь часов. Когда я закончила, лица подруг окончательно лишились прежнего веселья.

— Два дня... — тихо протянула Лизи, качая головой. — Это же форменное безумие, Крис. Это рабство.

— Спасибо, Лизи. Хоть у одного человека здесь остался мозг.

— Почему такая спешка? — Амира прищурилась, ее пальцы нервно выстукивали дробь по деревянному столу. —

Зачем ему жениться на тебе прямо сейчас, среди зимы?

— Я не знаю, Амира. Вчера я была слишком занята попытками не разрыдаться прямо в тарелку, чтобы вникать в его мотивы.

— Но неужели ты испытываешь к нему настолько сильное отвращение? — осторожно спросила Лизи, заглядывая мне в глаза. — Я видела его на приемах пару раз. Он казался изысканным, обходительным господином...

— Он умеет казаться, Лизи. В этом его главная опасность.

— Он сделал тебе что-то плохое? — Амира подалась вперед, и в ее шепоте прорезалась странная, пугающая дрожь.

Я замолчала, чувствуя, как пальцы на моих ногах занемели от внезапного воспоминания. Перед глазами с пугающей четкостью вспыхнул один весенний вечер в зимнем саду Смитов. Было душно, пахло мокрыми листьями роз, и я вышла на террасу, чтобы сбежать от Тристана. Но через минуту услышала его бесшумные шаги за спиной. Мы обменялись дежурными колкостями, и когда я попыталась пройти мимо него, Уитмор плавно перехватил меня за запястье. Всего лишь за запястье. Без грубости или насилия. Но в ту же секунду меня словно с разбегу швырнули в ледяную полыню. Это не был обычный холод мужской ладони. Это был потусторонний, абсолютный, мертвый Холод, который мгновенно ворвался мне под кожу, пронесся по вене вверх к плечу и сжал мое сердце такой железной хваткой, что у меня потемнело в глазах, а легкие отказались сделать вдох. В ушах

раздался оглушительный, тяжелый рев воды, разбивающейся о скалы. А затем все прекратилось. Тристан отпустил меня, его серо-зеленые глаза смотрели на меня со странным, диким прищуром, а сам он хрипло спросил: «*Ты слышала это, Кристин?*». Я тогда соврала, что мне просто стало дурно от духоты.

— Однажды он прикоснулся к моей руке, — медленно, преодолевая сухость в горле, произнесла я. — И мне стало так невыносимо холодно, словно я схватилась голой ладонью за кусок могильного льда. Холод прошел до самого сердца. Я... я не могла дышать несколько секунд.

Подруги испуганно замолчали.

— И что он сделал? — прошептала Лизи.

— Отпустил. И спросил, слышала ли я воду.

— Воду? — Элис нахмурилась. — Какую воду? В зимнем саду?

— Не знаю, — я отвела глаза, не желая признаваться им, что действительно слышала рев волн.

Пауза затянулась, пока Элис наконец не попыталась разрядить эту зловещую атмосферу своей привычной, глупой улыбкой.

— Ну... может быть, он просто настолько дьявольски хорош собой, Крис, что у тебя от одного его прикосновения кровь просто перестала доходить до конечностей?

Лизи возмущенно шикнула на нее.

— Элис! Заткнись! Это совершенно неуместно!

— Что? Я лишь пытаюсь найти этому научное, физиологическое объяснение! — защищалась та.

Я не выдержала и слабо, сквозь слезы рассмеялась.

— Дура ты, Элис.

— Зато тебе уже лучше, — подмигнула она мне. — Послушай, — Элис придвинулась вплотную, понизив голос до заговорщического шепота. — Я понимаю твою злость. Но согласись: могло быть в сто раз хуже. Тебя выдают за молодого, баснословно богатого мужчину, который выглядит как сошедший с небес падший ангел. В его постели, уверяю тебя, тебе точно не будет так холодно.

Я едва не подавилась своим остывшим чаем, закашлявшись.

— Элис! Господи! О чем ты говоришь в общественном месте?!

Ее рыжие кудряшки затряслись от хохота, а Лизи мгновенно стала пунцовой от смущения, прикрывая лицо ладонями.

— Как тебе не стыдно, Элис! Здесь же люди вокруг!

— Я говорю очень тихо, Лизи! — фыркнула та.

Амира невозмутимо сделала глоток из своей кружки, на ее красивом лице не дрогнул ни один мускул.

— Лично мне кажется, что в словах Элис есть здоровое зерно, Кристин.

Я ошалело уставилась на нее.

— И ты туда же, Амира?!

— Я не говорю, что этот брак предел мечтаний, — ровно ответила она, и в ее глазах мелькнула странная, затаенная тоска. — Но если бы мне пришлось оказаться в постели с женщиной против своей воли, я бы предпочла, чтобы он обладал телом Тристана Уитмора, а не дряблой плотью профессора Харрингтона.

Элис согнулась пополам от гомерического хохота, колотя кулаком по столу, Лизи тихо стонала от стыда, а я лишь покачала головой, чувствуя, как удушливый страх перед Тристаном на мгновение отступает под натиском их искренней, сумасшедшей поддержки.

— Вы просто отвратительны, девочки. Все три.

— Зато мы честны с тобой, Крис, — улыбнулась Амира.

— В любом случае, — я гордо выпрямила спину, утирая остатки слез, — я поставила ему жесткое условие: никакой супружеской постели в его доме не будет. Мы спим в разных крыльях особняка. И он согласился. Так что его красота ему не поможет.

Элис медленно, нехотя перестала смеяться, и ее карие глаза, еще мгновение назад искрившиеся безудержным весельем, округлились от искреннего, глубокого недоумения.

— Совсем? — переспросила она, подавшись вперед над щербатым деревянным столом студенческого буфета.

— Совсем, — отрезала я, упрямо сжимая пальцами глиняную кружку с остывшим чаем.

— Никогда в жизни? — Элис понизила голос до благого-

вейного шепота.

— Никогда.

— Боги, Кристин... Какая вопиющая, просто преступная расточительность с твоей стороны, — вздохнула рыжеволосая подруга, сокрушенно качая головой. — Упустить такого мужчину.

— Если он тебе так безумно нравится, могу подарить его тебе целиком, вместе с его железными дорогами и лесопилками, — я зло прикусила губу, чувствуя, как внутри снова начинает закипать вспылчивый, нервный гнев на собственную судьбу. — Хочешь?

Элис нарочито серьезно задумалась, подперев пальцем подбородок.

— Хм... А его неприличное состояние прилагается к этому щедрому подарку?

— Элис! — в очередной раз возмутилась Лизи, и на ее бледных, безупречно гладких щеках выступил пунцовый румянец смущения. — Как тебе не стыдно говорить о подобных вещах в приличном месте!

— А что здесь такого, Лизи? — хохотнула та. — Вексель Беллроузов — штука серьезная, нужно ведь знать, за что наша Крис идет на плаху.

На этот раз я не сдержалась и тихо, искренне рассмеялась. И впервые со вчерашнего вечера, когда отец огласил мне свой приговор в кабинете, этот смех не был истеричным или надрывным. Он принес мимолетное, спасительное теп-

ло в мою грудную клетку, унимая мелкую дрожь в пальцах. Звонок, возвестивший о начале следующей лекции по латыни, застал нас посреди жаркого спора о том, имеет ли благовоспитанная девица моральное право оценивать будущего супруга исключительно по ширине его плеч и хищному развороту скул. Лизи с прискорбием утверждала, что мы окончательно лишились последних крох девичьего стыда, Элис яростно доказывала, что плечи имеют колоссальное значение в браке, Амира требовала предоставить ей научное обоснование этой теории, а я вдруг поймала себя на удивительной, облегчающей мысли: последние десять минут я вообще не думала о Тристане Уитморе.

Последующие часы лекций прошли на удивление легко. Я заставила свой измученный разум сосредоточиться на учебе, цепляясь за латинские термины и прецеденты римского права как за спасительную соломинку. Я записывала каждое слово профессора Харрингтона, усердно скрипя пером по бумаге, и даже удостоилась от этого сурового коршуна короткого, удовлетворенного кивка и сухого: «Вот теперь я снова узнаю прилежную мисс Беллроуз, господа». В обычный день эта похвала заставила бы меня сиять от гордости, но сейчас она лишь вернула мне призрачное ощущение контроля над собственной жизнью. Пока перед моими глазами лежали тяжелые фолианты, пока существовали законы логики, даты и параграфы, мир казался мне чем-то упорядоченным, правильным. Чем-то, в чем еще можно было выжить.

Когда последнее занятие закончилось и студенты начали шумно покидать аудиторию, мы вчетвером задержались у высоких дверей выхода. Холодный сквозняк с лестницы обдал наши лица запахом сырого угля и мокрого сукна.

— Мы увидимся завтра перед занятиями? — спросила Лизи, аккуратно застегивая пуговицы своего безупречного шерстяного пальто.

— Конечно, — я натянула плотные перчатки, чувствуя, как пальцы ног немеют от пробивающегося из окон студеного воздуха.

— Завтра... твой последний день свободы перед венчанием, — тихо, с грустной серьезностью напомнила Элис, и эти слова мгновенно, болезненным ударом под дых вернули меня на землю. К горлу подступила привычная, горькая тошнота.

— Тем более, — я упрямо вскинула подбородок, борясь с подступающими слезами. — Я не собираюсь сидеть дома взаперти под присмотром Амелии и медитировать на свое белое кружевное платье. Я приду в университет.

Амира, пряча половину лица в пушистый меховой воротник, долго и пристально всматривалась в мои глаза.

— В таком случае завтра вечером мы с девочками придем к тебе домой.

— Зачем? — я нахмурилась. — Бабушка устроит грандиозный скандал, если вы нарушите семейный покой накануне свадьбы.

Элис заговорщически просияла, обнажив ямочки на щеках.

— Провожать тебя в последний путь, Крис!

— Какое обнадеживающее напутствие, Элис.

— Я хотела сказать, в счастливую, благообразную семейную жизнь!

— От этого объяснения мне стало только хуже, — я слабо улыбнулась.

Мы обнялись на прощание, согревая друг друга в этом ледяном коридоре, и разошлись.

На улице мороз за время занятий усилился настолько, что от резкого вдоха у меня мгновенно перехватило дыхание, а колючий ветер с озера швырнул в лицо горсть мелкого, жесткого снега. Я плотнее запахнула воротник пальто, втянула голову в плечи и быстрым, скользящим шагом направилась по обледеневшей мостовой в сторону пекарни миссис Хейз. Сегодня я почти не опаздывала. Наш Чикаго перед праздниками бурлил, как закипающий котел, экипажи и конки двигались по проезжей части сплошным, громяющим потоком, уличные торговцы торопливо укрывали брезентом замерзающие овощи, а у газетного киоска двое мужчин яростно спорили, брызжа слюной на морозе. Я уже собиралась перейти перекресток, когда из темноты за моей спиной раздался глубокий, бархатистый мужской голос, заставивший мое сердце испуганно замереть, а затем бешено заколотиться в самом горле.

— Добрый день, мисс Беллроуз.

Я зажмурилась на секунду, подавляя судорожный вздох парализующего страха. Господи, только не он. Только не сейчас, когда у меня нет сил защищаться. Я медленно обернулась. Тристан Уитмор стоял всего в двух шагах от меня. Он выглядел безупречно и пугающе в своем длинном черном двубортном пальто из дорогого сукна с высоким воротником и темных кожаных перчатках. Крупные хлопья снега медленно оседали на его плечах и темных волосах, но на его бледном лице не отражалось ни малейшего признака холода — словно этот мужчина сам был сотворен из льда.

— Вы меня преследуете, мистер Уитмор? — вместо приветствия выплюнула я, чувствуя, как пальцы рук судорожно сжимают ручки сумки.

— Забавно, Кристин, — его серо-зеленые глаза хищно сузились, и на губах появилась та самая порочная полуулыбка, которую я так ненавидела. — Я как раз собирался задать вам аналогичный вопрос.

— С какой стати? — Он ленивым жестом руки указал на величественное кирпичное здание за моей спиной. Я обернулась и почувствовала, как к щекам приливает жар стыда. Прямо над моей головой красовалась тяжелая медная вывеска: *«Центральная контора компании Уитмор»*. Черт. Черт бы его побрал. — Это... это чистое совпадение, — сухо процедила я, пятясь к перекрестку. — И не смейте так ухмыляться. Будто я специально пришла сюда, чтобы караулить

вас у порога.

— А разве вы пришли не за этим, Кристин? — его голос опустился до вкрадчивого полусшепота, заставив волосы на моей шее подняться дыбом.

— Нет!

— Жаль. Очень жаль.

— Всего доброго, мистер Уитмор, — я резко развернулась, намереваясь уйти, но Тристан беззвучно, с грацией сытого леопарда пошел рядом со мной, подстраиваясь под мой быстрый шаг. Я тут же остановилась, тяжело дыша на морозе. — Что вы делаете? Прекратите идти за мной!

— Я просто иду по улице города, Кристин.

— Идите в противоположную сторону!

— Но мне необходимо именно в эту.

— Тогда идите медленнее!

— Боюсь замерзнуть без вашей компании, — в его глазах плясали холодные серебряные искры.

Я смирила его ледяным, презрительным взглядом с головы до ног.

— Сомневаюсь, что вы вообще способны чувствовать холод, мистер Уитмор.

Улыбка мгновенно, словно срезанная бритвой, исчезла с его лица. Его черты окаменели, превратившись в бледную, идеальную маску, а серо-зеленый взгляд сделался таким глубоким и мертвым, что у меня перехватило дыхание. Это произошло так стремительно, что я почти решила, будто мне по-

казалось.

— Почему вы так решили? — тихо, без прежней иронии спросил он, и в его интонации мне послышался глухой шум прилива.

Я невольно вспомнила ту весну в зимнем саду. Его пальцы на моем запястье. Тот абсолютный, потусторонний Холод, который едва не остановил мое сердце, и призрачный реверберирующий рев черной воды в ушах.

— Просто предположение, — пробормотала я, отступая на шаг.

Тристан пристально, не мигая, всматривался в мое лицо.

— Вам стоит почаще доверять своим интуитивным предположениям, Кристин. Они у вас пугающе точны.

— А вам стоит прекратить называть меня по имени без моего личного разрешения!

— Через сорок восемь часов, мисс Беллроуз, это имя будет наименьшей из тех вольностей, что я смогу себе позволить, — его губы снова изогнулись в опасной усмешке.

Я резко развернулась к нему всем телом, чувствуя, как дрожат мои ноги от бешенства.

— Мы вчера заключили соглашение за ужином, мистер Уитмор! Вы обещали!

— И я держу свои обещания, Кристин. Раздельные спальни. Никаких прикосновений без вашей воли.

— Тогда прекратите свои грязные намеки!

Тристан неожиданно тяжело, со свистом выдохнул сквозь

зубы, и впервые на моей памяти на его бледном лице не отразилось ни привычного цинизма, ни превосходства богатого баловня судьбы. Он выглядел... уставшим. Словно нес на плечах непосильный груз веков.

— Неужели вы действительно считаете меня чудовищем, Кристин? — негромко спросил он, глядя на падающий снег между нами. — Неужели верите, что я пошел на этот брак исключительно ради извращенного удовольствия мучить вас в своем доме?

— Я не знаю ваших мотивов, мистер Уитмор. Но удовольствие от моей беспомощности вы явно получаете в огромном объеме.

— Вы жестоко ошибаетесь, — тихо произнес он, опуская глаза. — Но у меня нет времени переубеждать вас. — Я не нашлась что ответить, чувствуя, как к горлу снова подступает удушливая тошнота от этого непонятного напряжения, и снова зашагала вперед по тротуару. — Кристин, — его негромкий, но властный голос заставил меня замереть на месте в паре шагов от него. Тристан стоял посреди метели, высоко подняв воротник пальто, и его серо-зеленый взгляд был устремлен прямо мне в душу. — Завтра не задерживайтесь на улице после наступления темноты. Умоляю вас. Возвращайтесь в особняк засветло.

Я удивленно нахмурилась, чувствуя, как нервозность ледяной иглой вонзается под ребра.

— Это еще почему?

Он посмотрел куда-то мимо моего уха, в серую пелену метели над площадью, словно видел там нечто гигантское и страшное, скрытое от моих глаз. Я инстинктивно обернулась, но не заметила ничего, кроме спешащих людей, экипажей и кружащего снега.

— Просто сделайте то, о чем я вас прошу, Кристин. Единственный раз. Для вашей же безопасности.

Я горько, обреченно рассмеялась, пряча лицо в воротник пальто.

— Прекрасная, просто исчерпывающая причина для послушания.

— Если бы вы знали... — он осекся, его челюсть судорожно сжалась, а пальцы в перчатках вцепились в трость. — Пожалуйста. Сделайте так, как я говорю.

— В таком случае, мистер Уитмор, вам следовало подыскать себе более покорную и послушную невесту среди светских дур Чикаго, — выплюнула я, развернулась и стремительно скрылась в пелене снегопада, не позволив ему ответить. Но даже спустя десять минут быстрого бега я продолжала физически чувствовать его холодный, препарирующий взгляд между своих лопаток.

В пекарне миссис Хейз все шло своим чередом, и эта привычная рутина стала для меня настоящим спасением от безумия внешнего мира. Обжигающий жар огромных печей, сытный запах закваски, звон посуды, ворчание хозяйки на ленивых слуг, медяки в кассе — все это требовало моей еже-

секундной концентрации, не оставляя в голове места для страшных мыслей о грядущей свадьбе. Я работала до изнеможения, таская тяжелые противни с готовыми пирогами, и даже умудрилась несколько раз искренне, весело рассмеяться вместе с Мэри. Я снова попыталась стащить спелую ягоду из миски с начинкой, получила тяжелой деревянной ложкой по пальцам от бдительной хозяйки и торжественно объявила на всю пекарню, что однажды подам на миссис Хейз в суд за жестокое обращение с беззащитными подчиненными.

Но слова Тристана упрямо, навязчивым эхом продолжали звучать в моей голове, отравляя редкие минуты покоя: *«Завтра не задерживайтесь на улице после темноты. Возвращайтесь домой засветло»*. Почему именно завтра? Не сегодня, когда метель метет с прежней силой. Не вообще в целях безопасности, а конкретно завтра, накануне нашего венчания. Я пыталась убедить себя, что этот богатый лицемер просто решил поиграть в заботливого и властного покровителя, но испуганное, серое выражение его лица в момент предупреждения не выходило у меня из уха. Как и та моя случайная фраза: *«Сомневаюсь, что вы вообще способны мерзнуть»*. В ту секунду он выглядел так, словно я случайно озвучила его самую страшную тайну. Глупости. К концу смены я уже искренне злилась на себя за то, что продолжаю копаться в мотивах этого чудовища.

Ужин в нашем особняке оказался во сто крат хуже вчерашнего скандала. Не потому, что за столом бушевали споры

— споров как раз не было. В столовой воцарилась гробовая, леденящая тишина, от которой у меня по спине пробежал мороз, а к горлу подступал липкий спазм тошноты. Обычно наши ужины напоминали поле боя: Амелия ядовито придиралась ко мне или к маме, Оливия самовлюбленно щебетала о своих поклонниках, отец хмуро спорил с матерью о расходах, а Рун пыталась примирить всех за столом. Сегодня же все молчали. Отец уехал по срочным делам в банк еще до моего прихода и должен был вернуться только завтра к вечеру. Рун сидела бледная, почти прозрачная в свете свечей, и едва притрагивалась к своей тарелке. Оливия задумчиво, с отсутствующим выражением лица ковыряла вилкой кусок запеченной рыбы. Даже бабка Амелия не сделала мне ни одного замечания по поводу моих растрепанных после пекарни волос.

Я медленно переводила взгляд с одного замкнутого лица на другое, чувствуя, как в груди нарастает физическое, осязаемое ощущение надвигающейся беды. Это было затишье перед настоящей бурей, страшным ураганом, который должен был стереть нашу семью с лица земли. Казалось, весь дом замер в томительном, парализующем ожидании катастрофы. Я посмотрела на темные окна, за которыми бушевала метель, упрямо убеждая себя, что это просто расшатавшиеся перед свадьбой нервы. Вполне естественно считать, что приближается конец света, когда тебя через два дня выдают замуж за монстра.

После ужина, буркнув дежурное «спокойной ночи», я поспешно поднялась в свою комнату и заперла дверь на задвижку. Но сон так и не пришел ко мне. Я часами ворочалась под тяжелым одеялом, вглядываясь в темный потолок. Старинные часы на каминной полке мерно, с раздражающим стуком отсчитывали минуты моей угасающей свободы. Ветви замерзшего ясеня скреблись в стекло окна, как когти чудовищ. Я закрывала глаза и видела Тристана, открывала — и натывалась на призрачные тени от мебели. В памяти всплывал красный фонарь борделя, его холодные пальцы на моем запястье в зимнем саду и та черная вода, рев которой до сих пор отдавался гулом в моих ушах.

— Да чтоб тебя черти забрали, Уитмор, — в сердцах прошептала я, отбрасывая простыни и поднимаясь с постели. Спать было бесполезно.

Накинув поверх тонкой ночной сорочки теплый шерстяной халат, я зажгла свечу и бесшумно выскользнула в темный коридор. Пол под моими босыми ступнями был ледяным, заставляя пальцы ног неметь. Весь дом спал мертвым сном. Дрожащее пламя свечи выхватывало из темноты очертания портретов предков, превращая их лица в жуткие, вытянутые маски. Спальня родителей находилась в самом конце галереи. Зная, что отца сегодня нет дома, я остановилась перед дверью матери. Несколько секунд я сомневалась, борясь с гордостью, но затем тихонько нажала на латунную ручку. Дверь послушно, без скрипа приоткрылась. В комнате ца-

рил густой полумрак, лишь бледный свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в портьерах.

— Мам?.. — едва слышно прошептала я.

Рун не ответила, но тихонько вздохнула во сне. Я поставила свечу на туалетный столик, подошла к ее кровати и вдруг почувствовала себя маленькой восьмилетней девчонкой, прибежавшей в родительскую спальню после страшного ночного кошмара в поисках единственного безопасного места во вселенной. Я осторожно приподняла край тяжелого одеяла и скользнула внутрь. Мама завозилась, сонно моргая.

— Крис?.. Что случилось, милая? Тебе плохо?

— Ничего не случилось, мам. Все хорошо.

Она сонно приподнялась на локте, убирая растрепавшиеся волосы со лба.

— Но тебе уже двадцать один год, девочка моя. А ты всё равно приходишь года нет твоего отца дома.

— И что из того? Я все еще твоя дочь.

— Конечно, глупенькая, — Рун слабо, нежно улыбнулась, легла обратно и крепко прижала меня к своему теплему телу, укрывая одеялом по самые плечи.

Я уткнулась лицом в ее шею, вдыхая родной запах лаванды и домашнего мыла, и почувствовала, как слезы облегчения все-таки катятся по моим щекам. Как же мне не хватало этой детской безопасности! Когда-то в детстве любая моя беда — разбитая коленка, гроза или издевки Оливии — решалась именно так: достаточно было забраться под мамино

одеяло, и мир вокруг снова становился правильным и понятным. Но теперь этот фокус больше не работал. Слишком много взрослых проблем навалилось на мои плечи.

Несколько минут мы лежали в тишине. Мама медленно, убаюкивающе гладила меня по волосам, согревая своими теплыми ладонями.

— Мам...

— М-м?

— Я не хочу выходить за него, — я закрыла глаза, сдерживая всхлип. — Я его ненавижу.

Рука матери на мгновение замерла в моих волосах, ее дыхание стало прерывистым, тяжелым. А затем она снова продолжила гладить меня, тихо вздохнув в темноту.

— Я знаю, Крис. Знаю, родная моя.

Никаких банальных нотаций о долге перед семьей. Никаких оправданий для отца. Только эти два коротких слова, от которых у меня едва не разорвалось сердце.

— Я терпеть его не могу, мам. От его прикосновений мне становится холодно.

— Я знаю, милая.

— Тогда почему... почему мы должны идти на эту плаху ради карточных долгов бабки? Это несправедливо!

Рун глубоко, судорожно вздохнула, прижимая меня к себе еще сильнее.

— Потому что иногда взрослые совершают чудовищные, непоправимые ошибки, Крис... А расплачиваться за них

приходится тем, кто этих ошибок не совершал. Это самый жестокий закон нашего мира. Но я поговорю с твоим отцом еще раз, когда он вернется завтра вечером. Я умолю его расторгнуть эту сделку. Возможно, мы найдем другой способ рассчитаться с кредиторами.

На долю секунды в моей груди вспыхнула яркая, спасительная надежда — та самая глупая детская вера в то, что мама сейчас придет и все исправит. Но я тут же хладнокровно погасила ее.

— Нет, мам. Не надо. Не проси его.

— Но ты же сама только что сказала...

— Я знаю, что сказала, — я прижалась щекой к ее плечу, слушая ровное биение ее сердца. — Я безумно хочу попросить тебя об этом. Хочу, чтобы ты утром закрылась с папой в кабинете и заставила его отменить эту свадьбу. Но я ведь не слепая, мама. Я вижу горы векселей на его столе. Если наше положение действительно такое катастрофическое... что будет с вами? С этим домом? С нашими слугами, с тобой? Вас же выбросят на мороз.

— Это не должно быть твоей заботой, Кристин! Ты не обязана спасать нас ценой собственной жизни и свободы!

— Я не умираю, мам. Это просто брак.

— Иногда, девочка моя, есть вещи, которые не убивают твое тело, но все равно безжалостно отнимают у тебя душу, оставляя лишь пустую оболочку, — тихо произнесла Рун, и ее голос дрогнул от сдерживаемых слез. В полумраке спаль-

ни ее лицо казалось непривычно суровым, трагичным. — Ты тоже проклинала Тристана вчера.

— Проклинала. И буду проклинать до конца своих дней, — я прикусила губу. — Почему ты вчера промолчала, когда бабушка лила яд?

— Я не молчала, Крис. Мы с твоим отцом крупно поссорились вчера в кабинете из-за этого контракта.

Я удивленно приподнялась на локте, заглядывая в ее лицо. За всю свою жизнь я почти никогда не видела родителей спорящими — отец всегда боготворил свою жену.

— Вы? Поссорились? Из-за меня?

— Не из-за тебя, родная. Из-за безвыходности этой проклятой ситуации, в которую нас загнала Амелия, — Рун грустно улыбнулась. — Но твой отец... он загнан в угол.

Я снова легла на подушку, слушая завывание ветра за окном. Тишина вернулась в спальню. Немного помолчав, я спросила о том, что мучило меня с самого детства.

— Мам... почему Амелия вообще начала играть четыре года назад? И... почему она так сильно ненавидит меня? — Тело матери под одеялом мгновенно, судорожно напряглось. Я отчетливо почувствовала, как сбилось ее дыхание, став частым и поверхностным. Я снова приподнялась на локте, всматриваясь в ее бледное лицо. — Мам?

— Не знаю, Кристин... Скука, наверное, — слишком быстро, излишне торопливо ответила она, пряча глаза. — Пожилым людям часто нечем занять себя на склоне лет.

— Амелия никогда не скупает, мам. Если ей нечего делать, она с величайшим удовольствием мучает меня своими придирками.

— Кристин, не говори так о старших...

— Но это ведь чистая правда! Почему с Оливией она всегда ласкова, прощает ей любые капризы и бывший развод? А меня она словно презирает самым фактом моего существования. Каждое мое достижение, каждая оценка в университете вызывает у нее лишь раздражение. Иногда... — я запнулась, чувствуя, как липкий холод страха вновь сжимает горло. — Иногда мне кажется, будто я ей вообще не родная внучка.

Рун буквально окаменела под одеялом, застыв как ледяная скульптура. В полумраке я увидела, как ее серые глаза панически расширились. Она резко села на кровати, и тяжелая коса выскользнула из-под ее плеча, упав на грудь. Дрожащими руками она поспешно убрала прядь волос за ухо, ее голос прозвучал излишне строго, неестественно громко.

— Что за чудовищные, нелепые глупости ты говоришь, Кристин?! Как у тебя вообще повернулся язык произнести такое?!

Я растеряннo моргнула, напуганная ее резкой реакцией.

— Мам... почему ты так сердишься? Я просто спросила...

— Я вовсе не сержусь! Тебе показалось! — Рун шумно выдохнула, ее плечи мелко подрагивали. Она схватила меня за плечи своей горячей, влажной рукой и силой заставила лечь обратно под одеяло. — Уже глубокая ночь, Кри-

стин. Тебе нужно спать перед занятиями. У твоей бабушки просто чрезвычайно тяжелый, деспотичный характер. Она всегда была несправедливой в своих симпатиях и требовала слишком многого от младших. Это неприятно, но люди не обязаны одинаково любить всех членов семьи. Не ищи великую тайну там, где ее никогда не существовало. Спи.

Я внимательно, сквозь пелену слез смотрела на ее профиль в темноте. Она уклонялась от ответа. Впервые в жизни моя добрая, честная мать так откровенно лгала мне, и эта ложь была осязаемой, тяжелой.

— Я и не искала тайну, мам, — тихо произнесла я, чувствуя, как внутри все сжимается от дурного предчувствия. — Я просто хотела понять, почему она меня не любит.

— И я тебе ответила, Кристин. Спи, — Рун потянулась к туалетному столику и задула пламя свечи, погружая спальню в абсолютную тьму.

Через несколько секунд ее горячая ладонь снова легла на мои волосы, медленно, успокаивающе перебирая черные пряди, как в далеком детстве. Мои мысли постепенно начали путаться от дикого истощения: Тристан, пекарня, мокрый снег, испуганное лицо матери, долги... Все это смешивалось в один сплошной, лихорадочный кошмар. В глубине особняка напольные часы глухо пробили полночь. Завтра... завтра будет мой последний день прежней жизни. Последний день в университете под фамилией Беллроуз. Последняя смена у печей миссис Хейз перед тем, как моя жизнь превратится в

сделку. Я придвинулась ближе к матери, и она даже во сне крепче прижала меня к себе, согревая своим теплом. Через несколько минут мое дыхание выровнялось, и я заснула.

Рун спать не могла.

Еще очень долго после того, как я затихла, она лежала с открытыми глазами, всматриваясь в непроглядную тьму над моей головой. Ее пальцы продолжали медленно, механически перебирать мои смоляно-черные локоны, но ее мысли были бесконечно далеко от этой спальни и зимнего Чикаго. Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором с пугающей четкостью вспыхнуло то страшное воспоминание, которое она упрямо хоронила в своей душе много лет. Холод. Тот в лютой зимней ночи, когда на пороге их дома был найден завернутый в мокрые тряпки...

Рун испуганно открыла глаза, прогоняя этот призрак. Нет, только не сейчас. Только не накануне венчания. Она повернула голову к спящей дочери и нежно поцеловала меня в макушку, вдыхая мой запах.

— Спи, моя девочка... Просто спи. И пусть боги пощадят твою душу.

За окном выл яростный зимний ветер. Тяжелый снег с глухими ударами бился в стекла окон, замечая последние следы на дорожках замерзшего сада Беллроузов.

Глава 4.

Я лежала в собственной постели, не шевелясь и уставившись в потолок, едва различимый в густом, похожем на разбавленную тушь предрассветном сумраке. В спальне всё казалось привычным, застывшим в своей вековой неподвижности: тяжелые бархатные шторы, собранные глубокими складками по краям высокого окна, изящный туалетный столик с мутным овалом зеркала, кресло с небрежно брошенным на спинку шерстяным халатом и темный, угрожающий прямоугольник приоткрытой двери напротив кровати. Часы на каминной полке, вырезанные из черного мрамора, мерно и глухо отсчитывали секунды, их маятник раскачивался с тяжелым, металлическим вздохом, и какое-то время я просто прислушивалась к этому ритму, совершенно не понимая, какая сила вырвала меня из объятий сна. В доме царила глубокая ночная тишина — та особенная, многослойная тишина старинного спящего особняка, в которой чуткое ухо всегда способно различить едва уловимые, почти призрачные звуки: легкое поскрипывание рассыхающегося дуба в половицах, далекий, жалобный вздох ветра в печных трубах, сухое потрескивание остывающего в камине угля. Но постепенно меня охватило странное, липкое беспокойство, заставившее волосы на затылке подняться: в этой тишине исчезли все посторонние шорохи, словно мир за пределами

комнаты внезапно перестал существовать, растворившись в небытии, и остался лишь этот монотонный, давящий стук механизма. *Тик. Тик. Тик.* Попытавшись заглушить нарастающую тревогу, я медленно перевернулась на бок, натягивая плотное стеганое одеяло до самого подбородка и крепко зажмуривая глаза в тщетной надежде вернуть ускользающее сонное забытие, как вдруг меня пронзило леденящее осознание: я совершенно не слышу собственного дыхания, словно грудная клетка окаменела, а воздух в легких превратился в неподвижный монолит.

Я открыла глаза. Часы остановились. Их тонкая, похожая на лапку насекомого секундная стрелка застыла ровно между двумя делениями, замерев в неестественном, мертвом напряжении. И тогда в комнату хлынул холод. Это не было постепенное остывание воздуха, какое случается суровой зимней ночью, когда угли в камине окончательно гаснут и мороз медленно прокрадывается сквозь щели оконных рам. Ледяной фронт обрушился мгновенно, словно надо мной разверзся ледник, и первый же судорожный вдох обжег гортань и легкие невыносимой, колющей болью. Я резко села на постели, судорожно прижимая тяжелое одеяло к груди, и из моих приоткрытых губ вырвалось густое, белое облако пара, тут же растаявшее в полумраке. На моих глазах оконное стекло начало стремительно покрываться плотным слоем инея: молочно-белые, колючие узоры с тихим, сухим треском поползли от деревянных краев рамы к середине, переплетаясь

и разрастаясь с пугающей скоростью. В этих морозных рисунках не было привычной природной красоты — они походили на длинные, костлявые, голодные пальцы, тянущиеся из темноты улицы внутрь моего убежища. Страх, скользкий и парализующий, сдавил горло железными тисками, лишая возможности мыслить здраво, и я, едва преодолевая сопротивление онемевших связок, позвала:

— Мам? — Голос прозвучал пугающе глухо, словно его тут же поглотила ватная, безвоздушная пустота, не позволив звуку распространиться дальше подушек.

Дом не ответил.

Пытаясь спастись от нарастающего оцепенения, я рывком отбросила одеяло и опустила босые ноги на пол, надеясь нащупать мягкий ворс ковра. И сразу же с тихим вскриком отдернула их назад, поджав колени к груди.

Под моими ступнями была вода. Черная, густая, маслянистая. Она ровным, зеркальным слоем покрывала весь паркет, поднимаясь над плинтусами, и едва заметно, лениво колыхалась, хотя в запертой комнате не было ни малейшего сквозняка. Я заворуженно смотрела на это темное зеркало, в котором не отражалось ничего, кроме блеклого предрассветного неба, как вдруг у самого края кровати по воде прошла медленная, отчетливая рябь, словно под ее непроницаемой толщей беззвучно шевельнулось нечто живое и голодное. Сердце с силой ударило в ребра, отозвавшись болезненным стуком в висках, а во рту стало невыносимо сухо, будто я нагло-

талась пыли. Я зажмурилась, шепча пересохшими губами.

— Нет, этого не может быть, это просто морок... — Но когда я снова открыла глаза, рябь исчезла, уступив место мертвой зыби, а через секунду из глубокой темноты за полуоткрытой дверью донесся звук.

Один тяжелый, влажный шаг.

Пауза, длившаяся вечность. Затем еще один. Это были шаги существа, которое никуда не торопилось, уверенное в своей абсолютной, неоспоримой власти над пространством и временем. Кто-то медленно шел по коридору, и с каждым его приближением температура в спальне стремительно падала, заставляя мои зубы выбивать мелкую, позорную дробь, а кожу покрываться болезненными пупырышками. Я смотрела на дверной проем, не в силах шевельнуть ни единым мускулом; липкий, парализующий ужас сковал позвоночник, превратив тело в холодный гипс. Попытка закричать снова не увенчалась успехом — горло выдавило лишь сиплый, свистящий выдох. Шаги смолкли прямо у порога, и тяжелая латунная ручка двери начала медленно, с едва слышным масляным скрежетом поворачиваться вниз. Дверь отворилась.

Но за ней не оказалось привычного коридора с портретами предков и пыльными ковровыми дорожками.

Там простирался древний, первобытный лес. Исполинские, черные стволы деревьев уходили в такую невообразимую высь, что их кроны полностью терялись в беспросветной черной бездне вместо неба. Между этими колоссами клубил-

ся густой, пепельно-серый туман, пахнувший тяжелой речной тиной, мокрой гниющей землей и резким, бьющим в нос озонном, какой бывает после разрушительной грозы. Земля между деревьями была сплошь покрыта влажными, скользкими корнями, которые извивались под туманом, напоминая шевелящиеся тела змей. Из этой непроглядной чащи доносился ровный, утробный шум бурлящей воды, и этот звук отозвался в моей памяти резкой, болезненной вспышкой: зимний сад нашего поместья, ледяные пальцы Тристана, сжимающие мое запястье, и тот же самый призрачный гул, проникающий под кожу вместе с парализующим холодом.

— Кто здесь? — мой шепот сорвался на испуганный хрип, но чаша отозвалась неожиданно знакомым, глубоким бархатным голосом, в котором сквозила холодная, торжествующая насмешка:

— Ты слишком долго заставляла меня ждать, Кристин.

Этот голос принадлежал человеку, за которого я должна была выйти замуж всего через двое суток, но прежде чем я успела выкрикнуть его имя, окружающая реальность окончательно разорвалась на куски.

Пространство спальни схлопнулось, растворившись в ледяной мгле.

Я обнаружила себя стоящей босиком посреди этого жуткого леса.

Холодная, вязкая грязь, смешанная с гниющей хвоей, медленно просачивалась сквозь пальцы моих ног, тонкая ба-

тистовая ночная сорочка мгновенно промокла от тумана и липла к телу, не защищая от пронизывающего ветра. Деревья вокруг казались полуживыми: их узловатые стволы причудливо изгибались, напоминая корчащиеся в агонии человеческие фигуры, застывшие в немом крике. В воздухе стоял удушливый, приторно-сладковатый запах тления, смешанный с ароматом застоявшейся болотной воды, и я в панике попятилась назад, но тут же услышала за спиной тяжелый, влажный плеск. Черная вода была теперь повсюду, она поднималась из-под земли, затапливая корни. И посреди этой водной глади стоял мужчина.

Он был неестественно, пугающе высок. Его длинные, глухие одежды угольно-черного цвета уходили прямо под темную поверхность воды, не оставляя ряби, а из густых, растрепанных волос поднимались два массивных, шероховатых рога, изгибавшихся назад и вверх, подобно короне какого-то подземного владыки. Кожа существа была бледной, отливающей мертвенным серым глянцем, а черты лица обладали безупречной, но хищной и застывшей красотой: слишком острые скулы, безжизненные тонкие губы и глубокие, темные глазницы, в глубине которых, вместо зрачков, медленно вращались тусклые, синеватые огоньки. Я никогда не видела этого лица прежде, оно было чуждым и пугающим, но голос, сорвавшийся с его неподвижных губ, заставил мое сердце замереть от ужаса:

— Кристин.

Этот шепот был голосом Тристана Уитмора, моего нареченного.

— Нет... этого не может быть... — я попыталась сделать еще один шаг назад, но ноги словно вросли в топкую грязь, а существо медленно, хищно улыбнулось, обнажая слишком ровные, белые зубы.

— Наконец-то ты пришла туда, где тебе самое место, — произнес он, и за его широкими плечами в сером тумане внезапно возникло движение.

Там, далеко на противоположном берегу, едва различимый сквозь пелену испарений, стоял второй мужчина. Его очертания двоились и расплывались, словно я смотрела на него сквозь залитое сильным дождем стекло; я могла разобрать лишь высокий рост, невероятно широкие плечи и длинные, колеблющиеся волосы, цвет которых менялся каждую секунду — то они казались чернее воронова крыла, то в них вспыхивали багровые, яростные искры, напоминающие отсветы лесного пожара. Стоило мне попытаться сфокусировать взгляд на его лице, как в глазах начинала бурлить невыносимая резь, а в ушах поднимался звон.

— Кто это? — прошептала я, чувствуя, как липкий пот страха катится между лопаток.

Рогатый мужчина мгновенно перестал улыбаться, его лицо превратилось в каменную маску, а весь лес вокруг нас словно замер, прислушиваясь к нашему дыханию.

— Не смей смотреть на него, — его голос стал сухим, рез-

ким, вибрирующим от сдерживаемой ярости. — Он ничто. Ты принадлежишь мне.

Но любопытство, смешанное с отчаянием, оказалось сильнее страха, и я вновь устремила взгляд на дальний берег, где незнакомец медленно поднял голову, словно почувствовав мой мысленный призыв, и в этот момент пространство между нами сократилось до нуля.

Рогатый оказался рядом со мной в то же мгновение. Я даже не успела заметить его движения — он просто возник из тумана, и его длинные, ледяные пальцы с силой сомкнулись на моем запястье. Этот холод был неописуем.

Я закричала, но из горла вырвался лишь жалкий хрип. Это было то самое прикосновение, которое я испытала в зимнем саду, когда Тристан впервые коснулся моей руки, но теперь ледяная игла не остановилась на предплечье — она ядовитой змеей скользнула к плечу, проникла под ребра, сжала мое испуганное сердце в кулак и заставила онеметь весь позвоночник. Воздух окончательно покинул мои легкие, а существо склонилось к моему лицу, обдавая меня запахом речного ила и затухающего костра:

— Ты моя, Кристин, и никто не изменит этого.

В этот миг туман за его спиной буквально взорвался яростным движением.

Второй мужчина стремительно шел к нам прямо по черной воде, и под его шагами водная гладь не просто колебалась — она закипала яростными белыми бурунами, испуская

густые клубы горячего пара. Впервые на лице рогатого чудовища проступило нечто, похожее на парализующий, дикий страх: его пальцы сжали мое запястье с такой силой, что я услышала хруст собственных суставов.

— Назад! — закричал он, но его крик захлебнулся, когда из тумана донесся низкий, рокочущий голос незнакомца, от которого задрожали вековые деревья. Слов я не могла разобрать, но они звучали как древнее заклятие, лишаящее сил.

— Она никогда не будет твоей! — яростно взревел тот, кто носил голос Тристана, и в этот момент второй мужчина поднял руку, окутанную багровым сиянием.

И весь призрачный мир с грохотом разорвался. Черная вода взметнулась исполинской, стометровой стеной, закрывая собой небо, стволы деревьев с жутким треском начали сгибаться и ломаться, словно соломинки под ударами невидимого урагана. Откуда-то из неизмеримых глубин под водой раздался чудовищный, вибрирующий рев, принадлежащий существу настолько огромному, что его существование казалось невозможным, и в следующее мгновение прямо под моими ногами, в темной бездне, открылся колоссальный, бледный глаз без зрачка, уставившийся прямо на меня с леденящим душу любопытством.

Я в ужасе дернулась, пытаюсь высвободить руку из смертельной хватки рогатого, но его пальцы казались вылитыми из стали.

— Проснись же! — донесся до меня чей-то далекий, испу-

ганный крик, пробившийся сквозь грохот урагана. Я не понимала, кому принадлежит этот голос. — Кристин, очнись!

Рогатый мужчина резко обернулся, его лицо исказилось от бессильной злобы, когда багровый силуэт второго незнакомца оказался в шаге от нас.

— Не смей касаться ее грязными руками, — отчетливо произнес этот новый, незнакомый, но странно манящий голос, и в его интонациях сквозила такая непреклонная сила, что лед в моей груди начал таять.

— Крис! — Мир вокруг меня бешено завертелся, увлекая в темную воронку. — Кристин!

Меня кто-то грубо, сильно встряхнул за плечи. Я закричала, срывая голос, и резко вскинула голову, едва не столкнувшись лбом с перепуганным лицом Элис, которая склонилась надо мной со сдвинутыми к переносице бровями.

Несколько долгих, мучительных секунд я вообще не могла сообразить, где нахожусь, испуганно озираясь по сторонам и тяжело, прерывисто дыша. Вокруг меня был яркий дневной свет, золотистыми полосами прорезавший пыльный воздух, приглушенный гул студенческих голосов за дверью и спасительное тепло, исходявшее от чугунных радиаторов отопления. Вместо сырого, гнилого леса передо мной высилась привычная дубовая кафедра лекционного зала, заваленная тяжелыми фолиантами по истории права и исписанными тетрадами, а вместо кошмарных существ на меня испуганно смотрели три близких лица моих подруг.

Элис все еще крепко сжимала мои плечи своими тонкими пальцами, на ее хорошеньком личике застыло выражение крайней тревоги, Лизи сидела напротив, прижав ладони к бледным щекам и широко распахнув свои серые глаза, а Амира наблюдала за мной со своим обычным, проницательным и слегка отстраненным прищуром, словно пыталась заглянуть мне прямо под черепную коробку.

— Господи Иисусе, Крис, — шумно выдохнула Элис, наконец отпуская меня и без сил откидываясь на спинку жесткого деревянного стула, отчего ее светлые локоны затрепетали. — Ты нас просто до полусмерти напугала. Я уж думала, у тебя апоплексический удар случился.

Я медленно моргнула, пытаюсь сглотнуть скопившуюся слюну, но во рту было невыносимо сухо, словно я несколько часов подряд шла по пыльной пустыне, а губы казались потрескавшимися и чужими.

— Что... что произошло? — выдавила я, и мой собственный голос показался мне тусклым, лишенным красок.

— Что произошло? — Элис недовольно фыркнула, пытаюсь вернуть своей манере привычную легкость, хотя ее пальцы все еще заметно дрожали, когда она поправляла кружевной манжет своего дорожного платья. — Мы тут, между прочим, с полной самоотдачей обсуждаем твой последний день в качестве свободной, независимой женщины и решаем, как более достойно и шумно проводить тебя в это варварское семейное рабство, а ты сидишь с открытыми глазами, смот-

ришь сквозь нас и совершенно отсутствуешь в мире живых. Я тебе трижды задала вопрос о цвете лент для свадебного экипажа, а в ответ тишина, словно я с надгробием разговариваю.

Я перевела взгляд на свои руки, лежащие на столе, и невольно вздрогнула.

— Я... я заснула? Прямо здесь?

— Ну, если это и был сон, то весьма пугающий своей реалистичностью спектакль, — негромко заметила Амира, медленно закрывая свою тетрадь и аккуратно убирая перьевую ручку в кожаный пенал. Ее темные глаза оставались серьезными, без намека на обычную иронию. — Ты смотрела прямо на меня, Кристин. Твои зрачки были расширены до предела, а лицо стало бледным, как у висельника. Ты не реагировала ни на прикосновения, ни на щелчки пальцами перед самым носом.

Я машинально потянулась к правому запястью и потерла его поверх тонкой шерстяной ткани рукава. Кожа под моими пальцами казалась леденяще холодной, словно железный обруч кошмара все еще сжимал мою руку, не позволяя крови течь свободно.

— Я просто... очень плохо спала этой ночью, — попыталась оправдаться я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более обыденно и уверенно. — Куча мыслей в голове, подготовка к торжеству, эти бесконечные примерки платьев... Наверное, организм просто решил взять свое в самый

неподходящий момент.

— Это мы и сами заметили, — Лизи обеспокоенно показала головой, протягивая руку через стол и слегка касаясь моих пальцев. Ее ладонь была теплой, сухой и успокаивающей, в отличие от того могильного холода, что преследовал меня. — Крис, ты действительно выглядишь ужасно бледной, у тебя под глазами залегли темные тени. Может быть, тебе стоит отказаться от сегодняшних посиделок и просто лечь спать пораньше? Свадьба — это ведь такое испытание для нервов.

— Нет-нет, все в порядке, честно, — поспешно возразила я, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение на собственную слабость и на их чрезмерную опеку. Мне меньше всего хотелось прослыть изнеженной барышней, падающей в обморок от малейшего волнения. К тому же оставаться наедине со своими мыслями в пустой спальне мне сейчас казалось куда более опасным занятием. — Это просто минутная слабость. Давайте лучше вернемся к нашей теме. Вы, кажется, упоминали какое-то гадание?

При этих словах Элис мгновенно преобразилась, ее эгоистичное недовольство улетучилось, уступив место детскому, восторженному азарту. Она придвинулась ближе к столу, едва не задев локтем чернильницу, и заговорщически понизила голос:

— Вот! Наконец-то наша царственная невеста снизошла до простых смертных и вспомнила о своих земных обязан-

ностях. Мы просто обязаны устроить нечто грандиозное сегодня вечером.

От ее невинных слов по моей спине вновь пробежала мелкая, колючая дрожь. *Мир смертных.* Почему эта фраза отозвалась во мне таким мрачным предчувствием? Это ведь была обычная шутка, глупая студенческая болтовня, не имеющая ничего общего с реальностью. Я мысленно обругала себя за излишнюю впечатлительность, заставила губы растянуться в вежливой улыбке и спросила:

— Ну и на чем же мы собираемся гадать, distinguished ladies? На кофейной гуще или на сухих чайных листьях?

— На твоей несчастной супружеской доле, разумеется! — победоносно провозгласила Элис, откидывая назад свои пышные волосы.

— И почему же непременно на несчастной? — я приподняла бровь, стараясь подражать ее легкому тону, хотя внутри все сжималось от глухой тоски при одной мысли о Тристане.

— Потому что счастливая семейная жизнь — это невообразимо скучно, дорогая моя, — отрезала Элис с видом умудренной опытом женщины, хотя сама еще ни разу не была влюблена по-настоящему. — Ну представь себе: тихие чаепития по вечерам, обсуждение расходов на закупку угля и чтение скучных газет у камина. Кому это интересно? Нам нужны бурные страсти, тайные враги и неожиданные повороты судьбы!

Лизи неодобрительно покачала головой, аккуратно скла-

дывая свои листки с лекциями.

— Я все-таки предлагала классические карты Таро. Моя тетушка говорит, что они никогда не врут, если раскладывать их на чистой скатерти при свете восковых свечей.

— Твои карты — это прошлый век и невероятная тоска, — отмахнулась Элис, капризно надув губы. — К тому же мы все наизусть знаем эти шаблонные предсказания: дальняя дорога, казенный дом и трефовый король. Нам нужно что-то более экзотическое, таинственное...

— Зеркальный коридор, — негромко произнесла Амира, до этого момента хранившая молчание.

Элис тут же повернулась к ней, ее глаза лихорадочно заблестели.

— Ты предлагаешь усадить Кристин в полночь перед зеркалом в темной комнате, чтобы она разглядела в глубине стекла лицо своего суженого? Но какой в этом практический смысл, милая моя? Мы все и без всякой магии прекрасно знаем, как выглядит Тристан Уитмор — его высокомерный профиль уже намозолил нам глаза на всех приемах.

— В зеркале можно увидеть совсем другого человека, — Амира медленно перевела взгляд на меня, и в ее глазах отразился слабый отсвет оконного стекла.

— Какого еще другого? — нахмурилась Лизи, испуганно прижимая к себе сумку с учебниками.

— Настоящего, — тихо ответила Амира, и эти слова упали в пространство между нами тяжелыми каплями.

Я замерла, почувствовав, как дыхание снова перехватило. Перед моими глазами на долю секунды с пугающей отчетливостью возник тот расплывчатый, окутанный багровыми искрами силуэт мужчины с длинными волосами, стоявшего на противоположном берегу черной бездны. Его безмолвный, но такой отчаянный призыв все еще вибрировал где-то на границе моего сознания.

— Крис? — негромкий голос Лизи вернул меня к реальности. — Крис, ты опять куда-то уплываешь. Тебе точно хорошо?

— Да... да, все нормально, — я поспешно тряхнула головой, прогоняя наваждение, и взяла в руки тяжелый учебник, делая вид, что увлечена изучением переплета. — Просто задумалась о том, какими глупостями вы забиваете свои головы накануне экзаменов. Мы ведь все взрослые, образованные девушки, будущие юристы и историки, а ведем себя как неграмотные крестьянки из глухой провинции.

— Ой, перестань занудствовать, Кристин! — Элис весело рассмеялась, легонько толкнув меня локтем в бок. — Образование образованием, а девичьи традиции никто не отменял. Поздно отступать, дорогая моя, приговор вынесен и обжалованию не подлежит. Сегодня вечером мы все собираемся у тебя дома, и точка.

— И почему именно у меня? — я недовольно поморщилась. — Мой дом сейчас больше напоминает филиал сумасшедшего дома: слуги бегают с коробками, мать без конца

спорит с модистками, а отец запирается в кабинете с кредиторами. Там совершенно нет условий для ваших мистических представлений.

— Именно поэтому мы и должны собраться у тебя, — безапелляционно заявила Элис, победоносно улыбаясь. — Это твой последний вечер в качестве свободной мисс Беллроуз, и мы обязаны провести его вместе, в твоей огромной, великолепной спальне, где нам никто не помешает. К тому же... — она сделала небольшую паузу, многозначительно посмотрев на Лизи, — твоя комната примерно в три раза больше моей мансарды, и там есть прекрасный ковер, на котором так удобно сидеть.

— Ну вот, теперь я слышу голос истинной практичности, — я не смогла сдержать слабой улыбки, чувствуя, как тепло дружеского общения постепенно вытесняет остатки липкого кошмара из моей груди. — Ради твоего удобства я, конечно, готова пожертвовать покоем своей спальни. Но учтите: если моя мама застукает нас за вызовом духов, она заставит вас всех помогать ей с раскладыванием свадебных подарков.

Амира, до этого молча наблюдавшая за нашей перепалкой с легкой, едва заметной улыбкой на губах, неожиданно откинулась на спинку стула и тихо произнесла:

— Вообще-то у меня есть кое-что особенное для сегодняшнего вечера. Кое-что гораздо более интересное, чем банальные зеркала или затрепанные карты.

Элис тут же прищурилась, ее лицо выражало крайнюю

степень любопытства напололам с наигранным испугом.

— Если ты сейчас достанешь из своей бездонной сумки настоящий хрустальный шар, купленный у заезжих цыган, — предупредила она, — я начну всерьез сомневаться в твоём душевном здоровье и, возможно, даже напишу донос декану.

— Шара у меня нет, — спокойно ответила Амира, покачивая головой.

— Настоящий человеческий череп несчастного возлюбленного, уморенного ядом? — не унималась Элис, чья фантазия явно подпитывалась дешевыми готическими романами.

— Тоже мимо.

— Тогда... высушенная рука девственницы для открытия запертых дверей? — Элис понизила голос до зловещего шепота.

Лизи испуганно поперхнулась чаем, который пила из маленького термоса, и громко закашлялась, привлекая внимание нескольких студентов за соседними столами.

— Элис! Ради всего святого, замолчи! Что за ужасы ты несешь посреди бела дня?

— А что такого? — Элис невинно захлопала ресницами, хотя в ее глазах плясали веселые чертики. — Я всего лишь пытаюсь опытным путем определить глубину морального падения нашей дорогой Амиры. Вдруг она по ночам варит зелья на университетской кухне?

— Для того чтобы измерить глубину моего падения, до-

рогая Элис, тебе понадобится измерительный прибор значительно длиннее той линейки, которой ты пользуешься для оценки достоинств своих ухажеров, — совершенно невозможно парировала Амира, даже не поведя бровью. — Все гораздо проще и прозаичнее: у меня есть книга.

Я тихо рассмеялась, чувствуя, как окончательно возвращаюсь в реальный мир.

— Книга? И это говорит лучшая студентка курса? Откуда у тебя книга для гаданий, Амира? Ты ведь всегда утверждала, что вся эта мистика — лишь способ суеверных людей оправдать собственную глупость и нежелание действовать самостоятельно.

— Я покажу ее вам вечером, — Амира загадочно улыбнулась, аккуратно застегивая замок своей сумки. — Скажем так: это исторический артефакт, который случайно попал мне в руки, и его содержание показалось мне весьма... занимательным.

— Так вот чем ты занимаешься долгими зимними ночами! — протянула Элис, лукаво прищулив свои яркие глаза. — А мы-то все голову ломали, почему у нашей красавицы Амиры до сих пор нет ни одного постоянного поклонника, несмотря на толпы вздыхающих по ней первокурсников. Ты просто вызываешь себе идеальных мужчин прямо из преисподней! Признавайся, они хотя бы вежливы?

— Земные мужчины слишком хлопотны и требуют непомерно много внимания к своей персоне, — Амира пожала

плечами с видом истинного философа. — С ними вечно приходится спорить, доказывать свою правоту и терпеть их капризы.

— А потусторонние духи, значит, более покладисты? — весело поинтересовалась я, поддерживая шутливый тон.

— По крайней мере, если они начинают утомлять своим присутствием или нести несусветную чушь, их всегда можно безболезненно отправить обратно в их темное измерение с помощью пары латинских фраз и захлопнутой обложки, — совершенно серьезно ответила Амира, глядя на нас своими темными, непроницаемыми глазами.

Даже осторожная Лизи не выдержала и негромко рассмеялась вместе с нами.

— Знаешь, Амира, я иногда начинаю всерьез подозревать, что в твоих шутках скрывается изрядная доля правды. Твой взгляд временами бывает настолько жутким, словно ты действительно видишь у нас за спинами призраков предков.

Амира медленно повернула к ней свою красивую голову, ее лицо оставалось абсолютно спокойным, без тени улыбки, что делало ее слова еще более пугающими:

— Разумеется, я не шучу, Лизи. По четвергам у меня строго по расписанию демоны высшего круга, по субботам — неприкаянные покойники из старого склепа у реки. Среда пока остается относительно свободной, так что если у вас есть желание записаться на аудиенцию или передать привет усопшим родственникам — милости прошу, я сделаю вам

скидку как близким подругам.

Элис расхохоталась так громко и заливисто, что на этот раз на нас обернулся даже дежурный библиотекарь, сердито постучав пальцем по деревянному столу.

— Все, решено! — прошептала Элис, содрогаясь от беззвучного смеха и вытирая выступившие слезы. — Сегодня вечером мы во что бы то ни стало вызываем для нашей дорогой Кристин нормального, полноценного мужа взамен этого ледяного изваяния Тристана.

— Боюсь, я еще от своего первого и единственного жениха избавиться не успела, — я вздохнула, чувствуя, как при упоминании имени Тристана на мое лицо вновь набегает тень раздражения. — Он весьма ревностно относится к своей собственности, даже если эта собственность его будущая супруга.

— Именно поэтому нам срочно необходим надежный запасной вариант! — парировала Элис. — На случай, если твой Уитмор окажется совсем уж невыносимым деспотом.

— И какими же качествами должен обладать наш гипотетический потусторонний избранник? — поинтересовалась я, подпирая подбородок рукой и глядя на подруг.

— Он должен быть невероятно, дьявольски красив, — тут же отозвалась Элис, мечтательно прикрыв глаза. — С такими глубокими, темными глазами, в которых можно утонуть, и прекрасными манерами истинного лорда.

— И обязательно умным, — тихо добавила Лизи, слегка

покраснев. — Чтобы с ним можно было часами говорить о книгах, искусстве и философии, а не только о погоде и курсе акций на бирже.

— И сказочно богатым, — Амира загнула третий палец на своей изящной руке, ее губы тронула легкая насмешливая улыбка. — Чтобы он мог выкупить все долги твоей семьи и избавить твоего отца от необходимости заискивать перед кредиторами.

— Девочки, у меня уже есть жених, который обладает всеми этими достоинствами в избытке: он красив, чертовски умен и богат настолько, что может купить половину этого города, — я горько усмехнулась, чувствуя, как к горлу подступает знакомый комок обиды. — И вы сами прекрасно видите, к чему все это привело. Я чувствую себя птицей, которую заперли в золотой клетке и везут на ярмарку.

— Ну, в таком случае, сегодня мы вызовем для тебя полную противоположность: страшного, бедного и глупого духа, — заключила Амира, весело подмигнув мне. — Исключительно ради эстетического разнообразия и для того, чтобы ты оценила прелести своего нынешнего положения.

Я рассмеялась вместе с ними, чувствуя, как тяжелый, липкий страх, оставшийся после кошмара, окончательно рассеивается, уступая место привычному теплу дружеской поддержки. Я почти перестала думать о рогатом существе и черной воде. Почти. Потому что под столом, скрытая от чужих глаз тяжелыми складками моей юбки, моя левая рука про-

должала медленно, судорожно потирать правое запястье, кожа на котором упорно отказывалась согреваться, оставаясь мертвенно-холодной, словно ее все еще сжимали невидимые пальцы.

После окончания лекций мы разошлись значительно раньше обычного. Небо над городом затянуло тяжелыми, свинцовыми облаками, сквозь которые не могло пробиться ни единого луча тусклого зимнего солнца. Мороз за день заметно окреп, сухой снег под ногами прохожих звонко и жалобно поскрипывал, а воздух сделался настолько колючим, что каждый глубокий вдох отзывался в груди легким, болезненным покалыванием. Сегодня мне не нужно было идти в небольшую кондитерскую на окраине, где я тайно работала последние три года, выпекая свежие булочки и помогая старому кондитеру вести бухгалтерию: я заранее договорилась об освобождении от смен на всю неделю, наивно полагая, что эти дни будут посвящены приятным предсвадебным заботам. Теперь же, оказавшись на улице, я с внезапной, удушьюющей ясностью осознала, что совершенно не хочу возвращаться в наш огромный, холодный дом, где каждый угол был пропитан нервным напряжением, фальшивыми улыбками и запахом увядания.

Город вокруг меня жил своей привычной, суетливой предпраздничной жизнью: весело звенели начищенные колокольчики проезжающих мимо наемных экипажей, сытые лошади недовольно фыркали, выпуская из ноздрей густые облака

белого пара, из высоких кирпичных труб поднимался плотный серый дым, пахнувший дешевым углем и гарью. Прохожие торопливо шагали по тротуарам, глубоко втянув головы в воротники тяжелых пальто и пряча лица от кусачего ветра. Я медленно шла среди этой безликой толпы, никуда не торопясь впервые за последние бурные недели, и постепенно шумные торговые улицы остались позади, уступив место тихому, заброшенному парку у городского пруда.

Я не знала, какая сила привели меня именно сюда. Возможно, мне просто жизненно необходимо было побыть в абсолютном одиночестве, вдали от чужих взглядов и бесконечных расспросов. Зимой это место выглядело на редкость унылым и заброшенным: некогда прозрачная вода пруда покрылась толстым слоем мутного, сероватого льда, на поверхности которого холодный ветер наметал длинные, изогнутые полосы сухого снега, похожие на песчаные дюны в пустыне. Голые, покалеченные морозом деревья стояли вдоль берега черными, безжизненными силуэтами, их ветви замерли в немом оцепенении, а старые деревянные лавочки почти полностью занесло сугробами. Я подошла к одной из них, машинально протянув руку в шерстяной перчатке, чтобы смахнуть снег и сесть, но вовремя передумала: темное дерево промерзло насквозь, а после сегодняшнего кошмара мне и без того хватало внутреннего холода, который никак не желал отпускать мое тело. Я осталась стоять у самого края каменного парапета, вглядываясь в безмолвную белую пусты-

ню застывшего водоема.

Эта поверхность казалась такой мирной, неподвижной и безопасной. Но стоило мне задержать на ней взгляд чуть дольше, как воспаленная память услужливо, с пугающей четкостью подменила ровный лед черной, бурлящей водой из моего сна, источающей тяжелый запах гнили и тины. *«Ты слишком долго заставляла меня ждать.»*

Я со злостью стиснула зубы, чувствуя, как к горлу подкатывает волна бессильного гнева на саму себя. Этот голос... я была готова поклясться, что он принадлежал Тристану Уитмору. Его характерные бархатные интонации, его манера растягивать гласные, его холодное превосходство — все было его. Но лицо... лицо того рогатого чудовища не имело с ним ничего общего, кроме, быть может, безупречной, пугающей симметрии. Я нервно и коротко усмехнулась, поправляя воротник пальто: Тристан, конечно, обладал скверным, деспотичным характером, непомерным эгоизмом и высокомерием, но массивные черные рога на его ухоженной голове я бы точно заметила во время наших редких свиданий.

Почему же тогда его голос так отчетливо звучал в моем кошмаре? И почему прикосновение того существа вызвало во мне этот парализующий, знакомый до боли холод? Я вновь потеряла запястье прямо через плотную ткань перчатки, словно пытаюсь стереть невидимое клеймо. В тот памятный вечер две недели назад, в полумраке зимнего сада нашего поместья, когда Тристан впервые официально объявил

мне о своем решении жениться и сжал мою руку в знак помолвки, произошло то же самое, только в гораздо меньшей степени: резкая, ледяная игла пронзила мою кожу, заставив сердце пропустить удар, а в ушах на мгновение поднялся странный, призрачный шум далекой воды. Тогда я списала это на обычную девичью взволнованность и холодный сквозняк из приоткрытой фрамуги, но теперь... теперь этот пазл складывался во что-то зловещее и пугающее.

Второй мужчина из сна беспокоил меня еще сильнее.

Как бы я ни старалась, я совершенно не могла воскресить в памяти его лицо — стоило мне попытаться сосредоточиться на деталях, как перед глазами возникала серая муть, а в голове начинала пульсировать тупая боль. Высокий силуэт, длинные волосы, широкие плечи... Он шел ко мне прямо по кипящей воде, и вокруг его фигуры воздух дрожал от невероятного, багрового жара, пахнувшего грозovým озоном и сухой гарью.

«Не смей ее трогать.»

Этот голос не был мне знаком, в нем не было изящества Тристана, лишь первобытная, не знающая пощады сила, но во сне я почему-то испытывала странное, иррациональное облегчение, когда он приближался.

От этой мысли мне стало настолько не по себе, что я резко отвернулась от пруда, поспешно зашагав прочь по заснеженной дорожке парка. Хватит! Это просто безумие!

До моей принудительной свадьбы оставалось менее соро-

ка восьми часов. Мой отец практически разорен, его некогда успешная торговая компания дышит на ладан, моя эгоистичная бабушка умудряется проигрывать остатки нашего состояния в подпольных клубах, будущий супруг вызывает у меня лишь одно отчетливое желание — бежать без оглядки на другой край света, а я стою посреди городского парка на лютom морозе и пытаюсь отыскать глубокий мистический смысл в обычном кошмаре, вызванном переутомлением и нервным истощением. Действительно, прекрасная картина. Еще немного такой праздной рефлексии — и моя ядовитая сестрица Оливия окажется права: с моей головой явно происходит что-то неладное, и мне пора подыскивать тихий приют для умалишенных.

Я решительно ускорила шаг, стремясь как можно скорее оказаться дома, в тепле и привычной суете, которая, как я надеялась, сможет заглушить этот навязчивый, леденящий душу шепот.

В нашем доме, вопреки моим опасениям, царило блаженное тепло, пахнущее воском, дорогой полиролью и тонким ароматом запекающегося на кухне мяса с пряными травами. Пожилой слуга с тихим поклоном принял мое заснеженное пальто, и я с истинным наслаждением стянула перчатки, принимаясь ожесточенно растирать онемевшие, побелевшие пальцы, чтобы вернуть им чувствительность. Из дальней малой гостиной доносились негромкие, неразборчивые голоса, где-то на верхнем этаже глухо хлопнула дверь, служанка про-

бежала мимо меня с охапкой свежего белья. Это был обычный, привычный с детства дом, безопасный и осязаемый, и все мои страхи здесь казались глупыми и надуманными.

Еще два дня назад я даже представить себе не могла, что очень скоро буду вынуждена навсегда покинуть эти стены, чтобы стать хозяйкой в чужом, огромном и холодном особняке Уитморов.

Я уже начала медленно подниматься по широкой дубовой лестнице, когда снизу, из темноты коридора, раздался резкий, скрипучий голос, мгновенно заставивший меня замереть на месте:

— И где это ты опять шаталась, позволь спросить?

Я медленно повернула голову. На пороге малой гостиной стояла Амелия Беллроуз, моя бабушка. На ней было тяжелое платье из темно-бордового шелка, слишком нарядное и вычурное для обычного будничного вечера в кругу семьи, ее увядшую шею украшала массивная нить идеально круглого жемчуга, а в тонких, покрытых пигментными пятнами пальцах она держала изящный хрустальный бокал, в котором лениво колыхалось темно-красное вино. Судя по характерному блеску ее глаз и легкому румянцу на бледных щеках, это был далеко не первый бокал за сегодня.

Я невольно посмотрела на большие напольные часы в холле — стрелки показывали лишь половину пятого вечера.

— Я просто гуляла в парке, бабушка, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно, без тени

раздражения, которое уже начинало закипать в моей груди.

— Гуляла? В такую отвратительную погоду? — Амелия сделала небольшой глоток, брезгливо поморщившись, словно вкус дорогого коллекционного вина не соответствовал ее высоким требованиям. — Вечно ты где-то бродишь, Кристин, словно бесприютная нищенка. Вся в свою мать — та тоже вечно витала в облаках вместо того, чтобы заниматься делом. Нормальная, благовоспитанная девушка твоего круга за день до венчания сидела бы в своей комнате, прилежно молилась, готовилась к новой, священной роли супруги и непрестанно благодарила бы Всевышнего за то, что на нее, бесприданницу, вообще обратил внимание такой выдающийся, благородный мужчина, как Тристан Уитмор.

Я сделала еще один шаг вверх по ступени, крепко сжимая деревянные перила.

— Ну, в таком случае, нам обоим невероятно повезло, что я не подхожу под твои стандарты нормальности, бабушка. По крайней мере, мне не приходится проводить вечера в компании бутылки и колоды карт.

— Как ты смеешь дерзить мне, девчонка! — лицо Амелии мгновенно исказилось от вспыхнувшего гнева, она сделала шаг вперед, и я заметила, как ее фигура слегка покачнулась. Совсем немного, но вполне достаточно для того, чтобы понять степень ее опьянения.

Я остановилась на следующей ступени, глядя на нее сверху вниз с холодным, жестким спокойствием.

— Бабушка, тебе действительно пора прекращать пить в таких количествах. Это выглядит просто жалко.

Ее глаза округлились от искреннего возмущения, а рот приоткрылся, словно ей не хватало воздуха.

— Что... что ты сказала? Как у тебя только язык повернулся произнести подобное в лицо той, которая подарила тебе имя и кров?

— И играть тебе тоже пора прекратить, — продолжала я, чувствуя, как внутри меня поднимается волна злого, эгоистичного удовлетворения от ее замешательства. — Наша семья и без того находится на грани полного краха из-за твоих постоянных визитов в подпольные игорные дома. Если ты не остановишься, то однажды проиграешь в карты этот самый особняк, свою драгоценную фамильную посуду и саму себя, и тогда моему несчастному отцу придется выкупать из долговой ямы еще и твою персону.

Несколько секунд Амелия смотрела на меня с такой неистовой яростью, словно я только что нанесла ей тяжелую физическую пощечину. Ее холеные пальцы сжались на ножке бокала с такой силой, что я всерьез побоялась, как бы хрупкое стекло не лопнуло, пролив красную жидкость на ковер. Губы ее, искусно подкрашенные дорогой помадой цвета увядшей розы, брезгливо исказились, обнажив неестественно ровный фарфоровый ряд искусственных зубов. Словно сквозь пелену тяжелого винного дурмана, в ее глазах вспыхнул злой, затаенный огонек, и она выдохнула, роняя слова

медленно, веско, словно тяжелые камни в мутный омут:

— Неблагодарная, порочная дрянь. Ты смеешь читать мне нотации в моем собственном доме?

Я лишь устало вздохнула, чувствуя, как внутри нарастает привычное, удушливое раздражение, смешанное с горькой жалостью к этой некогда величественной женщине, которая теперь пахла дорогим алкоголем и тленом.

— Как оригинально, бабушка, — бросила я через плечо, продолжая свой путь вверх по лестнице, надеясь, что это положит конец бессмысленной перепалке. — Твой лексикон скудеет пропорционально твоему везению за карточным столом.

Но Амелия не собиралась так просто отпускать свою жертву: она сделала резкий, порывистый шаг вперед, покачавшись на своих высоких каблуках, и в воздухе между нами пронесся приторно-сладкий аромат застоявшегося портвейна и тяжелой пудры.

— Ты еще горько пожалеешь о своей дерзости, глупая девочка! — ее голос сорвался на зловещий, вибрирующий шепот, заставивший меня невольно замереть на третьей ступени. — Неужели ты всерьез возомнила, что если такой могущественный человек, как Тристан Уитмор, обратил на тебя свой взор и пожелал взять в жены, ты действительно стала чем-то особенным, исключительным? — Что-то пугающее, леденящее душу сквозило в ее изменившемся тоне, заставив меня медленно развернуться и посмотреть на нее сверху

вниз. Амелия криво усмехнулась, и в этой жалкой, лишенной прежнего величия улыбке было столько концентрированного яда, что на мгновение мне показалось, будто передо мной стоит совершенно посторонняя, чужая женщина, скрывающая под маской благообразной матроны темные и грязные тайны прошлого. Она сделала глубокий вдох, ее грудь под тяжелым бордовым шелком платья высоко поднялась, и она произнесла фразу, которая заставила кровь застыть в моих жилах: — Мужчины его круга иногда подбирают весьма странные, сомнительные вещи на пыльных дорогах судьбы... особенно когда они понятия не имеют, откуда эти вещи взялись на самом деле.

Я нахмурилась, чувствуя, как во рту мгновенно пересохло, а к горлу подступил горький комок. Напряжение между нами стало почти осязаемым, воздух словно сгустился, превратившись в холодный кисель.

— Что? — мой голос прозвучал тихо, но в нем отчетливо слышался страх, который я тщетно пыталась скрыть за маской холодного безразличия. — Что ты имеешь в виду под этими словами, Амелия? Откуда я взялась?

Ее хищная улыбка тут же сползла с лица, уступив место испуганному оцепенению. Казалось, она сама только что осознала, какую непоправимую глупость совершила, позволив вину развязать свой злой язык. Она поспешно отвела глаза, делая вид, что увлечена изучением рубиновой жидкости в своем бокале, но ее пальцы выдавали внутреннюю

дрожь, мелко постукивая по хрустально.

— Ничего, — буркнула она, делая шаг назад, в тень дверного проема. — Пустые бредни усталой женщины. Забудь.

— Нет, не забуду, — я сделала шаг вниз по лестнице, впинаясь пальцами в перила так, что старое дерево жалобно заскрипело. — Что ты сейчас сказала? Какая пыльная дорога? О чем ты молчишь все эти годы?

— Иди к себе в комнату! — внезапно рывкнула она, и этот крик, сорвавшийся на хриплый фальцет, эхом прокатился по безмолвному холлу, заставив хрустальные подвески на люстре тихо и жалобно зазвенеть.

— Бабушка, ответь мне... — я попыталась сделать еще один шаг к ней, но она замахнулась на меня бокалом, расплескивая темные капли вина на паркет.

— Я сказала — иди к себе немедленно! Прекрати допрашивать меня, паршивка! — Ее лицо пошло уродливыми красными пятнами, а тяжелое дыхание пахло перегаром.

Я замерла, вглядываясь в ее искаженные злобой черты. Вчера мама уклоняясь от любых прямых вопросов о моем детстве и происхождении, сегодня бабушка сыплет двусмысленными, зловещими намеками, словно я для них не родная кровь, а случайный подкидыш, досадная обуза, от которой они наконец-то нашли способ избавиться, выгодно продав Тристану. Внутри меня закипел холодный, эгоистичный гнев на этих людей, которые всю жизнь использовали меня как разменную монету в своих финансовых играх, лишая малей-

шего намека на искреннюю любовь и душевное тепло.

— Тебе действительно давно пора перестать пить, Амелия, — тихо, но с нескрываемым презрением произнесла я, разворачиваясь спиной к ней и уверенно шагая вверх по лестнице. — Твой разум разрушается гораздо быстрее, чем твое стареющее тело.

— Не смей отворачиваться, когда старшие разговаривают с тобой! — полетело мне в спину, сопровождаемое глухим стуком — должно быть, она в ярости швырнула бокал на пол, и осколки хрусталя со звоном разлетелись по паркету. — Кристин! Вернись сейчас же! Я не потерплю подобного отношения!

Я даже не замедлила шаг. Если Амелия искала очередную жертву для своего пьяного скандала, сегодня ей придется довольствоваться обществом слуг или моей кроткой сестры Оливии. Моя чаша терпения была переполнена до краев, и все, чего мне хотелось в этот момент — это запереться в своей комнате и смыть с себя липкую грязь этого дня.

Оказавшись в спальне, я первым делом повернула тяжелый ключ в замочной скважине, с облегчением слушая, как сухой металлический щелчок отсекает меня от остального безумного дома. В комнате царил серый, унылый полумрак зимнего вечера; крупные хлопья снега лениво кружились за окном, бесшумно ложась на холодный гранит подоконника. Я сбросила тяжелые туфли на каблуках, стянула стесняющее дыхание шерстяное платье и переделась в свободную, мяг-

кую домашнюю сорочку из тонкого батиста, которая приятно ласкала утомленную кожу. Стянув шпильки, я распустила волосы, позволив им тяжелыми темными волнами упасть на плечи, и с наслаждением запустила пальцы в корни волос, массируя голову и пытаясь унять тупую, пульсирующую боль в висках. Хотелось лечь, забыться хотя бы на несколько минут, уйти от этой липкой, давящей реальности.

Я забралась на постель прямо поверх покрывала, подтянув колени к подбородку, и закрыла глаза. И немедленно, словно на внутренней стороне моих век был нарисован кошмарный холст, во тьме вспыхнули те самые огромные, шероховатые черные рога и серый силуэт высокого существа, стоявшего посреди бурлящей воды. Его бездонные черные глазницы уставились на меня с голодным, торжествующим любопытством, а в ушах вновь поднялся призрачный, нарастающий гул лесного урагана.

Мои глаза мгновенно распахнулись, а сердце испуганно заколотилось о ребра, как пойманная в силки птица.

— Нет уж, никакого сна, — прошептала я в пустоту комнаты, чувствуя, как по спине медленно стекает капля холодного пота. — Это просто нервы. Обыкновенный бред усталого разума.

Спать расхотелось окончательно. Я перевернулась на спину и уставилась в потолок, изучая блеклые узоры старинной лепнины, которая в сгущающихся сумерках походила на переплетенные змеиные тела. Через несколько минут в дверь

тихо, нерешительно постучали.

— Кристин? Можно войти? — раздался приглушенный голос матушки.

Я вздохнула, заставив себя сесть на кровати.

— Да, входи конечно, не заперто. Точнее, заперто, подожди секунду. — Я поднялась, босыми ногами ощущая приятную прохладу половиц, повернула ключ и вернулась на постель.

Рун вошла бесшумно, аккуратно притворив за собой тяжелую дубовую дверь. Сегодня на ней было простое, даже скромное домашнее платье из серой шерсти, лишенное каких-либо украшений; ее светлые волосы были собраны в небрежный узел на затылке, а на бледном, осунувшемся лице застыла глубокая, вековая усталость, делавшая ее старше своих лет. Она медленно подошла к кровати и присела на самый край, деликатно разглаживая складки на моем покрывале своими тонкими, сухими пальцами, которые все еще пахли лавандовым мылом.

— Ты сегодня непривычно рано вернулась, милая. Обычно в это время ты еще... занимаешься в библиотеке или гуляешь с подругами.

— Сегодня я не работаю, — сорвалось с моих губ прежде, чем я успела сообразить, какую чудовищную глупость совершаю.

Мама мгновенно замерла, ее пальцы остановились на покрывале, а дыхание перехватило. Я тоже окаменела, чув-

ствуя, как щеки начинает заливать предательский, горячий румянец стыда и страха. Воздух в комнате словно мгновенно нагрелся, став удушливым и тяжелым, а тишина сделалась такой плотной, что я могла слышать стук собственного сердца. *Проклятье.* Моя тайна, которую я так тщательно оберегала на протяжении трех долгих лет, подрабатывая в кондитерской, чтобы иметь хоть какие-то собственные, не зависящие от капризов семьи деньги, едва не раскрылась из-за секундной потери бдительности.

— Не работаешь? — медленно, с легким недоумением переспросила Рун, пристально вглядываясь в мое лицо своим глубоким, пронизательным взглядом. — Где именно ты сегодня не работаешь, Кристин? И о какой работе вообще может идти речь, когда единственное твоё занятие это учеба в университете?

Мы молча смотрели друг на друга, и это молчание затягивалось, превращаясь в настоящую пытку. Я чувствовала себя пойманным на горячем воришкой, судорожно соображая, какую ложь состряпать, чтобы спасти положение. Рун медленно приподняла одну бровь — этот жест всегда выдавал ее крайнее подозрение и недоверие.

— Я имела в виду... я не занимаюсь сегодня общественной работой в студенческом союзе, — попыталась выкрутиться я, чувствуя, как ложь тяжелым комком застревает в горле, заставляя интонацию звучать фальшиво и натянуто. — Нам дали несколько дней отдыха перед экзаменами.

— Нет, Кристин, — Рун скрестила руки на груди, и ее голос стал сухим, строгим. — Ты совершенно отчетливо, без малейших сомнений произнесла слово «не работаю». И твое лицо сейчас горит так, словно ты только что совершила кражу. Перестань юлить и скажи мне правду. Что ты скрываешь от нас?

Я глубоко вздохнула, решив пойти в контратаку, чтобы скрыть собственную уязвимость.

— Давай мы просто сделаем вид, что ты ничего не слышала, мама. У нас в доме и без моих студенческих дел хватает проблем, которые требуют твоего пристального внимания. Например, твоя свекровь, которая прямо сейчас бьет посуду внизу и поливает меня грязью.

— Давай мы не будем делать никаких видов, Кристин, — Рун оставалась непреклонной, ее взгляд буквально пригвоздил меня к подушкам. — Потому что мне теперь чрезвычайно, до глубины души интересно, чем занимается моя младшая дочь в те часы, когда она якобы пропадает на лекциях.

— А мне в данный момент чрезвычайно хочется спать и чтобы меня оставили в покое хотя бы на пару часов перед тем, как начнется этот вечерний кошмар с подругами, — раздраженно бросила я, отворачиваясь к окну и делая вид, что увлечена изучением падающих снежинок.

Мама тихо, грустно вздохнула, и в ее голосе прозвучали нотки горького узнавания:

— Ты ужасно, просто невероятно похожа на своего отца,

Кристин, когда пытаешься так неумело и нагло лгать. Даже бровь свою левую приподнимаешь точно так же, как он, когда пытается скрыть очередную финансовую дыру в отчетах. — Я машинально опустила бровь, чувствуя, как злость уступает место стыду. Рун славно и мягко улыбнулась, и эта улыбка на мгновение стерла с ее лица маску усталости, вернув прежнюю, теплую маму из моего далекого детства. — Я ведь всегда знала, милая, что у тебя есть какая-то своя, тайная жизнь за пределами этого дома. Просто... я грешным делом думала, что у тебя появился молодой человек, которого ты стесняешься показать нам из-за нашего шаткого положения.

— Как видишь, в итоге он действительно появился, — я горько усмехнулась, чувствуя, как при воспоминании о Тристане во рту снова появляется неприятный металлический привкус. — И лучше бы вместо этого я действительно работала на каменоломнях. Это принесло бы мне куда меньше душевных терзаний.

Мама тихо рассмеялась, качая головой, но продолжать этот утомительный допрос не стала, за что я была ей искренне благодарна. Она пододвинулась ближе, протянула свою прохладную ладонь и нежно коснулась моего лба, убирая со лба непослушную прядь темных волос. Ее пальцы были сухими и теплыми, но стоило им соприкоснуться с моей кожей, как она нахмурилась:

— Боже, Крис, да ты просто ледяная. У тебя лоб холод-

ный, как мраморная плита.

Я слегка напряглась, стараясь отстраниться от ее руки, чтобы она не заметила, как меня начинает бить мелкая дрожь.

— На улице ужасный мороз, а я долго стояла у пруда в парке, дышала свежим воздухом. Вот и остыла немного.

— И выглядишь ты совершенно изможденной, уставшей, — продолжала беспокоиться Рун, всматриваясь в мои глаза с нарастающей тревогой. — Твои глаза... они словно лихорадочно блестят, а под ними залегли глубокие тени. Что происходит, милая?

— Я просто очень плохо спала сегодня ночью, — ответила я, стараясь говорить как можно тише, чтобы скрыть дрожь в голосе. Перед глазами вновь на мгновение вспыхнула картина бушующего урагана и огромного бледного глаза под водой.

— Из-за предстоящей свадьбы? — тихо спросила она, и в ее глазах мелькнуло сочувствие напополам с чувством вины. Она ведь тоже знала, что этот брак — вынужденная сделка, плата за спасение нашей семьи от позора и нищеты.

— Наверное, — уклончиво ответила я, переводя взгляд на свои онемевшие пальцы.

Рун ласково провела рукой по моим волосам, ее прикосновение было легким, как дуновение летнего ветра.

— Поспи немного, Кристин. До ужина и прихода твоих подруг еще есть уйма времени. Тебе нужно набраться сил.

— Она медленно поднялась с кровати, направляясь к двери.
— Мама, — позвала я ее, когда она уже взялась за латунную ручку. — Рун остановилась, полуобернувшись ко мне.
— Сегодня вечером... ко мне придут девочки. Элис, Лизи и Амира.

— Да, конечно, я знаю. Пусть приходят, я распоряжусь, чтобы на кухне приготовили чай и легкие закуски для вас.

— Мы хотим... — я не удержалась от слабой, заговорщической улыбки, заранее предвкушая ее строгую реакцию, — мы хотим немного погадать перед сном. Амира обещала принести какую-то старинную книгу гаданий.

Мама медленно развернулась ко мне всем телом, ее лицо мгновенно утратило мягкость, став серьезным и сосредоточенным.

— Погадать? В такую ночь?

— Да. Амира утверждает, что нашла ее в какой-то лавке в старом квартале. Не смотри на меня так, мама, это просто глупая девичья забава, способ немного отвлечься от свадебной суматохи. Мы не собираемся устраивать ничего предосудительного.

— Книга, говоришь... — Рун нахмурилась, и в ее глазах мелькнула странная, затаенная тревога, которой я не смогла найти логического объяснения. — Я просто пытаюсь понять, Кристин, когда это моя рассудительная, прагматичная дочь успела проникнуться интересом к спиритизму и оккультным наукам. Сегодня в полдень? — Рун покачала головой, но

уголки ее губ все же дрогнули в слабой улыбке. — Действительно, весьма оригинальное и сомнительное развлечение вы себе подобрали. Обычно девушки выбирают для подобных мистерий совсем другие, более подходящие дни в календаре.

— Будто ты сама в своем девичестве не занималась подобными глупостями с подругами, — я весело прищурилась, пытаюсь разрядить обстановку.

— Именно потому, что я прекрасно знаю, к чему могут привести подобные заигрывания с неизвестным, я и беспокоюсь за тебя, Крис, — негромко произнесла Рун, и ее голос прозвучал неожиданно веско, заставив меня посерьезнеть.

— Мама, мы просто хотим немного повеселиться, поболтать и посмеяться. Обещаю, обойдется без сожженных штор, разбитых зеркал и вызова демонов преисподней.

— Ничего не обещай заранее, дорогая, — Рун грустно покачала головой. — Наша судьба вещь хрупкая, и иногда достаточно одного неосторожного слова, чтобы разрушить то, что строилось годами.

Я рассмеялась, стараясь прогнать эту неуместную серьезность:

— Хорошо-хорошо! Мы постараемся вести себя прилично и не вызывать никого слишком опасного или прожорливого.

Почему-то после этих моих шутливых слов в спальне на мгновение воцарилась абсолютная, звенящая тишина, в которой был слышен лишь сухой стук падающего за окном сне-

га. Мама пристально, долго смотрела на меня, словно видела перед собой не взрослую дочь, а маленькую, беззащитную девочку, стоящую на краю глубокой пропасти.

— Лучше вообще никого не вызывайте, Кристин, — тихо, но отчетливо произнесла она, и в ее интонациях сквозила такая неподдельная, глубокая тревога, что по моей спине вновь пробежала холодная дрожь.

Я заставила себя улыбнуться, хотя внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

— Мама, ну это же просто глупая шутка. Мы ведь взрослые люди.

— Я понимаю, — тихо ответила Рун.

Но сама она почему-то так и не улыбнулась, бесшумно выходя из комнаты и закрывая за собой дверь, оставив меня наедине с нарастающим чувством смутного беспокойства.

К началу ужина девочки явились все вместе, создав в нашем тихом холле настоящий, веселый переполох. Они были нагружены пакетами, коробками и свертками так, словно собирались не просто провести один вечер в компании подруги, а как минимум намеревались пережить долгую и суровую осаду Чикаго. Элис, раскрасневшаяся с мороза, принесла огромную коробку шоколадных конфет и мятных пастилок из модной кондитерской; Лизи, робко улыбаясь, тащила плетеную корзину с фруктами и темную бутылку вина, которую, судя по ее пугливому и виноватому выражению лица, она тайно стащила из погреба своего строгого отца-пас-

тора. Амира же пришла последней, одетая в длинное дорожное пальто, под которым скрывалась большая, потертая кожаная сумка на широком ремне; она наотрез отказалась показывать нам ее содержимое, загадочно прикладывая палец к губам и обещая раскрыть все карты только после того, как будет покончено с ужином.

Амелии за обеденным столом не оказалось, что принесло мне немалое облегчение.

Я заметила это сразу, как только мы вошли в просторную столовую, залитую теплым светом хрустальной люстры. Ее привычное место во главе стола пустовало, белоснежная полотняная салфетка осталась нетронутой, а серебряные приборы холодно поблескивали на темном дереве.

— А где же госпожа Амелия? — шепотом спросила я у матери, которая помогала служанке расставлять тарелки.

Рун на долю секунды задержала свой взгляд на пустом кресле свекрови, и в ее глазах мелькнуло сложное чувство — облегчение наполовину с привычной горечью.

— Уехала в город по делам, Кристин. Обещала вернуться поздно.

Мне не требовалось никаких дополнительных расспросов, чтобы понять истинную цель ее «визита». Подпольный игорный дом в старом квартале. Клуб, где собирались такие же азартные и безответственные люди ее круга, проигрывая последние фамильные ценности в надежде отыгратья. Разумеется. Это было так предсказуемо и жалко.

Отец с матерью поужинали раньше, проявив поразительную деликатность, и оставили всю столовую в наше полное распоряжение. Элис обрадовалась этому обстоятельству настолько искренне и бурно, словно получила в единоличное наследство все наше поместье со всеми его долгами. В результате единственным лишним, откровенно чужеродным человеком за нашим праздничным столом оказалась Оливия.

Моя младшая сестра сидела прямо напротив нас с таким выражением лица, словно вокруг нее расположились не приличные университетские подруги ее сестры, а стая диких, плохо воспитанных обезьян, случайно зашедших на званый обед. Она брезгливо ковыряла вилкой в своей тарелке, демонстративно вздыхая после каждого взрыва веселого смеха Элис или шутливой реплики Амиры.

— Оливия, ты вполне можешь уйти к себе, если общество моих друзей вызывает у тебя столь сильные душевные страдания, — наконец не выдержала я, когда она в очередной раз громко и театрально вздохнула, отодвигая от себя тарелку с жарким.

Сестра медленно подняла на меня свои холодные, голубые глаза, в которых сквозило ледяное превосходство.

— Прости? Что ты сказала?

— Ты сидишь здесь с таким лицом, словно тебя удерживают за этим столом под дулом пистолета, — ответила я, твердо глядя ей прямо в глаза. — Дверь открыта, Оливия. Ни-

кто не станет плакать, если ты решишь провести этот вечер в своей комнате.

— Я ужинаю в столовой своего собственного дома, Кристин, — холодно процедила она, поправляя идеально уложенные светлые локоны. — И имею полное право находиться здесь столько, сколько сочту нужным.

— Ну, в таком случае, попробуй делать это без выражения великомученицы на костре инквизиции, — парировала я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Твой кислый вид способен испортить аппетит даже самому неприветливому гостю.

Элис, сидевшая рядом со мной, поспешно уткнулась лицом в свой бокал с вином, тщетно пытаясь скрыть набежавшую улыбку. Но Оливия, обладавшая поразительной наблюдательностью, мгновенно заметила этот жест.

— А твоему отребью, Кристин, возможно, стоило бы вести себя потише в приличном обществе, — ледяным тоном произнесла она, переводя свой презрительный взгляд на Элис. — Наша столовая это не дешевая пивная на окраине, где принято громко гоготать и размахивать руками.

В комнате мгновенно воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Лизи испуганно опустила вилку, которая с тихим стуком ударилась о край фарфоровой тарелки. Веселая улыбка тут же сползла с лица Элис, уступив место искренней обиде и гневу; ее щеки покрылись пунцовым румянцем.

Я медленно повернула голову к сестре, чувствуя, как внут-

ри меня все буквально леденеет от ярости.

— Моему чему, Оливия? Повтори-ка еще раз, я не совсем расслышала.

Сестра вызывающе откинулась на высокую спинку стула, скрестив руки на груди и глядя на меня с нескрываемым вызовом.

— Твоим сомнительным подружкам, Кристин. Я думаю, ты прекрасно меня поняла.

— Уже лучше, — я заставила себя рассмеяться, хотя этот смех прозвучал сухо и угрожающе. — Ты сидишь здесь весь вечер с таким лицом, словно тебе на золотом блюде подалидохлую крысу, оскорбляешь моих близких друзей, называя их отребьем, а виноватой пытаешься выставить меня? Тебе не кажется, что твое высокомерие давно перешло все разумные границы?

— Некоторые люди просто от природы не способны понять, где находится их истинное место в социальной иерархии, — Оливия пожала плечами с видом абсолютного превосходства, намекая на скромное происхождение моих подруг. — И им нужно периодически напоминать об этом.

Амира, до этого момента молча и спокойно наблюдавшая за нашей перепалкой, аккуратно промокнула губы белоснежной полотняной салфеткой и тихо, вкрадчиво произнесла:

— Судя по всему, эта поразительная неспособность видеть реальность и адекватно оценивать себя — черта сугубо семейная, передающаяся по наследству мисс Беллроуз.

Я едва сдержала громкий кашель, пытаясь скрыть подступивший смех. Элис благодарно посмотрела на Амиру, ее глаза лихорадочно блестели от восторга. Оливия мгновенно вспыхнула, ее холеные пальцы сжались в кулаки, а взгляд, устремленный на Амиру, стал по-настоящему ледяным.

— Ты что-то сказала, девчонка? Как ты смеешь открывать свой рот в моем присутствии?

— Да, я высказала свое скромное мнение, — невозмутимо ответила Амира, глядя на нее с абсолютным спокойствием сфинкса. — Но повторять свои слова специально для вас, мисс Оливия, я не вижу никакого смысла. Боюсь, во второй раз моя мысль прозвучит для вашего изнеженного слуха слишком очевидно и грубо.

Элис окончательно потеряла контроль над собой и низко опустила голову к тарелке, ее плечи мелко затряслись от беззвучного, удушающего смеха. Оливия буквально задыхалась от ярости, ее грудь бурно вздымалась под шелковым лифом платья.

— Кристин! У тебя всегда был просто отвратительный, плебейский вкус на друзей! Ты тащишь в наш приличный дом кого попало с улицы!

— Зато у меня просто великолепный, безупречный вкус на сестер, — ядовито улыбнулась, глядя ей прямо в лицо. — Именно поэтому я все еще искренне надеюсь однажды выгодно обменять тебя на приличную породистую лошадь или хотя бы на пару мешков хорошей муки для нашей кон-

дистерской.

— Какая невообразимая жалость, Кристин, что на самом деле очень скоро забирают именно тебя, — Оливия прищурилась, и на ее губах заиграла злая, торжествующая улыбка. — Причем забирают как вещь, за долги, чтобы спасти наши шкуры. И твой драгоценный Тристан Уитмор сделает твою жизнь сущим адом, вот увидишь. Ты будешь выть в его золотой клетке.

Эти слова попали точно в цель, пробив мою хлипкую оборону. Внутри меня все болезненно сжалось от острой, режущей боли; дыхание на мгновение перехватило, а перед глазами поплыли темные пятна. Оливия мгновенно заметила мою слабость, и то дикое, эгоистичное удовлетворение, что вспыхнуло в ее голубых глазах, разозлило меня сильнее самих оскорблений.

Я медленно, с тихим стуком положила свою серебряную вилку на стол, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тише и холоднее:

— Знаешь, Оливия, что во всей этой ситуации кажется мне самым забавным и жалким? Ты весь вечер из кожи вон лезешь, пытаясь показать, насколько сильно ты нас презираешь и не можешь терпеть наше присутствие. Но при этом ты продолжаешь упорно сидеть за этим столом, ловя каждое наше слово. Это означает лишь одно из двух: либо в глубине своей пустой души ты безумно завидуешь нашей свободе и искренней дружбе, мечтая стать частью нашей компании,

но дико боишься признаться в этом даже самой себе... либо твоя собственная светская жизнь настолько скучна, бесцельна и ничтожна, что даже наше «отребье» для тебя единственное доступное развлечение в этом унылом доме.

— Не льсти себе, Кристин, — выплюнула она, но в ее голосе уже слышалась неуверенность, а щеки вновь покрылись пунцовыми пятнами стыда.

— Тогда почему ты все еще сидишь здесь и отравляешь нам воздух своим присутствием? — жестко спросила я, приподнимаясь со своего места.

Оливия открыла было рот, собираясь выдать очередную порцию яда, но так и не смогла подобрать нужных слов. Она лишь шумно, со свистом выдохнула воздух сквозь плотно сжатые зубы. Элис не выдержала и громко прыснула в кулак. Я решительно встала из-за стола, расправляя складки своего домашнего платья.

— Вот и я не знаю ответа на этот вопрос. Девочки, ужин окончен. Идемте ко мне, в столовой стало слишком душно и пахнет дешевым высокомерием.

Стулья заскрипели по паркету почти одновременно, нарушая гнетущую тишину столовой.

— С огромным удовольствием покидаю это гостеприимное место, — звонко произнесла Лизи, поспешно забирая свою корзину с фруктами.

— Наконец-то, я уже начала замерзать от этого ледяного приема, — добавила Элис, подмигивая мне.

Амира поднималась последней с присущей ей грацией хищного зверя. Она неторопливо забросила ремень своей тяжелой кожаной сумки на плечо и, проходя мимо застывшей в немой ярости Оливии, на секунду остановилась, склонив голову набок. Я сразу почувствовала, что сейчас произойдет нечто непоправимое, и поспешно дернула ее за рукав платья.

— Амира, ради всего святого, не надо. Пойдем скорее.

— Ну что ты, Крис, я совершенно ничего плохого не имею в виду, — мягко, певуче ответила она, не сводя своих темных, пронизательных глаз с лица моей сестры. — Я просто искренне хотела сделать комплимент. Мисс Оливия, вы действительно обладаете редкой, поистине божественной красотой. Ваша кожа бела, как первый снег, а волосы сияют, словно чистое золото.

Оливия подозрительно прищурила глаза, ожидая подвоха, но не удержалась от легкого, самодовольного кивка.

— И? К чему эти банальные излияния?

— Да ни к чему особенному, — Амира беззаботно улыбнулась, обнажая ровные белые зубы. — Просто меня всегда искренне поражало и удивляло, как щедро природа способна вкладываться во внешнюю оболочку человека, когда она принимает твердое и бесповоротное решение тотально сэкономить на всем остальном его внутреннем содержимом. Всего вам доброго, мисс Беллроуз. Надеюсь, вы не подавитесь своим ужином.

Элис издала какой-то дикий, нечеловеческий сдавленный

звук, похожий на писк удушаемой мыши, и поспешно зажала рот обеими руками. Я мертвой хваткой вцепилась в локоть Амиры и буквально потащила ее к выходу из столовой.

— Бегом! Уходим отсюда немедленно, пока она не опомнилась!

Мы вихрем вылетели в холл и бросились вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Из столовой нам вслед донесся полный бессильной ярости и возмущения крик Оливии, от которого, казалось, задрожали стены:

— Я все слышала, мерзавки! Вы за это горько заплатите! Я все расскажу отцу!

— На это, собственно, и был весь мой скромный расчет, дорогая! — громко прокричала Амира, даже не оборачиваясь.

Мы взлетели на второй этаж и ворвались в мою спальню, с трудом сдерживая рвущийся наружу безумный смех. Элис согнулась пополам, упираясь руками в колени, ее лицо было пунцовым, а из глаз катились слезы счастья.

— Господи... Амира... ты просто чудовище... я когда-нибудь точно умру от смеха из-за твоих ядовитых речей!

— Очень надеюсь, что это трагическое событие произойдет не сегодня, моя дорогая, — невозмутимо ответила та, снимая пальто и аккуратно вешая его на вешалку у двери. — У нас ведь на эту ночь запланирована обширная и крайне увлекательная культурная программа. Нам некогда отвлекаться на похороны.

— Оливия теперь тебя просто возненавидит до конца своих дней, — Лизи испуганно покачала головой, но в ее глазах тоже плясали веселые искорки.

— Переживу как-нибудь это тяжелое бремя, — Амира беззаботно махнула рукой. — Ее ненависть для меня лучшая награда и признание моих скромных ораторских заслуг.

Я смеялась вместе с ними так громко и искренне, что у меня заболели мышцы живота, а во рту наконец-то исчез этот противный, липкий вкус страха и сухости. Впервые за весь этот безумный, кошмарный день я чувствовала себя по-настоящему живой, согретой теплом дружбы и защищенной от любых невзгод внешнего мира.

Стоило тяжелой дубовой двери моей спальни закрыться, отсекая нас от остального дома, как Элис заговорщически потерла ладони друг о друга, ее глаза лихорадочно блестели в полумраке.

— Ну что, девочки, довольно пустой болтовни! Начинаем наше таинство!

— Для начала давай повернем ключ в замке, — осторожно предложила Лизи, испуганно озираясь на дверь. — После столь блистательного выступления Амиры в столовой, Оливия вполне способна явиться сюда посреди ночи с кухонным ножом, чтобы совершить акт кровной мести.

— Ой, если эта заносчивая кукла посмеет сюда сунуться, мы просто вызовем какого-нибудь особо голодного духа из преисподней и натравим его прямо на нее, — весело отмах-

нулась Амира, устраиваясь на ковре.

— Ты главное смотри, чтобы этот твой дух сам в ужасе не сбежал обратно в ад, едва заведев ее лицо без утреннего макияжа, — в тон ей ответила я, заперев дверь на два оборота.

Следующие двадцать минут в комнате воцарился настоящий, веселый хаос. Элис твердо решила, что для создания надлежащей мистической атмосферы нам жизненно необходим абсолютный полумрак, и принялась увлеченно гасить одну масляную лампу за другой, несмотря на протесты Лизи, которая жалобно ворчала, что мы в этой темноте испортим себе зрение или, упаси Боже, сломаем ноги. Амира деловито потребовала полностью освободить круглый журнальный столик от учебников, тетрадей и прочего повседневного мусора. Я же пыталась одновременно переодеться в более удобную одежду, уследить за тем, чтобы Элис в своем мистическом порыве не уронила тяжелый бронзовый подсвечник на ковер, и выяснить, кто из подруг умудрился притащить в мою спальню столько липких сладостей. В конце концов мы все-таки устроились с комфортом.

Мы сели в круг прямо на мягком, пушистом ковре посреди комнаты. Четыре высокие восковые свечи были расставлены вокруг нас по четырем сторонам света. Их язычки пламени слабо, неровно подрагивали от нашего дыхания, отбрасывая на обои причудливые, гигантские тени, которые казались живыми и шевелящимися. За окнами по-прежнему беззвучно и густо падал снег, укутывая город в белое одея-

ло. В спальне было тепло, уютно; воздух был пропитан густым ароматом согретого воска, спелых яблок, сладкой мятной пастилы и тонкими, дорогими духами Элис с нотками жасмина.

Амира с торжественным, почти священным выражением лица положила свою тяжелую кожаную сумку на колени.

— Ну что, юные искательницы приключений, все готовы заглянуть за грань дозволенного?

— Если ты сейчас вытащишь оттуда настоящий человеческий череп, я клянусь, что немедленно покину это собрание и уйду спать в гостевую комнату, — в очередной раз предупредила Лизи, нервно теребя край своего шерстяного платка.

— Ты это пугающее обещание за сегодня произносишь уже примерно в десятый раз, дорогая моя, — Амира усмехнулась, расстегивая тяжелую латунную пряжку сумки. — И на этот раз я абсолютно серьезна и намерена его выполнить!

Амира медленно, бережно запустила руки внутрь кожаного нутра и извлекла оттуда массивный предмет. Наш веселый смех стих сам собой, словно его срезало острым ножом.

Книга выглядела не просто старой — она казалась невероятно, пугающе древней, принадлежащей эпохе, о которой человечество давно забыло. Ее тяжелый переплет был обтянут толстой, почти черной кожей неизвестного животного, сильно потертой по углам и покрытой глубокими, извилистыми трещинами, напоминающими морщины на лице глу-

бокого старика. На обложке не было ни малейшего намека на название или имя автора. Лишь в самом центре красовался глубоко вытесненный круг, внутри которого причудливо переплетались тонкие, рельефные линии, напоминающие то ли обнаженные корни векового дерева, то ли кровеносные сосуды, то ли хаотичное переплетение множества человеческих судеб. По самому внешнему краю круга шли странные, угловатые символы и руны, значение которых не смог бы расшифровать ни один ученый нашего университета. Тяжелые металлические уголки книги сильно потемнели и покрылись зеленоватым налетом времени, а массивная застежка была искусно выполнена в виде вытянутой, чешуйчатой змеи, кусающей собственный хвост древнего символа вечности и бесконечного возвращения.

Я перестала улыбаться, чувствуя, как к сердцу вновь подкрадывается то самое, забытое на время липкое чувство тревоги.

— Боже, Амира... где ты умудрилась откопать это чудовище? Она выглядит так, словно ее вытащили из склепа средневекового алхимика.

Амира медленно провела своими тонкими пальцами по рельефному узору на обложке, и в ее глазах мелькнуло странное, почти благоговейное выражение.

— Я ведь говорила вам: купила ее пару дней назад у одного букиниста.

— В какой еще лавке? — Элис уже нетерпеливо потяну-

лась своими изящными пальчиками к книге, но Амира мягко, но решительно отвела ее руку в сторону.

— В маленьком, полуподвальном магазинчике на самой окраине старого квартала, у самой реки. Я часто там прохожу по дороге в университет, но клянусь вам — раньше этой лавки там никогда не было. Она словно материализовалась из тумана.

— И ты просто так взяла, зашла внутрь и преспокойно приобрела эту черную книгу для вызова неприкаянных мертвецов? — Лизи испуганно поёжилась, прижимаясь ближе к Элис.

— Я понятия не имела, что она предназначена для спиритизма или чего-то подобного, — спокойно ответила Амира, покачав головой. — На ней ведь нет ценника или аннотации.

— А для чего же она тогда, по-твоему?

Амира пожала плечами:

— Старик-продавец заверил меня, что эта книга идеально подходит для гаданий, предсказания судьбы и прояснения темных моментов будущего.

Лизи недоверчиво и хмуро посмотрела на темную обложку:

— И что это был за продавец? Как он выглядел? Наверняка очередной шарлатан в грязном тюрбане.

— Нет, обычный старик, — Амира прищурилась, словно воскрешая в памяти его образ. — Очень старый, согбенный годами, в поношенном черном сюртуке. И у него был один

мутный, совершенно слепой глаз, подернутый белесой пеленой. Он вел себя крайне странно: долго и пристально всматривался в мое лицо своим единственным зрячим глазом, а потом хриплым шепотом спросил, для кого именно я приобретаю этот фолиант.

— И что же ты ему ответила? — спросила я, чувствуя, как волоски на моих руках начинают медленно подниматься от необъяснимого страха.

— Сказала первое, что пришло мне в голову, чтобы поскорее закончить этот странный разговор: мол, беру в подарок для своей близкой подруги.

Я подняла голову, глядя ей прямо в глаза:

— Для меня? То есть ты взяла ее для меня?

— Нет, Крис, уверяю тебя. На тот момент я еще ничего не знала о твоей внезапной помолвке и спешной свадьбе с Тристаном. Это было просто случайное совпадение.

Почему-то это оправдание не принесло мне ни малейшего облегчения. В воздухе спальни словно повеяло тем самым могильным холодом из моего утреннего кошмара.

— И что же этот странный старик сказал дальше?

Амира нахмурилась, ее голос стал тише:

— Он спросил меня: «А какова судьба этой твоей подруги? Чиста ли ее душа и ждет ли ее великое счастье?»

Элис скептически фыркнула, пытаясь вернуть беседе прежний, легкий тон:

— И ты, разумеется, выдала ему всю подноготную о на-

ших студенческих интрижках?

— Нет, я ответила чистую правду: сказала, что понятия не имею, что ждет ее впереди. Пути Господни неисповедимы.

— Очень содержательный и полезный диалог двух фило-софов, — съязвила Элис, хотя ее пальцы продолжали нервно перебирать кружево на подушке.

— А после этого старик хрипло, дребезжаще рассмеялся, — тихо продолжила Амира, и ее слова заставили нас всех невольно вздрогнуть. — Он погладил книгу своими костля-выми пальцами и произнес: «Тем лучше для нее. Незнание — величайший дар для тех, чья судьба уже давно предреше-на другими силами».

В комнате мгновенно стало очень тихо. Эта тишина бы-ла особенной — не сонной и мирной, а тяжелой, давящей, наполненной невысказанными опасениями. Слышно было только, как за окном сухой снег с тихим шелестом бьется о холодное стекло.

Лизи нервно передернула плечами:

— Мне уже заранее дико не нравится эта книга, Амира. Давай уберем ее обратно в сумку и просто выпьем вина.

— Ну уж нет! — Элис упрямо капризно надула губы, ее эгоизм и любопытство взяли верх над осторожностью. — Раз уж мы собрались и зажгли свечи, мы обязаны довести дело до конца. Открывай ее, Амира! Мне не терпится узнать, что скрывает это чудовище.

Амира медленно, с легким усилием повернула змейку-за-

стежку. Металл щелкнул неожиданно громко и резко, этот звук прозвучал в тишине комнаты подобно выстрелу, заставив нас всех вздрогнуть. Она медленно раскрыла тяжелую обложку.

Страницы книги оказались невероятно толстыми, желтоватыми, со рваными, неровными краями, словно их изготавливали вручную из кожи или грубого пергамента. Некоторые листы покрывали странные бурые пятна, пугающе похожие на следы старой, засохшей крови. Весь текст был написан от руки густыми черными чернилами, причем почерк постоянно менялся от страницы к странице: в одном месте буквы были тонкими, вытянутыми, изящными, словно их выводила рука утонченного писца, в другом — крупными, резкими, угловатыми, с сильным нажимом, будто книгу заполнял человек, находившийся в состоянии крайнего безумия или ярости. Между длинными абзацами непонятного текста то и дело встречались детальные, пугающие рисунки: изображения диковинных ядовитых растений, карты звездного неба со странными созвездиями, очертания человеческих ладоней с подробно расписанными линиями судьбы, широко распахнутые глаза без зрачков и силуэты жутких существ. На одной из страниц была изображена женщина с лицом, полностью закрытым плотной темной тканью; в ее костлявых руках была зажата длинная, тонкая нить, уходящая в бездну. На соседнем листе красовалось колоссальное дерево с уродливыми ветвями, чьи мощные корни уходили глубоко под

землю, переплетаясь там с белыми человеческими костями и черепами.

Я осторожно провела кончиком пальца над одной из страниц, не решаясь коснуться потемневших чернил.

— Амира... ты абсолютно уверена, что это книга именно для гаданий, а не сборник черной магии или проклятий?

— Тот старик с мутным глазом клялся, что да, — тихо ответила она.

— А подобные старики из трущоб, как известно, являются образцами честности и никогда в жизни не обманывают доверчивых студенток, — с сарказмом заметила Элис, хотя сама не могла отвести замороженного взгляда от жутких рисунков.

Амира медленно перевернула еще несколько тяжелых, шуршащих страниц.

— Вот, смотрите. Здесь есть совсем простые ритуалы, не требующие никаких сложных ингредиентов или заклинаний.

— Простые но это, надо полагать, без принесения в жертву невинных младенцев и девственниц? — попыталась пошутить я, но шутка прозвучала плоско и натянуто, не вызвав прежнего веселья.

— Желательно бы именно так, — испуганно пробормотала Лизи, бледнея еще сильнее.

— Вот этот подходит идеально, — Амира остановила свой палец на странице с заголовком: «Вопрос четырех свечей».

Мы все невольно склонились ниже над раскрытым фоли-

антом, вглядываясь в ровные строчки текста. Здесь почерк был на удивление четким и понятным, словно его писал наш современник.

— Читай вслух, — потребовала Элис шепотом.

Амира сделала глубокий вдох и начала читать медленно, веско, и ее голос приобрел странную, непривычную певучесть:

— «Когда четверо близких душ желают приоткрыть завесу тайны над тем, что скрыто в грядущем... пусть сядут они кругом на землю, и пусть каждому из них будет дарован свой собственный огонь. Меж ними же надлежит положить чистое зеркало или поставить чашу, наполненную темной, стоячей водой...»

— Налить воду в чашу, это гораздо проще и быстрее, чем тащить сюда тяжелое зеркало, — негромко заметила Лизи, указывая на мой туалетный столик.

Я поднялась, подошла к изящному столику и взяла оттуда глубокую фарфоровую чашу, украшенную блеклым цветочным узором.

— Такая подойдет?

— Думаю, вполне, — кивнула Амира.

Мы налили в чашу чистую холодную воду из хрустального графина, стоявшего у кровати, и аккуратно водрузили ее в самый центр нашего круга, прямо между четырьмя свечами.

Амира вновь опустила взгляд на древние строки и продолжила чтение:

— «Каждый из присутствующих должен по очереди называть свое полное имя и задать один-единственный вопрос, волнующий его душу. Помните: первый огонь всегда отвечает за чистую истину, второй — за сокровенное желание, третий — за тайный страх, а четвертый... четвертый огонь держит ответ за то, что никогда не должно быть названо вслух среди живых».

Элис с интересом посмотрела на четыре ярко горящие свечи вокруг нас:

— И какая же из них за что отвечает, интересно знать?

Амира перевернула страницу, всматриваясь в текст:

— Здесь об этом ничего не сказано. Инструкция умалчивает.

— Великолепно, просто потрясающая точность, — фыркнула Элис. — Впрочем, как и всегда в подобных сомнительных источниках.

— Выбирайте свою свечу интуитивно, по зову сердца, — предложила Амира, закрывая часть текста ладонью.

Мы распределили свечи совершенно произвольно, без лишних споров. Мне досталась та, что стояла ближе всего к мокрому от снега окну. Ее пламя горело удивительно ровно, высоко и ярко, не поддаваясь легким колебаниям воздуха.

— Ну и кто же из нас отважится стать первой жертвой магии? — робко спросила Лизи, переводя взгляд с одной подруги на другую.

— Кристин, разумеется! Кто же еще? — Элис победонос-

но указала на меня пальцем.

— И почему же опять я? — я притворно возмутилась, хотя внутри все сжималось от глухого протеста.

— Потому что ты у нас — без пяти минут замужняя дама, виновница этого торжества и наша прекрасная невеста! — заявила Элис с видом полной правоты.

— Похоже, это клеймо невесты теперь способно служить универсальным оправданием для любых ваших безумных капризов, — я вздохнула, придвигаясь ближе к фарфоровой чаше.

Элис нетерпеливо подтолкнула сосуд с водой еще ближе ко мне:

— Давай, Крис, не тяни время! Спрашивай!

Я опустила взгляд на темную водную гладь. В ней с поразительной, зеркальной четкостью отражались четыре дрожащих золотистых огонька наших свечей, окруженные непроглядной тьмой спальни.

— И о чем же мне спрашивать эту воду? — тихо поинтересовалась я, чувствуя себя невероятно глупо и неловко под их пристальными, выжидающими взглядами.

— Спроси о том, суждено ли тебе познать в этой жизни истинную, всепоглощающую любовь, — мечтательно предложила Элис.

— Нет, это слишком банально и глупо, — отмахнулась я.

— Тогда спроси о том, сколько у вас с Тристаном родится прекрасных детей, — хихикнула Лизи.

— Опять мимо. Мне до этого нет никакого дела.

— Ну тогда хотя бы поинтересуйся, насколько твой будущий супруг хорош в постели и умеет ли он... — начала было Элис со своей обычной эгоистичной беспардонностью.

— Элис! — хором прикрикнули мы на нее, и комната огласилась дружным, искренним смехом, который разом развеял скопившуюся тяжесть.

— Ну хорошо, хорошо, святоши! — Элис примирительно подняла руки вверх. — Тогда спроси у нее самую простую и очевидную вещь: выйдешь ли ты вообще когда-нибудь замуж за этого высокомерного Тристана Уитмора? Ведь до венчания осталось меньше двух суток, пути назад вроде бы нет, но вдруг...

Я мгновенно перестала смеяться. Улыбка сползла с моего лица, уступив место странному, давящему оцепенению. До свадьбы действительно оставалось меньше двух суток. Глупое, нелепое гадание. Глупая, пыльная книга из сомнительной лавки. И вопрос, который я собиралась задать — самый глупый из всех возможных. Но внутри меня, где-то в самых глубоких и темных уголках души, все еще теплилась слабая, безумная надежда на чудо, способное избавить меня от этой участи.

— Я, Кристин Беллроуз, — произнесла я негромко, чувствуя себя круглой душой, говорящей с куском фарфора. — Ответь мне, вода: суждено ли мне действительно выйти замуж за Тристана Уитмора?

Мы все четыре замерли, затаив дыхание, и устали на свечи, ожидая хоть какого-то знака. Прошло несколько долгих, томительных секунд. Ничего не произошло. Свечи продолжали гореть все так же тихо и ровно.

Элис разочарованно выдохнула воздух, откидываясь назад:

— Ну и? И это все?

— А чего ты, собственно, ожидала? Что из чаши вылетит крылатый дракон или раздастся громовой голос небес? — я попыталась вернуть беседе ироничный тон, хотя внутри испытала странное, болезненное разочарование.

— Ну хоть бы одна свечка затрещала для приличия или пламя изменило цвет! Где же обещанный перст судьбы?

— Видимо, все потусторонние духи сейчас дико заняты более важными государственными делами и им нет дела до предсвадебных переживаний одной глупой студентки, — улыбнулась я.

Амира вновь уткнулась носом в раскрытую страницу книги, внимательно изучая мелкий рукописный текст:

— Хм, странно... Здесь черным по белому написано, что вопрошающий должен неотрывно, не мигая, смотреть на пламя своей собственной свечи в момент вопроса.

Я послушно перевела взгляд на свою свечу, стоявшую у самого окна. И в этот самый миг ее пламя отчетливо дрогнуло.

Оно неестественно вытянулось вверх, сузившись до раз-

меров тонкой стальной иглы, а затем медленно, плавно наклонилось далеко влево, словно от сильного дуновения ветра, хотя в комнате царил абсолютный штиль. Свеча постояла в таком согнутом положении пару секунд, а затем так же плавно выпрямилась, возвращаясь к своему первоначальному состоянию.

— И что это, по-вашему, должно означать? — тихо спросила я, чувствуя, как по коже вновь побежали колючие мурашки.

— Понятия не имею, — Амира пожала плечами, но ее взгляд оставался предельно сосредоточенным. — В книге нет расшифровки для каждого конкретного движения пламени. Видимо, каждый должен истолковать этот знак самостоятельно, в меру своего воображения.

— Прекрасная, на редкость практичная магия, — хмыкнула Элис. — Из серии «догадайся сама».

Лизи весело рассмеялась, забирая инициативу в свои руки:

— Ладно, девочки, теперь моя очередь! Давайте я попробую, у меня вопрос гораздо более приземленный и жизненный.

Она назвала свое полное имя и дрожащим от волнения голосом спросила, суждено ли ей встретить свою настоящую любовь до наступления конца этого года. Стоило ей произнести последнее слово, как ее свеча внезапно громко затрещала, испустив целое облако мелких, ярких золотистых искр,

которые сопением рассыпались по ковру и тут же погасли.

— Ого! Это однозначно означает твердое и бесповоротное «Да»! — победоносно объявила Элис, хлопая в ладоши от восторга.

— И с какой это стати ты решила, что треск — это именно согласие, а не предупреждение об опасности? — усомнилась Лизи, хотя на ее щеках проступил яркий, счастливый румянец.

— Потому что я так решила, а мое мнение в вопросах любви — истина в последней инстанции!

Следующей гадать вызвалась сама Элис. Она, разумеется, не стала размениваться на глупые романтические бредни и сразу перешла к главному: громко спросила у воды, будет ли ее будущий законный супруг сказочно богат и сможет ли он покупать ей бриллианты каждую неделю.

Свеча Элис в ответ на этот меркантильный вопрос не сделала ровным счетом ничего. Ее пламя даже не колыхнулось, продолжая гореть с поразительным, почти презрительным равнодушием.

Мы все дружно и громко захохотали, катаясь по ковру.

— Боже, это просто неслыханное, вопиющее оскорбление моей персоны! — притворно возмутилась Элис, капризно надув губы и швыряя в нас маленькую подушку. — Я категорически требую заменить этого ленивого и глупого духа на другого, более сговорчивого и щедрого!

— Просто даже потусторонние силы считают тебя неис-

правимо меркантильной особой, Элис, — сквозь смех заметила я, уворачиваясь от подушки. — И решили проучить за гордыню.

— Да эти твои духи просто сами нищие как церковные мыши, вот и завидуют моей практичности!

Амира вызвалась гадать последней из нас. Она долго, сосредоточенно молчала, глядя на воду, словно взвешивала каждое слово в своей голове. В ее глазах не было и следа прежнего веселья — лишь глубокая, сосредоточенная дума. Наконец она подняла голову и тихо, вкрадчиво спросила:

— Суждено ли мне, Амире, когда-нибудь своими собственными глазами увидеть то место, которого нет и никогда не будет ни на одной географической карте этого мира?

Мы все мгновенно перестали смеяться. Веселье испарилось из комнаты, уступив место странному, давящему оцепенению.

— Что это еще за диковинный вопрос, Амира? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри нарастает смутная тревога. — О каком месте ты говоришь?

— Просто стало любопытно, — уклонилась она от прямого ответа, не сводя взгляда со свечи.

И в этот самый миг ее свеча резко, с тихим свистом вытянулась вверх. Ее пламя стало почти в два раза выше прежнего, превратившись в яркий, слепящий столб огня, который неестественно колебался из стороны в сторону, словно живое существо.

Лизи в испуге отшатнулась назад, едва не опрокинув чашу с водой:

— Боже... это что еще такое было? Откуда этот огонь?

— Наверное, обычный сквозняк из окна, — попыталась успокоить ее Амира, хотя ее собственный голос слегка дрогнул.

— Но окна в твоей спальне закрыты наглухо, Крис, я сама лично проверяла задвижки! — дрожащим голосом возразила Лизи.

— Ну, тогда просто бракованный фитиль или некачественный воск попался, — невозмутимо парировала Амира, поправляя книгу на коленях.

Элис восторженно придвинулась ближе к чаше, ее глаза горели лихорадочным азартом:

— Невероятно! Это просто потрясающе! Давайте еще раз, девочки! Нам нужно задать новые вопросы!

Мы продолжили наше гадание, но постепенно вопросы становились все более глупыми, шутивными и нелепыми, словно мы все сознательно пытались заглушить нарастающее внутри нас подсознательное беспокойство. Элис со смехом поинтересовалась, кто из нас первой обзаведется кучей кричащих младенцев; Лизи с трепетом спросила, удастся ли ей без проблем сдать грядущий сложный экзамен по римскому праву; Амира поинтересовалась, сможет ли она когда-нибудь уговорить своего строгого отца отпустить ее в кругосветное путешествие в одиночку. Я же, решив немного разрядить об-

становку, с улыбкой спросила у воды:

— Ответь мне, о великий дух: перестанет ли когда-нибудь моя дорогая бабушка Амелия проигрывать наше последнее состояние в карты и пить портвейн по утрам?

Стоило мне произнести имя бабушки, как моя свеча неожиданно затрещала так громко, яростно и бешено, словно в нее плеснули чистым спиртом. Она выбросила целый сноп шипящих искр, заставив нас всех с криками отпрянуть назад. Мы снова дружно рассмеялись, хотя этот смех уже звучал несколько натянуто и нервно.

— Ну вот, видишь! Даже потусторонние силы и древние духи считают это абсолютно невозможным и невероятным событием! — сквозь смех крикнула Элис, вытирая выступившие слезы. — Твоя бабушка умудрилась победить саму судьбу и переспорить предначертанное! Она непобедима!

Постепенно, слово за словом, напряжение в комнате окончательно рассеялось, уступив место привычной девичьей болтовне. Мы устроились прямо на полу вокруг чаши, передавая друг другу по кругу тонкий хрустальный бокал со сладким вином, делясь самыми сокровенными девичьими тайнами, без конца перебивая друг друга, споря о значении каждого движения пламени и придумывая все новые, еще более нелепые и каверзные вопросы. Элис в шутку предложила выяснить с помощью магии, кто из присутствующих здесь благообразных девиц является самой тайной и неисправимой развратницей в университете, за что Лизи едва не задуши-

ла ее большой перьевой подушкой под наш общий оглушительный хохот. Амира же с абсолютно серьезным и невозмутимым видом заявила, что для ответа на этот животрепещущий вопрос нам вовсе не требуется помощь потусторонних сил, ибо имя виновницы слишком очевидно и начинается на букву «Э».

Я смеялась так искренне и громко, что у меня заболели мышцы живота, а на глазах выступили слезы. Наверное, именно по этой причине из-за нашего бурного, эгоистичного веселья и шума никто из нас вовремя не заметил тот пугающий момент, когда чистая вода в фарфоровой чаше внезапно изменила свои свойства.

Первой это пугающее изменение заметила именно я. Я наклонилась вперед, собираясь взять спелую ягоду клубники с тарелки, и мой взгляд случайно упал на воду в чаше, стоявшую прямо передо мной. Вода была абсолютно, неестественно черной. Это не было обычное потемнение жидкости из-за сгустившихся в комнате сумерек или слабого освещения от четырех свечей. Вода сделалась угольно-черной, густой и совершенно непрозрачной, напоминая по своей консистенции жидкую смолу или тушь. Она больше не отражала ни потолок моей спальни, ни наши испуганные лица, ни дрожащие огоньки свечей.

Слабая улыбка мгновенно сползла с моего лица, уступив место нарастающему оцепенению, а во рту вновь стало невыносимо сухо.

— Девочки... посмотрите на воду... — тихо, с трудом сдерживая дрожь в голосе, произнесла я, указывая пальцем на фарфоровую чашу.

Элис прекратила смеяться и уставилась на воду, недоверчиво прищурившись:

— Ну и что там такое? Наверное, просто тень от подсвечника так неудачно легла на воду. Чего ты опять пугаешься?

Амира медленно придвинулась ближе к чаше, ее лицо мгновенно утратило расслабленность, став сосредоточенным и серьезным. Она протянула руку, собираясь коснуться края фарфора, но вовремя остановилась.

— Не трогай ее, Крис. И вы, девочки, не смейте прикасаться к воде.

— И почему это еще нельзя трогать? Что за глупые предрассудки? — Элис недовольно фыркнула, но руку все же убрала.

— Просто не трогайте, и все, — голос Амиры впервые за весь этот вечер прозвучал по-настоящему серьезно, властно и сухо, не терпя никаких возражений.

Лизи нервно, испуганно рассмеялась, прижимаясь плечом к Элис:

— Так, девочки, пошутили и хватит. Мне уже действительно более чем достаточно этих ваших мистических гаданий на сегодня. Давайте тушить свечи и ложиться спать, завтра ведь трудный день.

Она потянулась рукой к раскрытой книге, лежавшей на

коленях у Амиры, собираясь захлопнуть ее тяжелую обложку. И в этот самый миг плотная пергаментная страница древнего фолианта внезапно перевернулась сама собой. С тихим, сухим шелестом, словно от невидимого прикосновения, лист бумаги перелетел влево, обнажая перед нами следующее содержание.

Мы все четыре мгновенно замерли на своих местах, не смея сделать ни единого вдоха. В комнате воцарилась гробовая тишина, в которой больше никто не пытался шутить или смеяться.

Новая страница была абсолютно пустой, лишенной каких-либо рукописных строк или рисунков растений. Лишь в самом ее центре красовался тот же пугающий символ, что и на обложке книги: идеально ровный круг, выведенный густыми черными чернилами, внутри которого хаотично переплетались тонкие нити судьбы. А прямо под этим кругом шла одна-единственная короткая строчка, написанная незнакомым, дрожащим почерком.

Амира медленно склонилась ниже над страницей, практически касаясь носом пергамента:

— Здесь... здесь что-то написано на латыни или на другом древнем наречии. Чернила сильно выцвели от времени, я почти не могу разобрать буквы.

— И что же там написано? Попробуй прочесть, — шепотом попросила Элис, чье любопытство вновь взяло верх над страхом.

— Не понимаю... буквы словно плывут перед глазами...

Я тоже подалась вперед, вглядываясь в загадочные символы, силясь расшифровать хоть что-то. И в этот самый миг одна из четырех свечей, стоявшая с восточной стороны круга, внезапно погасла. Абсолютно тихо. Без малейшего треска, шипения или колыхания пламени. Ее золотистый огонек просто исчез в одно мгновение, словно его стерли ластиком с холста реальности, оставив после себя лишь тонкую струйку серого, пахнущего гарью дыма, которая лениво поднялась к потолку.

Элис судорожно, шумно выдохнула воздух сквозь плотно сжатые зубы, а затем нервно рассмеялась, пытаясь скрыть нарастающую панику:

— Ой... все нормально, девочки. Это... это я, наверное, сама случайно задула ее, когда так резко наклонилась вперед над книгой. Не пугайтесь.

— Но ты сидишь как минимум в полуметре от этой свечи, Элис, — тихо, со знанием дела возразила Лизи, и ее голос заметно дрожал от страха. — Ты физически не могла ее задуть.

— Ну и что из того? Мы ведь все наклонились вперед одновременно, создав сильное движение воздуха в комнате. Вот пламя и погасло.

Лизи уже начала медленно подниматься на ноги, ее лицо было бледным, как полотно:

— Девочки, я вас очень прошу, давайте немедленно за-

кончим этот глупый ритуал. Мне действительно страшно. В этом нет ничего веселого.

— Подожди еще секунду, Лизи, — негромко произнесла Амира, не сводя своего пристального, гипнотического взгляда с черной глади воды в чаше.

— Чего еще ждать, Амира? Чтобы у нас тут потолок на голову рухнул?

— Смотрите... там, в воде... — прошептала Амира, указывая пальцем в глубь фарфорового сосуда.

И в этот самый миг вторая свеча погасла точно так же, как и первая. Беззвучно, мгновенно, лишая нас еще одной четверти света.

На этот раз никто из нас даже не попытался пошевелиться или издать хоть какой-то звук. Комната мгновенно погрузилась в густой, угрожающий полумрак, а температура воздуха в спальне стремительно поползла вниз. Я отчетливо почувствовала, как по моей коже разливается тот самый, знакомый до боли ледяной холод.

Сначала он был очень слабым, едва заметным, но с каждой секундой он становился все более плотным, липким и пронизывающим, проникая сквозь тонкую ткань моей сорочки прямо к костям. Это был тот самый мертвенный холод из моего утреннего кошмара, который я ни с чем не могла перепутать. Веселая улыбка окончательно и навсегда исчезла с моего лица, уступив место парализующему, дикому ужасу, от которого во рту мгновенно пересохло, а сердце забилось

в безумном ритме.

— Амира... закрой эту проклятую книгу. Закрой ее немедленно, я тебя умоляю, — выдохнула я, чувствуя, как зубы начинают мелко стучать от холода.

Амира медленно подняла на меня свои темные, расширившиеся от страха глаза, и в них отразился слабый отблеск оставшегося огня:

— Я... я не могу, Кристин. Мои руки... они словно одеревенели и не слушаются меня. Я ничего не делаю, клянусь тебе.

И в этот миг третья свеча погасла. Лизи издала короткий, пронзительный вскрик ужаса, мгновенно зажав рот ладонью. Элис в панике резко отпрянула назад, далеко отодвигаясь от фарфоровой чаши и буквально вжимаясь спиной в тяжелую деревянную ножку кровати. В живых осталась только одна свеча.

Моя. Та самая, что стояла ближе всего к мокрому от снега стеклу окна. Ее пламя неестественно вытянулось вверх, превратившись в тонкую, острую, абсолютно неподвижную иглу слепящего желтого огня. Она не дрожала, не колебалась, словно была сделана из твердого цветного стекла, а не из жидкого воска.

За окном нашей спальни больше не было слышно привычного завывания ветра или сухого стука падающего снега. Весь огромный дом Беллроузов внезапно замолчал. Это не было обычное ночное затишье, к которому я привыкла.

Дом именно замолчал, словно умер в одно мгновение. Полностью исчезли все посторонние звуки: далекие, приглушенные шаги слуг на первом этаже, привычный скрип старых дубовых половиц, гудение горячей воды в трубах отопления. Даже массивные каминные часы на полке перестали тикать — маятник словно застыл в мертвой точке.

Все происходило точно так же, как в моем утреннем кошмаре, который я так самонадеянно пыталась объявить обычным сном. Я почувствовала, как липкий, холодный страх сковывает мое тело, лишая возможности сделать хоть какое-то движение. Во рту было невыносимо сухо, словно я наглоталась пепла.

— Девочки... помогите мне... — едва слышным, хриплым шепотом выдавила я из себя.

И в этот самый миг из глубин фарфоровой чаши донесся отчетливый, тихий, влажный плеск воды. Элис вскрикнула от ужаса и мертвой, судорожной хваткой вцепилась в мое предплечье своими тонкими пальцами, больно вонзая ногти в кожу.

— Крис... Господи... что это там... посмотри...

Угольно-черная, густая вода в чаше медленно дрогнула.

По ее совершенно неподвижной, зеркальной поверхности медленно разошелся один отчетливый круг ряби. Затем за ним последовал второй, более широкий. Третий. Казалось, глубоко под этой непроницаемой черной толщей воды, в какой-то невообразимой, бесконечной бездне, медленно и

неотвратимо поднималось к самой поверхности нечто колоссальное, древнее и голодное, чье присутствие мгновенно вытеснило из комнаты весь воздух, сделав его удушливым и тяжелым, пахнущим болотной тиной, мокрой гнилой землей и резким, бьющим в нос грозovým озоном.

Амира, собрав остатки своей воли в кулак, с глухим, животным рыком яростно захлопнула тяжелую кожаную обложку книги. И в ту же секунду последняя свеча погасла. Разом. Словно ее накрыло тяжелым железным колпаком. И вся комната мгновенно утонула в абсолютной, непроглядной и ледящей душу темноте, в которой мы могли слышать лишь судорожное, прерывистое дыхание друг друга и далекий, призрачный гул бурлящей воды, нарастающий где-то прямо под половицами нашей спальни.

Глава 5.

Я не почувствовала падения. Не произошло ни резкого, ломающего суставы удара о жесткий ворсистый ковер, ни тупой вспышки боли в коленях, ни испуганного, сдавленного вскрика Элис, ни судорожного, спасительного движения ее рук, пытавшихся удержать меня от провала в небытие. Буквально за секунду до этого я сидела на полу собственной спальни, отчетливо ощущая, как ледяные пальцы подружки до синяков, до ноющей боли впиваются в мое онемевшее предплечье, видела единственную уцелевшую свечу, чье пламя вытянулось в неподвижную, мертвую золотую иглу, и слышала тот самый далекий, утробный, невозможный гул черной воды, ворочающейся где-то глубоко под гниющими половицами старого дома, а в следующее мгновение вся привычная реальность просто испарилась.

Дом, замкнутые стены комнаты, испуганные девичьи лица, фарфоровая чаша с ее темной зыбью, древняя книга в кожаном переплете — все это беззвучно и стремительно провалилось куда-то вниз, словно подкошенное невидимым топором, оставив меня в полном одиночестве посреди неизмеримого пространства, которое не принадлежало ни кошмарному сновидению, ни бодрствующему разуму. Под моими босыми ступнями расстилалась идеально гладкая, глянцево-черная поверхность, напоминающая застывшую воду

или полированный обсидиан, однако я не погружалась в нее ни на дюйм и не чувствовала привычной влаги. Над моей головой не было ни потолка, ни усыпанного звездами неба, ни облаков — лишь бесконечный, густой, осязаемый сумрак, в котором взгляд вязнул, неспособный определить расстояние до несуществующих стен. Я сделала осторожный, судорожный вдох, панически ожидая ощутить удушливую вонь болотной тины, гниющей древесины и мокрой земли, но внезапно замерла, пораженная переменой. Здесь пахло совершенно иначе. В легкие хлынул сухой, наэлектризованный воздух, какой бывает лишь на самой вершине скалы сразу после разрушительной грозы, смешанный с запахом раскаленного на солнце дикого камня и чем-то терпким, мускусно-пряным, незнакомым и древним, от чего мое измученное тело вопреки воле захотело дышать глубже и чаще. И мне больше не было холодно.

Осознание этого избавительного тепла пришло не сразу, а медленно, сквозь плотную пелену шока. После последних бесконечных часов, когда проклятый, липкий могильный холод преследовал меня буквально по пятам, пробираясь сквозь плотные шелковые складки одежды, забираясь под самую кожу ледяными иглами и оседая тяжелой, ноющей известью в костях, полное отсутствие этого мучительного оцепенения казалось настолько неестественным, что я сначала даже не поняла, что именно изменилось в моем физическом состоянии. Здесь было тепло. Сначала это ощущение

коснулось меня едва заметно, мягко, словно я переступила порог комнаты, где только что жарко растопили камин, но с каждой секундой этот невидимый жар становился все сильнее и настойчивее. Тягучая, ласкающая волна обволокла мои босые ступни, медленно поднялась по лодыжкам к икрам, скользнула выше, заставляя напряженные, сведенные судорогой страха мышцы расслабляться вопреки всякому здравому смыслу. Я шумно сглотнула скопившуюся слюну, чувствуя, как пересохшее горло саднит, и машинально прижала дрожащую ладонь к низу живота, тщетно пытаясь осознать, почему это внезапное тепло не приносит мне желанного успокоения, а, напротив, заставляет испуганное сердце колотиться о ребра с утроенной силой. Оно было странным, пугающе интимным, почти порочным. Оно не согревало меня снаружи, как согревает солнечный луч или шерстяной плед, — оно словно рождалось в самых глубоких, потаенных недрах моего собственного тела, заставляя кровь закипать в жилах густым, тяжелым свинцом.

И тогда в этой непроглядной мгле я увидела его.

Он стоял довольно далеко впереди, его высокий силуэт почти полностью растворялся в клубящемся сумраке. Тот самый мужчина из моего утреннего бреда, чей образ преследовал меня у застывшего пруда. Я узнала его не по чертам лица — лица я по-прежнему не могла различить, как бы ни напрягала зрение. Стоило мне попытаться сфокусировать взгляд на его облике, как все пространство между нами начинало

мелко дрожать, вибрировать и расплываться, словно я смотрела на него сквозь плотную завесу раскаленного, поднимающегося от костра воздуха. Я могла разобрать лишь его внушительный рост, невероятно широкие плечи, скрытые тяжелыми складками длинного темного плаща с глубоким, нависающим над лицом капюшоном, и отдельные пряди волос, которые выбивались из-под грубой ткани. Их цвет ускользал от определения, дразня и путая: то они казались угольно-черными, поглощающими свет, то вдруг вспыхивали изнутри густым, багрово-медным пламенем, похожим на отсветы тлеющих углей. Он не делал ни единого движения. Он просто молча стоял посреди этой пустоты и смотрел на меня, и именно эта невозможность встретиться с ним глазами, заглянуть под капюшон пугала меня сильнее любого физического чудовища.

— Ты... — Мой шепот прозвучал жалко, растворившись в бархатной тишине пространства.

Мужчина не ответил, лишь слегка повел плечом, и от этого едва заметного жеста невидимое тепло вокруг меня мгновенно усилилось, превращаясь в плотное, удушающее марево. Я судорожно, со свистом втянула воздух сквозь стиснутые зубы и вдруг с ужасом почувствовала, как это тепло начинает стремительно меняться, трансформируясь во что-то совершенно иное, глубоко чуждое моему прежнему девичьему опыту и оттого кажущееся смертельно опасным. Пульс взлетел до предела, кровь с глухим шумом ударила

в виски, отзываясь тупой болью за глазами. По коже прошла волна острой, покалывающей горячей дрожи, но теперь эта дрожь не имела ничего общего с парализующим ужасом перед смертью. Это было дикое, первобытное томление, заставившее мои колени судорожно свестись вместе. Я растерянно округлила глаза от этого внезапного, болезненно-сладкого напряжения, лавиной покотившегося по телу. Тонкая батистовая ткань вдруг показалась невероятно грубой, царапающей; соски мгновенно затвердели, став болезненно чувствительными к малейшему движению воздуха, дыхание окончательно сбилось, сделавшись прерывистым, глубоким и свистящим, а в самом низу живота, глубоко между бедрами, возникла тяжелая, томительная, пульсирующая влажная судорога. Этот внезапный прилив темного возбуждения заставил меня замереть на месте от жгучего стыда, смешанного с полным непониманием происходящего.

— Что... что со мной происходит?.. — Мой выдох сорвался на испуганный хрип, изо рта вырвалось облачко пара, хотя вокруг было жарко.

Моя правая рука сама собой, словно повинувшись чужой, непреклонной воле, медленно поднялась к груди. Я осознала это движение только тогда, когда онемевшие пальцы уже легли поверх тонкого, почти прозрачного батиста, прикрывающего вздымающуюся плоть. Моя ладонь чуть сжалась — совершенно машинально, инстинктивно, словно тело окончательно отделилось от парализованного ужасом рассудка

и зажило своей собственной, порочной жизнью. Неожиданная, концентрированная волна острого, обжигающего удовольствия пронзила меня от кончиков пальцев до самого паха, заставив спину выгнуться, а из горла вырвался тихий, протяжный, откровенный стон, который эхом разнесся по безмолвному залу.

Этот звук показался мне настолько грязным, настолько бесстыдным, что я в панике распахнула глаза, тяжело хватая ртом воздух. Несколько секунд я просто в полном оцепенении смотрела на собственную руку, чьи пальцы продолжали судорожно сжимать чувствительную грудь сквозь ткань сорочки, сминая ее. Какая-то часть меня, эгоистичная и жаждущая, требовала продолжить это безумие, погрузиться в этот обжигающий омут с головой.

— Боже... нет, пресвятая дева... — Я со слезами на глазах резко отдернула руку, словно прикоснулась к раскаленному докрасна железу, и с силой прижала ее к пылающему животу. Щеки горели невыносимым, удушливым румянцем, даже кончики ушей пульсировали от прилившего жара. Никогда прежде мое собственное тело не предавало меня таким изощренным, бесстыдным образом. Я никогда не испытывала ничего подобного — по крайней мере, с такой сокрушительной силой, чтобы от одного легкого, случайного прикосновения собственные ноги становились ватными и ненадежными, а все разумные мысли рассыпались в прах.

Мужчина медленно двинулся в мою сторону. Первый его

шаг не произвел ни единого звука в этой мертвой тишине, однако обсидиановая поверхность под моими ногами едва заметно вздрогнула, пустив по невидимому зеркалу мелкую паутину кругов. Я мгновенно забыла о собственном смущении, чувствуя, как липкий страх вновь борется внутри меня с порочным вожделением.

— Нет! Не смей! — Мой выкрик прозвучал испуганно и зло.

Но он продолжал идти, не прибавляя и не замедляя шага. С каждым его приближением расстояние между нами неумолимо сокращалось, а вместе с этим стремительно нарастало это пугающее, гипнотическое воздействие. Жар в моих венах превратился в настоящий пожар, дыхание становилось все более прерывистым, свистящим. Я понимала всем своим существом, что должна немедленно развернуться, бежать без оглядки, кричать, звать на помощь, требовать ответов, но мое предательское тело отвечало на его шаги совершенно иначе. Внутри, в самых сокровенных глубинах моего естества, разрасталось почти мучительное, животное желание сделать шаг навстречу, прижаться к его широкой груди, почувствовать его дыхание на своей шее, хотя цивилизованный разум в ужасе и омерзении сопротивлялся этому зову.

Я выставила вперед дрожащую, влажную от пота руку, словно пытаюсь отгородиться от него невидимой стеной.

— Не подходи... умоляю... — Он проигнорировал мою мольбу, сделав еще один шаг. — Ты слышишь меня, чу-

довище?! — Мой голос сорвался на визг, и от осознания собственной жалкой слабости меня охватил приступ дикого, вспыльчивого гнева. Я задыхалась от ярости, мои пальцы сжались в кулаки с такой силой, что ногти вонзились в ладони. — Я сказала — стой! Не смей приближаться ко мне!

Мужчина сделал последний, решающий шаг. Он оказался настолько близко, что я физически ощутила исходящее от его мощной фигуры тяжелое, живое тепло. Это не был сухой жар растопленного камина и не удушливый, застоявшийся воздух летнего полдня. Это было настоящее, магнетическое, пульсирующее тепло сильного мужского тела, пахнущее озоном, грозой и диким мускусом. Я попыталась попятиться, но мои ноги окончательно отказались повиноваться, превратившись в мягкий воск, и я не успела сделать и шага назад. Его тяжелая, горячая рука мгновенно и собственнически обхватила мою талию, притягивая меня к себе.

Из моей груди вырвался короткий, задушенный вскрик. Ноги действительно стали совершенно ватными, колени предательски подогнулись, и, если бы его сильные пальцы не удерживали меня за поясницу с жесткой, бесцеремонной уверенностью, я бы неминуемо рухнула прямо на эту черную обсидиановую поверхность к его ногам. Сквозь тончайший батист Ткани его ладонь ощущалась обжигающим клеймом, от которого по всему телу побежали колючие искры. Я судорожно, в полной растерянности вцепилась своими тонкими пальцами в грубую, темную ткань его рукава, силясь удер-

жать равновесие, и опустила затуманенный взгляд вниз, туда, где его длинные пальцы крепко сжимали мою талию. Это была не призрачная иллюзия, не мимолетный сон — это была абсолютно реальная, тяжелая, неоспоримая мужская хватка, от которой у меня перехватило горло.

— Отпусти меня... пожалуйста... — прошептала я, опуская голову.

Но даже моему собственному, затуманенному страстью слуху было очевидно, насколько жалко, неубедительно и фальшиво прозвучала эта дежурная мольба. Я всем сердцем, всей душой ненавидела собственное тело за эту позорную, мгновенную капитуляцию перед неведомым врагом. Я ненавидела этого безмолвного мужчину за то, что в его присутствии со мной происходило нечто настолько грязное и одновременно прекрасное, чего я не могла ни контролировать, ни объяснить логически. И больше всего, до самого леденящего ужаса, меня пугало внезапное открытие: какая-то темная, эгоистичная часть моей души вовсе не желала, чтобы он убирал эту горячую ладонь с моего бедра. Напротив, мне хотелось, чтобы он сжал меня еще сильнее, до боли, до хруста в ребрах, избавив от необходимости думать.

Я заставила себя сделать над собой нечеловеческое усилие и поднять голову, чтобы заглянуть под капюшон. Лицо незнакомца по-прежнему оставалось скрыто плотной, колеблющейся мглой. Теперь между нашими губами оставалось буквально несколько дюймов, я чувствовала его частое, го-

рячее дыхание на своем лице, пахнувшее сухой гарью и грозой, но проклятый морок все равно не позволял рассмотреть его черты. Я могла различить лишь волевою линию чисто выбритого подбородка, чувственные, плотно сжатые губы, тень высоких скул — и абсолютно ничего больше. Все, что находилось выше его рта, словно стиралось, растворялось в серой дымке прямо на моих глазах, не позволяя заглянуть в его глаза.

— Кто ты такой?.. Зачем ты мучаешь меня?.. — выдохнула я, чувствуя, как слезы бессилия катятся по моим пылающим щекам.

Он слегка, почти неуловимо наклонил голову, словно прислушиваясь к биению моего испуганного сердца, а затем его свободная левая рука, обтянутая тонкой темной кожей перчатки, медленно потянулась вверх, к краю капюшона. Мое сердце совершило такой мощный, болезненный удар о ребра, что эта вспышка отозвалась резким спазмом в самом горле, лишая возможности дышать.

— Нет... не надо... — взмолилась я, зажмуривая глаза.

Его пальцы уверенно сомкнулись на плотной ткани. Я почему-то с абсолютной, граничащей с безумием уверенностью поняла: прямо сейчас, через секунду, я увижу его истинное лицо, и это знание навсегда разрушит мою прежнюю, спокойную жизнь. Эта уверенность оказалась страшнее всего, что происходило со мной прежде. Я судорожно зажмурилась, изо всех сил вжимаясь лицом в его грудь, и одновременно

менно почувствовала, как его рука на моей талии сжалась еще крепче, бесцеремонно прижимая мое податливое, горячее тело к своим бедрам. А в следующий миг меня кто-то с силой, до боли в суставах, тряхнул за плечи.

— Кристин! Да очнись же ты, ради всего святого!

Я рывком распахнула глаза, судорожно, со свистом втягивая холодный воздух в пересохшие легкие. Передо мной, залитое тусклым светом свечей, плыло бледное, перепутанное лицо Лизи, чьи глаза были расширены от неподдельного ужаса. Я резко, всем телом отшатнулась назад, едва не ударившись затылком о жесткий деревянный край кровати, за которой сидела. Моя спальня медленно вращалась перед глазами в безумном хороводе: высокий потолок с лепниной, темные обои, знакомые тяжелые шторы на окнах, туалетный столик с мутным зеркалом — все это казалось чужим, зыбким и ненастоящим. Сердце продолжало бешено, неровно колотиться в груди, отдаваясь глухими ударами в ушах, а тело все еще хранило фантомное, обжигающее тепло чужих рук.

— Не трогайте меня! Отвалите! — вскрикнула я, дико озираясь вокруг и пытаясь отползти глубже на ковер.

Лизи испуганно отшатнулась, мгновенно отдернув свои дрожащие руки и прижимая их к груди, словно защищаясь от моего безумия.

— Хорошо, Крис! Хорошо, тише... я не трогаю тебя, успокойся!

— Кристин, ты слышишь нас? Ты понимаешь, где нахо-

дишься? — Элис сидела рядом со мной на коленях, ее обычно румяное, веселое личико сейчас казалось абсолютно белым, лишенным красок, а холеные пальцы нервно сминали складки ее дорогого платья. — Господи, посмотри на меня! Это я, Элис! Посмотри мне в глаза!

Я медленно, с трудом сфокусировала взгляд на ее лице, переводя дыхание, а затем посмотрела чуть в сторону, где стояла Амира. Последняя застыла у самого окна, ее фигура казалась темным силуэтом на фоне заснеженного стекла; она мертвой хваткой прижимала к своей груди закрытую древнюю книгу, и в ее обычно спокойном, непроницаемом взгляде сейчас читалось нечто похожее на глубокое, затаенное смятение.

Свечи горели. Все четыре. Я замерла на месте, чувствуя, как остатки разума окончательно покидают меня. Мой безумный, панический взгляд лихорадочно метнулся от первой свечи ко второй, затем к третьей и, наконец, остановился на той, что стояла ближе всего ко мне. Четыре ровных, ярких золотистых огонька спокойно и неподвижно покачивались над обгоревшими фитилями, отбрасывая длинные тени на стены комнаты. В спальне было тепло и тихо — той тяжелой, ватной тишиной, в которой отчетливо слышно лишь наше прерывистое дыхание.

— Но ведь они... они же все погасли... — Мой голос сорвался на хриплый шепот, во рту было сухо, словно я наглоталась пепла.

— Что ты такое говоришь, Крис? — Элис нахмурилась, ее брови сошлись у переноски, а в интонациях проступило раздражение, за которым она пыталась скрыть свой собственный, липкий страх. — Ничего не гасло. Мы сидели, обсуждали очередную глупость, как вдруг ты...

— Свечи! — перебила я ее, срываясь на крик и чувствуя, как по спине струится холодный пот. — Они погасли! Одна за другой! Сначала та, что у двери, потом у зеркала... Вы что, издеваетесь надо мной?! В комнате стало темно, вода в чаше почернела, а книга... книга сама перевернула страницы!

Подруги испуганно переглянулись. В этой безмолвной паузе между ними повисло такое тяжелое, осязаемое напряжение, что воздух казался физически плотным.

— Кристин, — очень тихо, ровно и осторожно произнесла Амира, делая медленный шаг вперед от окна. Ее голос звучал неестественно спокойно, словно она разговаривала с тяжелобольной или безумной. — Ни одна из этих четырех свечей не гасла ни на секунду. И вода в чаше оставалась прежней.

Я уставилась на нее, чувствуя, как внутри все леденеет от этого тихого, уверенного тона.

— Что?.. Но я же... я же видела...

— Ты внезапно замолчала на полуслове, Крис, — принялась торопливо объяснять Лизи, ее голос дрожал от сдерживаемых слез, а пальцы продолжали теревить край шали. — Твое лицо за секунду стало белым, как мел, глаза остеклене-

ли, и ты просто... просто обмякла и повалилась набок, прямо на ковер. Мы с Элис едва успели перехватить тебя и отодвинуть в сторону эту фарфоровую чашу, чтобы ты не ударилась лицом о ее острый край и не залила все водой. Ты лежала без сознания почти пять минут, Кристин! Твои зубы были стиснуты, а тело колотилось в мелкой дрожи, словно в лихорадке!

— Нет... нет, этого не может быть... — Я упрямо покачала головой, отказываясь принимать их реальность. — Вода... она точно была черной, как деготь. И под ней... под ней двигалось что-то огромное, я видела круги... и книга... — Мой дикий взгляд заметался по комнате и наконец отыскал маленькую фарфоровую чашу, которую девочки оставили на дальний край низкого столика. — Дайте мне ее... Быстро! Дайте чашу! — потребовала я, пытаюсь приподняться на локтях.

— Крис, успокойся, ради бога, — попыталась остановить меня Элис, протягивая руку, чтобы удержать за плечо, но я яростно сбросила ее ладонь.

— Не трогай меня! Дайте мне чертову воду!

Элис поспешно, испуганно вздрогнув от моей вспыльчивости, потянулась к туалетному столику, схватила стеклянную кружку, налила туда остатки чистой воды из графина и дрожащими руками протянула ее мне. Я мертвой хваткой вцепилась в стекло обеими ладонями, сразу заметив, насколько сильно, позорно дрожат мои пальцы — вода в круж-

ке ходила ходуном, расплескиваясь через края. Несколько крупных, ледяных капель упали на мои обнаженные колени сквозь прореху в домашнем платье, заставив меня вздрогнуть от этого резкого физического ощущения, но я не обратила на это внимания. Вода была чистой. Абсолютно, кристально прозрачной. Я поднесла кружку к самым глазам, тяжело дыша. На ее безупречной поверхности отражался лишь теплый, дрожащий золотистый огонек ближайшей свечи. Никакой черной жижи. Никакого бездонного омута. Никаких следов того древнего, кошмарного присутствия.

— Видишь? — мягко, с надрывом проговорила Лизи, осторожно присаживаясь рядом со мной на край ковра и заглядывая мне в лицо со смесью жалости и тревоги. — Все хорошо, Крис. Вода совершенно обычная. Ты просто переутомилась. Все эти предсвадебные хлопоты, разговоры о Тристане... Твоя нервная система просто не выдержала напряжения.

Я сделала один большой, судорожный глоток. Ледяная вода мгновенно обожгла мое воспаленное, пересохшее горло, принеся секундное облегчение, и только в этот момент я в полной мере осознала, насколько мучительно, невыносимо хотела пить — губы пересохли до крови, а язык словно прилип к нёбу.

— Да... наверное... — пробормотала я, возвращая пустую кружку Элис и бессильно прислоняясь спиной к деревянной ножке кровати. — Я просто... очень сильно испугалась. Уви-

дела, как пламя свечи странно дрогнуло от сквозняка, перед глазами вспыхнули картины из того дурацкого сна... голова закружилась, и я, должно быть, просто потеряла сознание от паники. Простите меня, девочки. Я испортила вам весь вечер.

— «Просто испугалась»?! — Элис издала нервный, истерический смешок, резко поднимаясь на ноги и принимаясь мерить комнату шагами, отчего полы ее платья шумно шуршали по паркету. — Кристин, ты лежала без чувств, как труп! Твоя кожа была ледяной, а дыхания почти не было слышно! Я уже всерьез собиралась бежать вниз, поднимать на ноги всех слуг и звать твою мать с доктором! Мы перепугались до смерти!

— Не надо звать маму, — пресекла я ее попытку резким, холодным тоном. — Меньше всего мне сейчас нужны ее причитания и расспросы. Все уже прошло. Я в полном порядке.

— Крис, даже не спорь со мной! — Элис остановилась посреди комнаты, сердито уставившись на меня и уперев руки в бока. — Если тебе ночью снова станет плохо...

— Не станет! — отрезала я, чувствуя, как внутри вновь закипает глухой, эгоистичный гнев на их назойливую заботу. Мне хотелось, чтобы они все как можно скорее ушли и оставили меня одну. — Я чувствую себя превосходно. Это был обычный обморок.

— И откуда у тебя такая уверенность, позволь узнать? — Элис недовольно поджала губы, в ее глазах блеснуло раздра-

жение на мою упрямую сухость.

— Потому что я больше никогда в своей жизни не прикоснусь к этим проклятым гаданиям и древним книгам, — тихо, но с железной непреклонностью произнесла я, выразительно посмотрев на Амиру. — И вам советую сделать то же самое, если вам дороги ваши собственные жизни.

На этот раз никто из нас не улыбнулся и не попытался перевести все в шутку. Веселье окончательно испарилось из спальни, оставив после себя лишь липкий, гнетущий осадок невысказанного страха. Амира молча, без единого слова подошла к своему столу, аккуратно убрала массивную кожаную книгу обратно в свою глубокую сумку и затянула тяжелый ремень застежки гораздо туже и яростнее, чем делала это обычно. На ее красивом, бледном лице не отразилось ни единой эмоции, но ее пальцы заметно подрагивали, когда она завязывала узлы на ремне. После этого наш несостоявшийся девичник закончился сам собой, быстро и бесславно. Ни у кого больше не возникало желания пить дешевое вино, обмениваться колкостями, смеяться над глупыми шутками Элис или задавать легкомысленные вопросы невидимой судьбе. Мы в полном, угнетающем молчании быстро привели раскиданные вещи в порядок: Лизи собрала со стола тарелки с недоеденными сладостями и увядшими фруктами, Элис задула оставшиеся три свечи, оставив гореть лишь одну лампу, и мы все старательно избегали бросать взгляды на злополучную фарфоровую чашу, словно она могла вновь ожить

и превратиться в бездонный черный омут, стоило лишь кому-то из нас ослабить бдительность.

Спустя томительные полчаса я уже провожала своих притихших подруг вниз, к широкой входной двери особняка. Когда слуга с тихим скрипом распахнул тяжелую дубовую створку, в теплый, пахнущий воском и пряностями холл мгновенно ворвался яростный, ледяной порыв ночного ветра, принеся с собой целые пригоршни колючего, сухого снега. Я невольно поежилась от этого резкого контраста температур, плотнее запахивая на груди мягкие складки своей домашней кашемировой шали, стараясь унять внутреннюю дрожь.

Элис первой шагнула ко мне и неожиданно крепко, серьезно обняла меня за шею, утыкаясь носом в мое плечо. Ее духи, пахнущие сладким жасмином и ванилью, сейчас казались мне удушливо-резкими.

— Пожалуйста, Крис, постарайся сегодня выспаться как следует, — тихо, без намека на былую ветреность прошептала она мне на ухо. — И забудь всю эту чертовщину. Никаких древних книг, никаких зеркал. Обещай мне.

— Особенно тех книг, которые приносит наша дорогая Амира, — попыталась я пошутить, но мой голос прозвучал тускло и безжизненно.

— Вот сейчас мне было действительно обидно, — сухо и ровно заметила Амира, стоявшая на пороге и сосредоточенно застегивая перламутровые пуговицы своего тяжелого до-

рожного пальто. Ее темный взгляд на мгновение задержался на моем лице, и мне показалось, что в его глубине промелькнуло странное, предупреждающее выражение, но она тут же отвела глаза.

Лизи подошла последней, бережно коснувшись своими теплыми губами моей холодной щеки.

— И... постарайся хоть немного насладиться этими последними часами своей свободы, Крис. Завтра утром в этом доме начнется настоящее предсвадебное безумие, приедут модистки, родственники... Тебе понадобятся все твои силы.

— Спасибо, Лизи, — я горько усмехнулась, чувствуя, как к горлу вновь подступает знакомый комок удушья. — Это именно то воодушевляющее напутствие, которое мне было жизненно необходимо услышать перед сном.

Элис уже спустилась на пару ступеней по заснеженному крыльцу, но вдруг резко обернулась ко мне, поднимая вверх указательный палец в своей излюбленной манере, а ветер трепал ее светлые локоны, выбившиеся из-под теплого капора.

— И помни, Кристин Беллроуз: если в самый последний момент перед алтарем ты все-таки наберешься смелости и решишь сбежать из-под венца — просто пришли мне короткую записку с посыльным! Я хочу как минимум знать, куда именно мне нужно доставлять ящики с контрабандным шампанским для празднования твоего освобождения!

Я невольно, искренне рассмеялась этой ее неистребимой,

эгоистичной жизнерадостности, чувствуя, как на мгновение отпускает тиски в груди.

— Убирайтесь уже, сумасшедшие, — тепло крикнула я им вслед, делая шаг назад в тепло холла. — Простудитесь же на таком ветру!

Они дружно помахали мне руками и мгновенно растворились в густой, белой пелене яростного ночного снегопада, оглашая тихую улицу своим затихающим смехом. Слуга с тяжелым стуком захлопнул дубовую дверь, задвинул массивный железный засов, и в доме вновь воцарилась глубокая, мертвая тишина. Но теперь эта тишина больше не казалась мне уютным, безопасным убежищем от внешних невзгод. Она была хищной, выжидающей, затаившейся в углах, подобно дикому зверю перед броском.

Я медленно, словно столетняя старуха, потащилась обратно вверх по широкой лестнице, тяжело придерживаясь одной рукой за холодные полированные перила. Мое тело до сих пор казалось неестественно тяжелым, неповоротливым, словно налитым свинцом, а в воспаленной памяти с пугающей, детальной точностью продолжало жить томительное, обжигающее тепло чужой мужской ладони, собственнически сжимавшей мою талию сквозь тонкий батист. Я изо всех сил пыталась яростно отмахнуться от этих постыдных воспоминаний, убеждая себя, что это был лишь глупый физиологический спазм во время обморока, но мои щеки вновь предательски и жарко нагрелись, выдавая мое внутреннее смяте-

ние.

На середине длинного, погруженного в полумрак коридора второго этажа из тени дверей мне навстречу неожиданно бесшумно выступила Оливия.

Она медленно шла мне наперерез, облаченная в свой дорогой шелковый ночной халат жемчужного цвета, небрежно распустив свои длинные светлые волосы по плечам. При виде меня ее красивое, но злое лицо не выразило ни единой эмоции; она даже не замедлила своего плавного шага, глядя сквозь меня, словно на пустое место. Между нами не произошло ни дежурного вечернего приветствия, ни очередной язвительной, пропитанной ядом реплики, к которым я уже давно успела привыкнуть.

Когда мы поравнялись в узком проходе между тяжелыми комодами, она резко, намеренно и с силой толкнула меня своим плечом в мое левое плечо. Я не ожидала этого глупого выпада, покачнулась от неожиданного удара и едва успела ухватиться рукой за холодную деревянную панель стены, чтобы не потерять равновесие и не упасть на паркет. Оливия же продолжила свой путь дальше, даже не обернувшись, двигаясь со спокойной, величественной грацией хищника, уверенного в своей полной безнаказанности в этих стенах.

Несколько долгих секунд я смотрела ей вслед, тяжело дыша от вспыхнувшего в груди яростного раздражения. Во рту снова стало сухо от гнева.

— Очень зрелое и благородное поведение для будущей

леди, Оливия, — негромко, с ледяным презрением бросила я ей в спину.

Она даже ухом не повела, продолжая удаляться по темному коридору, пока складки ее жемчужного халата не скрылись за поворотом лестницы. Я лишь зло сплюнула сквозь зубы, покачала головой, проклиная ее эгоизм, и зашагала дальше к своей спальне. Однако стоило моим дрожащим пальцам коснуться холодной латунной ручки собственной двери, как вся моя напускная уверенность и злость мгновенно испарились, уступив место паническому страху.

Перед глазами вновь с пугающей, неотвратимой силой возникла та колоссальная темная фигура посреди черной бездны. Горячая рука, безжалостно сжимающая мою талию. Невыносимый, сладкий жар, разливающийся по венам. И длинные пальцы в черной коже, медленно, дюйм за дюймом стягивающие капюшон назад, чтобы явить мне свое лицо.

Я быстро вошла в комнату, захлопнула тяжелую дверь и с силой повернула ключ в замочной скважине три раза, до упора, словно этот хлипкий металлический засов мог спасти меня от того, что уже прочно поселилось внутри моего собственного разума. Но впервые за всю мою сознательную жизнь в этом доме мне показалось, что запереть дверь спальни изнутри — вовсе не означает остаться в безопасности и в полном одиночестве. Из темных углов комнаты на меня по-прежнему веяло едва различимым, сухим запахом грозового озона и далекой, горькой гари.

Я медленно подошла к тяжелому фарфоровому умывальнику, стоявшему в углу спальни, и плеснула в лицо ледяной водой из кувшина, надеясь смыть липкие остатки пережитого кошмара и туманного обморока. Холодные струи заставили меня судорожно вздохнуть, но призрачное ощущение горячей ладони на талии, казалось, въелось глубоко под кожу, и даже жесткое льняное полотенце, которым я с силой терла щеки и шею, не могло избавить меня от этого фантомного присутствия. Я посмотрела на свое отражение в зеркале: бледное лицо с заострившимися скулами, лихорадочно блестящие глаза и припухшие, покусанные губы выдавали крайнюю степень нервного истощения. Откинув влажные пряди волос назад, я подошла к постели, стараясь не смотреть на злополучную чашу с водой, и забралась под тяжелое пуховое одеяло, которое теперь казалось мне единственной надежной защитой во всем этом опустевшем доме.

Взгляд мой невольно упал на каминные часы из черного мрамора: их тонкие золоченые стрелки показывали ровно десять часов вечера, а мерный, глухой стук маятника казался сейчас неестественно тонким, почти испуганным, словно механизм работал на пределе своих скромных сил. Я отвернулась от циферблата к высокому окну, спасаясь от монотонного тиканья, и уставилась на бледный диск луны, которая ярко светила сквозь очистившееся от туч ночное небо, заливая комнату холодным серебристым сиянием. Буря утихла так же внезапно, как и началась, оставив после себя лишь

хрустальную ясность морозной ночи и тяжелые сугробы в саду. Прямо перед моим окном рос старый, искривленный дуб, чьи узловатые черные ветви казались в лунном свете костлявыми руками неведомого исполина. С одной из этих ветвей медленно, с едва слышным шуршанием сполз тяжелый пласт застывшего, подтаявшего снизу снега и с глухим беззвучным плеском канул в темноту под окном, обнажив угольно-черную кору дерева.

Эта простая, естественная картина природы почему-то принесла мне мимолетное успокоение; я глубоко вздохнула, чувствуя, как веки наливаются свинцовой тяжестью, закрыла глаза и почти мгновенно погрузилась в глубокий, беспмятный сон без сновидений.

Сколько времени продолжалось это благословенное забытие, определить было невозможно, но я проснулась рывком, словно от сильного толчка в грудь, хотя в комнате не раздалось ни единого звука. Мое тело мгновенно покрылось холодной испариной, а во рту стало так сухо, будто я долго бежала по пыльной дороге; сердце заколотилось где-то у самого горла, мешая дышать. Я лежала абсолютно неподвижно, боясь пошевелить даже пальцем, потому что сквозь ватную тишину ночи отчетливо почувствовала: в моей спальне кто-то есть. Невидимое присутствие ощущалось физически — как слабое изменение давления воздуха, как едва уловимый, чужой ритм чужого дыхания где-то в полумраке у двери. *«Этого не может быть, — лихорадочно стучало в моей голове,*

пока я судорожно сжимала кулаки под одеялом. — Я сама заперла дверь на ключ. Ключ остался в замке, я помню этот отчетливый щелчок железа. Никто не мог войти снаружи, не подняв шума». Однако первобытный, животный инстинкт самосохранения, дремавший глубоко внутри, кричал об обратном: я была в этой комнате не одна.

Преодолевая парализующий страх, который сковал мои конечности тяжелым свинцом, я медленно приподнялась на локтях в постели и испуганно оглядела спальню. В комнате царила непроглядная тьма, нарушаемая лишь тусклыми, мертвенно-серыми полосами лунного света, пробивающимися сквозь приоткрытые шторы; значит, ночь все еще продолжалась, или до рассвета оставались долгие часы. Я вглядывалась в очертания мебели — кресло, шкаф, столик, все они казались неподвижными тенями, но тишина вокруг была неправильной, зловещей и ватной. Из нее полностью исчезли привычные звуки старого особняка: не скрипели половицы от сквозняка, не вздыхал ветер в дымоходе, даже каминные часы словно задохнулись, перестав отсчитывать секунды. Я медленно легла обратно на подушки, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный спазм паники, и натянула одеяло до самого подбородка, зажмурил глаза в глупой надежде, что это лишь очередное продолжение моего воспаленного кошмара.

И в этот самый момент, когда мои ресницы сомкнулись, из глубины комнаты донесся тихий, отчетливый звук. *Тук.*

Тук.

Это был сухой, короткий стук, словно кто-то легонько ударил костяшками пальцев по твердой поверхности. Я резко, словно от удара током, взвилась на постели, сбрасывая одеяло, и мои босые ноги коснулись холодного пола, отчего по телу пробежала волна крупной дрожи. Не помня себя от ужаса, я бросилась к окну, надеясь увидеть там источник этого звука, и с силой прижалась лбом к ледяному стеклу, всматриваясь в серебристую пустоту зимнего сада. Но под окном не было никого — лишь девственно-чистый, нетронутый снег и неподвижные тени деревьев, застывшие под яркой луной. Я медленно повернулась спиной к окну, тяжело и прерывисто дыша, мои глаза лихорадочно бегали по темным углам спальни, выискивая затаившегося врага, пока руки судорожно сжимали влажную ткань ночной сорочки на груди.

И тут стук повторился. *Тук. Тук. Тук.*

На этот раз звук исходил не снаружи, а из самого центра комнаты, от туалетного столика, и его источник был мне слишком хорошо знаком. Стук доносился изнутри большого овального зеркала.

Шаг за шагом, словно ведомая невидимым и безжалостным кукловодом, я начала медленно, на негнущихся, дрожащих ногах приближаться к зеркалу. Мои ступни казались чужими, онемевшими от холода, а в ушах стоял пронзительный, тонкий звон. По мере моего приближения тусклый лунный свет выхватил из темноты зеркальное полотно, в кото-

ром дрожало мое собственное бледное отражение — растрепанные волосы, испуганные глаза и прижатые к груди руки. Внезапно по идеально гладкой поверхности стекла прошла быстрая, жидкая рябь, словно я смотрела не на твердое стекло, а на темную воду лесного пруда, в которую бросили камень. Я застыла на месте как вкопанная, затаив дыхание; сердце совершило дикий, болезненный удар прямо в горло, а во рту окончательно пересохло, оставив лишь металлический привкус страха.

Рябь повторилась снова, но на этот раз гораздо сильнее, яростнее. Сама физическая структура зеркала начала стремительно портиться, разрушаться на моих глазах: отражение пошло уродливыми глубокими складками, серебряная амальгама за спиной стала темнеть и трескаться, а твердое стекло начало медленно, неестественно плавиться, словно воск под воздействием невидимого пламени. В воздухе спальни мгновенно распространился резкий, бьющий в нос запах грозового озона, смешанный с едким ароматом сухой гари. Из глубоких трещин, побежавших по деформированному стеклу, наружу начала сочиться густая, антрацитово-черная жижа, медленно и бесшумно стекая по деревянной раме на полированную поверхность столика тяжелыми, маслянистыми каплями. Этот тошнотворный черный деготь не падал на пол, а вопреки законам тяжести стал стремительно разрастаться, поднимаясь вверх плотным, колеблющимся столбом.

Прямо передо мной из этой сочащейся черной бездны начала формироваться высокая, мощная фигура мужчины. Антрацитовая жиж на глазах затвердевала, превращаясь в тяжелые, грубые складки глухого дорожного плаща, окутывающего его широкие плечи, а на месте его головы соткался глубокий, нависающий над лицом капюшон, внутри которого клубилась абсолютная, непроницаемая темнота. Я стояла перед ним, полностью парализованная диким, первобытным ужасом, не в силах издать ни звука, ни сделать шаг назад; мои колени мелко дрожали, а к горлу подкатывала удушливая волна тошноты от этого невозможного, противоестественного зрелища. Я узнавала его — это был тот самый безмолвный преследователь из моих кошмаров, но теперь он стоял в моей реальной спальне, осязаемый и смертоносный, источая физическое тепло и запах выжженной земли. Однако под его капюшоном по-прежнему не было видно лица — лишь глухой провал тьмы, в глубине которого на мгновение вспыхнули два тусклых, багрово-медных огонька.

— Ты... — Мой испуганный шепот сорвался на хриплый, едва различимый выдох, пальцы судорожно впились в собственные плечи, пытаюсь защититься от этого присутствия.

Он слегка наклонил голову, и из-под капюшона раздался его низкий, вибрирующий голос, от которого у меня внутри все болезненно перевернулось, смешивая парализующий страх с той самой порочной, томительной горячей дрожью, что я испытала во сне:

— Ты сама меня позвала, Кристин.

— Нет... я не звала тебя... убирайся! — Мои губы едва шевелились, а зубы выбивали мелкую дробь от леденящего ужаса, боровшегося с внезапным, удушающим жаром внизу живота.

В ответ на мои слова под капюшоном мелькнула холодная, хищная ухмылка — я отчетливо увидела лишь белизну его зубов в провале тьмы, и от этого простого жеста у меня буквально волосы встали дыбом на затылке, а по коже побежали колючие мурашки. Он сделал медленный шаг вперед, и под его тяжелым сапогом паркет жалобно заскрипел. Этот простой физический звук окончательно вывел меня из оцепенения. Паника захлестнула мой разум: я сделала несколько нервных, хаотичных шагов назад, опрокинув по пути легкий деревянный стул, который с грохотом покатился по полу, и попыталась рвануться в сторону двери, чтобы повернуть ключ и выбежать в безопасный коридор к родителям.

Но я не успела сделать и двух шагов.

Его движение было сверхъестественно, пугающе быстрым, он просто смазался в воздухе темным пятном и в следующее мгновение оказался прямо передо мной, преграждая путь к спасению. Его сильные, жесткие руки, обтянутые грубой кожей, железной хваткой сомкнулись на моей талии, лишая возможности дышать, и одним резким, мощным движением он поднял меня в воздух, бесцеремонно закинув к себе на широкое, твердое плечо.

— Пусти! Отпусти меня, чудовище! Помогите! — закричала я во весь голос, срывая связки, но мой крик показался мне глухим и слабым, словно его тут же поглотила ватная тишина комнаты.

Я отчаянно забилась в его железных тисках, принимаясь изо всех сил колотить кулаками по его широкой, твердой как камень спине, но он даже не пошевелился от моих ударов, продолжая удерживать меня с невозмутимым спокойствием. Мои босые ноги дико и беспорядочно дергались в воздухе, пытаясь нащупать опору или ударить его, но тяжелые складки его плаща гасили все мои движения. Ночная сорочка задралась, и я кожей бедер почувствовала жесткую, холодную ткань его одеяний, отчего по моему телу вновь прошла судорожная, горячая волна порочного возбуждения, смешанного с абсолютным, удушающим отчаянием. Извернувшись, я в ужасе приподняла голову и увидела, что он уверенно и размеренно шагает обратно к туалетному столику, где деформированное зеркало продолжало плавиться, истекая антрацитовый жижей и открывая проход в бурлящую черную бездну.

В моей голове вспыхнул дикий, первобытный хаос — я поняла, что он утаскивает меня туда, откуда нет возврата, в мир вечного холода и черной воды, и эта мысль была страшнее самой смерти. Мое тело окончательно ослабело, силы покинули меня, а во рту остался лишь горький привкус желчи и меди. Я успела лишь судорожно схватить ртом воздух и

прошептать пересохшими губами последнее, разбитое:

— Пожалуйста...

И в то же мгновение тяжелая черная мгла окончательно сомкнулась над моей головой, увлекая меня в абсолютную, бездонную темноту.

Глава 6.

Эта непроглядная, вязкая мгла не просто окружила меня — она хлынула в легкие, забивая дыхательные пути жидким, осязаемым удушьем, от которого грудная клетка мгновенно окаменела, а в ушах поднялся невыносимый, давящий гул, похожий на рев турбин. Я не чувствовала под собой опоры, словно мое тело растворилось в этом черном дегте, лишившись веса и очертаний, и лишь дикая, пульсирующая боль в зажатых ребрах напоминала о том, что я все еще жива и нахожусь в тисках чудовища. Каждый судорожный вздох давался мне с нечеловеческим трудом: воздух вокруг стал плотным, маслянистым, лишенным кислорода, и я чувствовала, как по пищеводу медленно поднимается удушливая, горячая тошнота, смешанная с привкусом меди и горькой желчи. Паника, парализующая и чистая, змеей скользила вдоль моего позвоночника, выжигая остатки разумных мыслей и оставляя лишь один бьющийся в висках вопрос — что это за безумная магия и в какую бездну она меня утаскивает? Я не знала этого существа, не понимала природы его пугающей власти над пространством, но его осязаемое физическое присутствие, его тяжелое дыхание над ухом и обжигающий жар, исходивший от его тела сквозь ткань моей промокшей от пота сорочки, заставляли мое сердце совершать дикие, неровные удары где-то в самом горле. В этом удуша-

ющем вакууме, балансируя на грани потери сознания, я внезапно подумала о родителях, и эта мысль отозвалась в груди резкой, ломающей болью. Я ведь даже не успела попрощаться с ними, уйти без вечных упреков и недомолвок; моя мама осталась там, в спальне, уверенная, что ее дочь просто крепко спит перед завтрашним суматошным днем, а отец, наверное, все еще сидит в своем душном кабинете над грессбухами, пытаюсь спасти остатки нашей чести. Если бы я только знала, если бы хотя бы на мгновение могла предвидеть, что это глупое, невинное девичье гадание у зеркала обернется настоящим, осязаемым кошмаром наяву, я бы никогда не прикоснулась к этой проклятой книге, я бы задула эти свечи своими собственными пальцами еще до того, как они успели разгореться.

Через какое-то бесконечное мгновение, когда сознание уже начало медленно гаснуть, уступая место спасительному небытию, характер тьмы вокруг нас резко изменился: в нос ударил резкий, концентрированный запах едкой серы, раскаленного угля и сухой, удушливой гари, от которого мои легкие мгновенно зашлись в мучительном, лающем кашле. Я судорожно задергалась, пытаюсь освободить лицо из складок его тяжелого плаща, кашляя до слез, до режущей боли в сухом горле, как вдруг вся эта вязкая мгла с грохотом расступилась, уступив место ослепительному, багровому сиянию. Мужчина бесцеремонно и грубо сбросил меня со своего широкого плеча на землю, и я с тихим вскриком покатилась

по жесткой, острой как бритва породе, чувствуя, как мелкие каменистые осколки впиваются в мои голые колени и ладони, сдирая нежную кожу до крови. Тяжело дыша и кашляя, я уперлась дрожащими руками в сухую, раскаленную почву и испуганно огляделась по сторонам, с трудом сглатывая подступившую к самому горлу тошноту. Мы стояли на самой вершине колоссальной, отвесной скалы, буквально парящей в облаках пепла; воздух здесь был настолько горячим и сухим, что каждый вдох обжигал гортань, а перед глазами плыли крупные черные хлопья сажи. Далеко внизу, насколько хватало взгляда, простирался бескрайний, мертвый черный лес — миллионы обугленных, безжизненных стволов деревьев, застывших под тяжелым, свинцовым небом без единой звезды, по которому медленно плыли кроваво-красные тучи. Это определенно был не Чикаго, не окрестности нашего штата и даже близко не земля людей; вокруг царило злое, чуждое черное лето, дышащее первобытным зноем и удушьем выжженного мира.

Я с трудом поднялась на колени, чувствуя, как крупная, неуправляемая дрожь бьет все мое тело от кончиков пальцев до бедер, а тонкая сорочка, порванная во многих местах, мгновенно прилипла к влажной от пота коже, подчеркивая каждое движение моих вздымающихся грудей. Развернувшись всем корпусом к стоявшей рядом темной фигуре, я в порыве вспыльчивого, отчаянного гнева уперлась ладонями в его твердую, как могильная плита, грудь и изо всех сил по-

пыталась оттолкнуть его от себя, но мои руки лишь беспомощно скользнули по грубому сукну его плаща, не сдвинув этот монолит ни на дюйм.

— Где мы?! Что это за место?! — Мой голос сорвался на испуганный, хриплый писк, а в глазах стояли слезы бессильной ярости. — Отпусти меня! Не смей касаться меня, слышишь?!

В ответ на мою вспышку он лишь молча, с пугающей медлительностью перехватил мое правое предплечье у самого локтя; его пальцы, обтянутые плотной темной кожей перчатки, сжались со стальной, непреклонной силой, заставляя меня глухо застонать от боли в суставе. Я испуганно, теряя последние остатки самообладания, начала быстро и бессвязно тараторить, пытаясь вырвать свою руку из его мертвой хватки, дергаясь всем телом назад и царапая его пальцы ногтями, но все мои отчаянные усилия были абсолютно бесполезны — он удерживал меня так же легко, как взрослый удерживает капризного ребенка.

— Пусти, пусти меня, чудовище! Ты не имеешь права! Мой отец найдет тебя, он убьет тебя! — Мои слова смешивались с сухими рыданиями, а внизу живота вопреки моему ужасу вновь предательски и жарко пульсировала та самая томительная, порочная судорога возбуждения, вызванная близостью его сильного тела.

Мужчина слегка наклонился ко мне, и из-под глубокого, нависающего капюшона вновь раздался его низкий, вибри-

рующий баритон, от которого по моей коже побежали ледяные мурашки, несмотря на царящий вокруг удушающий зной:

— Ты сама позвала меня, Кристин Беллроуз. Твоя кровь коснулась знака, твое желание открыло проход. Ты ждала меня.

— Нет! Это ложь! Я никогда не звала тебя, я даже не знала о твоём существовании! — закричала я, в упор глядя в темный провал его капюшона, где по-прежнему невозможно было различить лица. — Это было всего лишь дурацкое гадание, глупая шутка моих подруг! Как я вообще могла вызывать кого-то вроде тебя?!

Под капюшоном снова мелькнула та самая холодная, торжествующая ухмылка, обнажившая ровный ряд белых зубов, и это зрелище заставило мое сердце совершить дикий кувырок, застыв где-то в районе ребер. Не говоря больше ни слова, он протянул свою вторую руку, резко и жестко ухватил меня за левый локоть и одним мощным движением отклонил мое тело далеко назад, заставляя меня перевеситься через самый край отвесного обрыва скалы.

Я судорожно опустила взгляд вниз и в ту же секунду чуть не лишилась чувств от парализующего, дикого ужаса, сковавшего мои легкие: прямо под нами, в неизмеримой глубине гигантского кратера, бурлило, пенилось и клочкотало колоссальное озеро раскаленной добела, ослепительно-оранжевой лавы. Потоки жидкого камня с глухим, утробным ре-

вом вздымались вверх, выбрасывая в воздух тучи искр и едкого белого дыма; жар, поднимающийся от этой бездны, был настолько невыносимым, что кожа моего лица мгновенно запылала, а на сорочке начали появляться крошечные подпалы. Я поняла, что это был самый настоящий, действующий вулкан, и это чудовище притащило меня на его вершину лишь для того, чтобы принести в жертву этой огненной пучине.

— Нет, нет, умоляю тебя! Не надо! — Мой крик сорвался на безумный, истошный визг; я в полной панике, наплевав на всю свою гордость и гнев, судорожно вцепилась обеими руками в его плечи, вжимаясь пальцами в грубую ткань его плаща и умоляя не отпускать меня. — Пожалуйста, держи меня! Не бросай меня туда! Я сделаю все, что угодно, только не отпускай!

Он медленно опустил голову ниже, почти касаясь своими невидимыми губами моего уха, и его дыхание, пахнущее сухим пеплом и озоном, обжгло мою шею:

— Добро пожаловать в мой дом, Кристин.

И с этими словами его железные пальцы резко разжались на моих локтях, и он сильным, точным движением толкнул меня грудью прямо в разверзшуюся под ногами бездну кратера.

Я закричала так, как никогда в жизни не кричала, чувствуя, как земля уходит из-под моих босых ног, и в последнем, судорожном и инстинктивном порыве спастись мои

пальцы сорвались с его плеч и мертвой хваткой вцепились в край его глубокого капюшона, с силой дернув плотную ткань назад и срывая ее с его головы.

И в эту последнюю долю секунды перед началом моего падения я наконец увидела его истинное лицо.

На меня смотрели два огромных, пылающих потусторонним, яростным кроваво-красным светом глаза без зрачков, в которых отражалась вся ненависть этого выжженного мира, а из его бледного, покрытого серым налетом лба поднимались два массивных, шероховатых красных рога, изгибавшихся назад подобно короне подземного владыки. Его красивое, но хищное лицо исказилось в диком, торжествующем оскале, когда мое тело окончательно сорвалось с кручи и стремительно полетело вниз, в клокочущую оранжевую бездну.

Воздух, уплотнившийся от невыносимого, адского жара, с ревом рвал мою истерзанную сорочку, когда я стремительно неслась вниз, в самую глотку ревающего кратера. Раскаленный пепел и хлопья черной, жирной сажи забивали широко распахнутый в немом крике рот, оседая на языке горьким, сухим порошком; гортань нестерпимо саднило, а к горлу то и дело подкатывала тяжелая, удушливая тошнота. Мои глаза, залитые горючими, непрекращающимися слезами пополам с едким дымом, уже практически ничего не видели, кроме этого колышущегося, слепящего оранжево-белого марева внизу, которое дышало мне в лицо запахом расплавленного кам-

ня и серного удушья. Но за мгновение до того, как столкнуться с бурлящей, вязкой поверхностью лавы, которая уже начинала нестерпимо, до пузырей жечь обнаженную кожу моих раскинутых рук и голых лодыжек, я судорожным, отчаянным усилием воли заставила себя перевернуться в воздухе лицом вверх. Задыхаясь от боли и рыданий, я устремила свой невидящий, воспаленный взгляд туда, в невообразимую высь, где на самом краю отвесной, парящей в дыму скалы все так же неподвижно стоял этот чудовищный рогатый силуэт с пылающими багровыми глазами.

Вся моя девичья гордость, весь накопившийся за этот бесконечный день эгоистичный гнев и ярость перед неминуемой гибелью слились в один безумный, хриплый выкрик, который я выплюнула в это свинцовое небо:

— Мразь! — И в ту же секунду мое тело с глухим, шипящим звуком погрузилось в кипящую, горючую смесь.

Боль не была мгновенной — она обрушилась на меня колоссальным, всепоглощающим веером, когда миллиарды раскаленных добела микроскопических игл одновременно вонзились в каждую пору моей кожи. Это было не просто горение, это было медленное, вязкое растворение моего физического естества в жидком пламени; я отчетливо чувствовала, как лопаются и сползают чулками пласты эпидермиса на моих бедрах и плечах, как тонкая батистовая сорочка обугливается и мгновенно исчезает, обнажая беззащитную плоть перед прожорливой стихией. Мои легкие, сделавшие

последний произвольный вдох под водой из жидкого огня, взорвались изнутри невыносимой, разрывающей болью; сознание плавилось вместе с телом, и в этой безумной агонии я была абсолютно уверена, что это конец — моя грешная, эгоистичная душа навеки останется запертой в этом раскаленном жерле вулкана, обреченная на бесконечные, не знающие пощады мучения. Каждая секунда этой адской пытки растягивалась в вечность, сухой рот исходил немым криком, который уже не мог пробиться сквозь плотную толщу лавы, а сердце совершало свои последние, редкие и болезненные удары прямо в разрывающемся горле.

И когда я уже мысленно переступила порог небытия, приготовившись полностью раствориться в этой огненной бездне, все мучения резко, в один миг прекратились, словно кто-то щелкнул пальцами. Огненный жар исчез, уступив место сокрушительному физическому удару, который пришелся на мое левое бедро и ребра, когда я с высоты нескольких футов грубо и тяжело рухнула на твердую, сухую землю. От этого резкого столкновения весь воздух с хрипом вылетел из моих многострадальных легких, в глазах вспыхнули миллионы разноцветных искр, а к горлу вновь подступил тяжелый, удушливый спазм тошноты. Я лежала абсолютно неподвижно, распластавшись на животе, боясь открыть глаза и пошевелить хотя бы пальцем; все мое тело ныло от тупой, ноющей боли, но это была боль от обычного физического ушиба, а не от смертельных ожогов. Кожа, к моему полному изумлению,

была цела — я не чувствовала ни сочащейся сукровицы, ни обугленных краев ран, лишь мелкую, неуправляемую дрожь, бившую каждую мышцу от пережитого шока.

«Я в аду, — эта мысль была первой, что оформилось в моем затуманенном разуме, пока я судорожно сжимала пальцами сухую земную твердь под собой. — Это точно ад. Настоящее, каноническое пекло, о котором так долго и занудно твердил приходской священник по воскресеньям».

От этого осознания из моей груди внезапно вырвался хриплый, сухой звук, который через секунду перерос в тихий, судорожный, истинно истерический смех, от которого заныли ребра. Я смеялась сквозь слезы, утыкаясь лицом в локтевой сгиб, и мои плечи мелко содрогались:

— Надо же... теперь я по крайней мере точно знаю... как выглядит это проклятое место... — прошептала я пересохшими губами, чувствуя, как горькая слюна обжигает гортань.

Мой эгоизм и вспыльчивый нрав, которые не смогли сломить даже эти адские муки, требовали немедленно подняться и встретить свою посмертную участь с высоко поднятой головой, пусть даже передо мной предстанут черти с вилами.

Преодолевая жуткую слабость в затекших конечностях, я медленно, опираясь на исцарапанные ладони, приподнялась с земли и огляделась по сторонам, готовая увидеть новые потоки огня и серы. Но то, что предстало перед моим взором, полностью разрушило все мои представления об адских чертогах, заставив меня в полном изумлении раскрыть рот. Пе-

редо мной расстилалась бескрайняя, сочная, изумрудно-зеленая трава, аккуратно подстриженная и ухоженная с такой тщательностью, словно над ней трудились лучшие садовники английской королевы. Воздух здесь был удивительно свежим, чистым и прохладным, в нем не было ни малейшего намека на удушливый запах гари или серы — лишь тонкий, едва уловимый аромат цветущей лаванды и мокрой после дождя хвои. Небо над моей головой сияло безупречной, пронзительной голубизной, на нем не было ни единого облачка, а ласковое, теплое солнце приятно согревало мои обнаженные плечи сквозь уцелевшие лоскуты моей ночной сорочки. Это место походило на какой-то заброшенный королевский парк или райский сад, скрытый от глаз смертных, и это разительное несоответствие с тем кошмаром, из которого я только что вырвалась, пугало меня едва ли не сильнее самого пламени.

Но я не успела как следует рассмотреть эту странную идиллию. Плотные кусты цветущего шиповника неподалеку с сухим шорохом раздвинулись, и оттуда быстрыми, рваными шагами ко мне направилось жуткое, уродливое существо, от одного вида которого у меня внутри все заledenело от парализующего страха. Оно было отдаленно похоже на человека, но его кожа имела землисто-серый, чешуйчатый оттенок, а за спиной лениво подрагивали два огромных кожаных крыла, напоминающие крылья гигантской летучей мыши. Его лицо было плоским, с коротким приплюснутым носом и уз-

кими, вертикальными зрачками желтых глаз, которые смотрели на меня с холодной, хищной деловитостью. Существо остановилось в нескольких шагах, обдав меня резким, кислым запахом сырой кошачьей шерсти и старой кожи, и произнесло скрежещущим, похожим на трение ржавого железа голосом:

— Поднимайся, девка. Тебя уже заждались наверху. Не заставляй хозяина терять терпение.

При этих словах я испуганно вскрикнула, инстинктивно пытаюсь отползти назад по мягкой траве, подтягивая колени к груди.

— Нет! Не подходи ко мне! Я никуда с тобой не пойду! — Мой голос дрожал от гнева и бессилия, а ладони судорожно искали на земле хоть какой-нибудь камень или сук, чтобы защититься.

Я резко вскочила на ноги, намереваясь рвануться в противоположную сторону, прочь по этой ухоженной поляне, но слабая, кружащаяся голова и дрожащие ноги предательски подвели меня. Крылатое чудовище даже не приложило видимых усилий: сделав один молниеносный выпад, оно мертвой хваткой своих когтистых лап ухватило меня за локти, безжалостно вздернув вверх.

— Пусти меня, мразь! Отпусти! — Я отчаянно забилась в его руках, пытаюсь ударить его голой пяткой по чешуйчатой голени, но его хватка была подобна стальным тискам, которые лишь сильнее сжимались от моих движений, заставляя

меня шипеть от боли.

Существо даже не удостоило меня ответом. Грубо дернув меня за собой, оно поволокло меня по ухоженной дорожке, вымощенной белым мрамором, сквозь этот странный, цветущий парк. Я шла, спотыкаясь на каждом шагу, мои босые ступни то и дело соскальзывали с гладкого камня на прохладную траву, а сердце колотилось в груди неровными, болезненными толчками. По мере того как мы продвигались вперед, деревья становились все более высокими и редкими, пока парк окончательно не оборвался у подножия колоссальной, отвесной скалы, уходящей своей вершиной в самую синеву неба. Я заворуженно подняла свои заплаканные глаза вверх и почувствовала, как к горлу вновь подступает тошнотворный спазм изумления: вся эта гигантская каменная стена была буквально испещрена вырубленными прямо в породе роскошными домами с изящными деревянными балконами, колоннадами и подвесными садами. В воздухе над этой скалой, подобно стаям причудливых птиц, лениво кружили десятки других крылатых и рогатых существ; где-то совсем рядом, скрытый в зелени, с шумом низвергался хрустальный водопад, наполняя воздух прохладными брызгами и запахом озона.

Но мне не дали времени рассмотреть это чудо архитектуры. Мой конвоир грубо толкнул меня в спину, заставляя войти под своды огромной, темной пещеры, зиявшей у подножия утеса. Внутри было прохладно и пахло мокрым камнем,

но темнота продолжалась недолго — пройдя по извилистому коридору буквально несколько десятков ярдов, существо с силой толкнуло тяжелые, обитые железом деревянные двери, и мы оказались в огромном, залитом светом факелов подземном городе. Здесь бурлила самая настоящая, невероятная жизнь, в реальность которой мой практичный разум отказывался верить до последнего: мимо нас неторопливо прохаживались изящные люди с длинными, заостренными ушами и надменными лицами, кто-то из прохожих имел за спиной роскошные перья птичьих крыльев, у других из густых волос поднимались аккуратные витые рожки, а некоторые сочетали в себе и то, и другое. Они провожали меня своими холодными, любопытными взглядами, перешептываясь на незнакомом, певучем языке, и в их глазах сквозило явное превосходство над моей грязной, оборванной фигурой в рваной сорочке.

— Кто... кто все эти люди?.. Где я нахожусь, черт тебя дерь?! — воскликнула я, оборачиваясь к своему крылатому спутнику и чувствуя, как от этого нереального зрелища голова начинает идти кругом.

— Меньше вопросов, девка, — огрызнулся тот, даже не глядя на меня и продолжая упорно тащить меня вперед через толпу. — Хозяин сам все расскажет тебе, если, конечно, соизволит снизойти до разговора с такой грязной человеческой полукровкой.

«Хозяин... — это слово отозвалось в моем сознании глу-

хим, тревожным набатом. — Кто этот таинственный владыка, перед которым трепещут даже эти жуткие создания?»

Не успела я обдумать эту мысль, как существо внезапно остановилось посреди небольшой, круглой площади, резко развернулось ко мне всем телом и с шумом расправило свои огромные кожаные крылья, подняв в воздух тучу пыли. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, его когтистые лапы с силой прижали меня к его жесткой, чешуйчатой груди, обдав запахом застарелой гари, и существо с мощным, свистящим толчком оттолкнулось от каменного пола, стремительно взмывая вертикально вверх.

Я издала безумный, полный дикого ужаса крик, инстинктивно вцепляясь пальцами в его жесткие плечи и зажмуривая глаза. Земля под моими ногами мгновенно ухнула вниз, превращаясь в крошечную, пеструю мозаику из факелов и фигурок людей, а свист ветра в ушах заглушал все остальные звуки. Преодолевая тошноту и парализующий страх высоты, я приоткрыла глаза и посмотрела вверх, над нашей головой: мы стремительно приближались к огромному, выступающему прямо из скалы каменному балкону, украшенному изящной резьбой и увитому цветущим плющом. Существо совершило последнее, плавное движение крыльями, мягко приземлилось на каменные плиты балкона и без церемоний поставило меня на ноги, сразу же делая шаг назад.

Я едва удержалась на ногах, чувствуя, как колени пре-

дательски подгибаются от пережитого полета, и поспешно ухватилась рукой за прохладную мраморную балюстраду, пытаясь унять бешеный стук сердца, которое колотилось уже где-то в самом горле. С трудом переводя дыхание, я принялась испуганно оглядывать просторную террасу, которая вела в глубь огромных, роскошных покоев, вырубленных в скале. Здесь все дышало невероятным, кричащим богатством и изысканным эгоизмом хозяина: полы были выложены мозаикой из редких пород камня, тяжелые шелковые занавеси глубокого багрового цвета лениво колыхались от легкого сквозняка, а массивные колонны из черного нефрита поддерживали высокий свод, украшенный золотой росписью. Это были настоящие королевские хоромы, величественные и пугающие своей холодной красотой.

Внезапно из глубины этих полутемных покоев раздался глубокий, низкий и пугающе знакомый голос, от которого мои колени мгновенно ослабели, а по позвоночнику пробежала волна ледящего оцепенения.

— Можешь идти, Грим. Ты отлично справился со своей задачей. Твоя награда будет ждать тебя у казначея.

Этот бархатный, ровный баритон с легкой, едва заметной хрипотцой... Я замерла, боясь сделать даже вдох, пока мой разум лихорадочно пытался сопоставить эти интонации с теми, что преследовали меня в моих кошмарах и во время того безумного обморока. *«Будь сильной, Кристин, слышишь меня?! Не смей показывать им свою слабость!»* — мысленно

приказала я себе, изо всех сил сжимая зубы и заставляя свои дрожащие руки отпустить перила.

Крылатое существо позади меня издало короткий, почти-тительный клекот, шумно взмахнуло своими кожаными крыльями и мгновенно сорвалось с балкона, растворяясь в синеве неба. Я осталась совершенно одна посреди этой роскошной террасы.

Медленно, преодолевая жуткое сопротивление собственного тела, я повернулась лицом к полутемным покоем. Мое сердце совершило дикий, неровный кувырок и забилося с утроенной силой, когда я увидела его.

У одной из высоких нефритовых колонн, непринужденно скрестив руки на широкой груди, стоял тот самый мужчина в глубоком капюшоне. На нем были все те же темные одежды, складки его плаща неподвижно лежали на полу, а из-под нависающей ткани капюшона на меня смотрел тот самый призрачный морок, который так бесцеремонно и жестоко разрушил всю мою привычную, спокойную жизнь.

Глава 7.

Несколько бесконечных, мучительно долгих секунд мы просто безмолвно смотрели друг на друга в этой огромной, залитой багровыми отсветами террасе. Он не делал ни единого движения, и это его ледяное, царственное спокойствие бесило меня едва ли не сильнее всего, что мне пришлось пережить за эту проклятую, сводящую с ума ночь. Я стояла посреди его вызывающе роскошных покоев босая, невыносимо грязная, с ладонями и коленями, содранными до сочащейся сукровицы о вулканический шлак, в разорванной, местами покрытой черными подпалинами ночной сорочке, которая еще несколько часов назад в моей спальне казалась девственно-белой, а теперь больше походила на грязную ветошь, вытащенную из каминной золы. Мои длинные темные волосы полностью спутались, превратившись в мокрые колтуны, которые неприятно липли к покрытому потом и копотью лицу, щеки стянуло коркой от высохших соленых слез, а все тело крупно, неуправляемо дрожало от пережитого шока — и только каким-то невероятным, эгоистичным чудом мне все еще удавалось удерживать равновесие на этих слабеющих ногах.

А он выглядел так, словно вокруг не происходило ровным счетом ничего из ряда вон выходящего. Словно он не вытащил меня бесцеремонно посреди ночи из запертой спаль-

ни, словно не протащил мое хрупкое тело сквозь удушливую черную бездну меж мирами, словно всего несколько минут назад не сбросил меня хладнокровно с края парящего вулкана, заставив во всех деталях прочувствовать собственную мучительную гибель в кипящей лаве. Наверное, именно поэтому первым живым чувством, которое окончательно вытеснило из моей груди остатки парализующего, липкого страха, стала безумная, горячая и ослепляющая ярость.

Я медленно, чувствуя, как содранная кожа на ладонях натягивается и лопается с тупой болью, сжала пальцы в кулаки, тяжело и прерывисто дыша сквозь приоткрытый рот. Он заметил это движение и медленно, с ленивой грацией сытого хищника оттолкнулся широким плечом от черной нефритовой колонны. Мое предательское тело тут же, вопреки всякому здравому смыслу, отреагировало на это минимальное изменение дистанции: испуганное сердце мгновенно сорвалось с места, заколотившись где-то у самого горла и мешая сделать полноценный вдох, колени вновь сделались мягкими, как воск, а по всему животу, зарождаясь где-то в самых интимных глубинах между бедер, прокатилась тяжелая, горячая и совершенно неуместная волна темного возбуждения, от которой мне одновременно захотелось и в панике отступить назад, и с силой ударить его по этому безупречному лицу. Я возненавидела себя за эту позорную физиологическую реакцию мгновенно и всей душой: после того, как этот монстр заставил меня пережить ужас огненной смерти, по-

следнее, чего мне хотелось, — испытывать в его присутствии что-либо, кроме чистейшего, кристального омерзения.

Теперь тяжелого капюшона на нем не было, и я впервые за все время могла рассмотреть облик своего похитителя по-настоящему, без мешающей дымки и полумрака. И эта его внешность оказалась, пожалуй, самой изощренной издевкой этой кошмарной ночи. По всем законам человеческого разума чудовище, обитающее в недрах вулкана и повелевающее крылатыми тварями, должно было выглядеть уродливо, отталкивающе — так было бы правильно, так было бы намного проще для моего уязвленного эгоизма, ведь тогда его было бы легче ненавидеть. Но мужчина, стоявший передо мной в отсветах белого пламени очага, был пугающе, почти противостоительно красив той хищной, порочной красотой, от которой у неопытных девиц кружится голова.

Он был невероятно высок — настолько, что даже разделявшее нас расстояние в несколько шагов заставляло меня неестественно закидывать голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом. Его широкие, развитые плечи и сильное, подтянутое тело тяжелые темные одежды не скрывали, а лишь выгодно подчеркивали, облекая каждый мускул при его медленном движении. Длинные, густые волосы, которые в полумраке спальни показались мне угольно-черными, здесь, под лучами странного белого огня, отливали глубоким, насыщенным медно-рыжим цветом, словно в каждой их пряди навсегда застыло первобытное пламя преисподней; они

свободно падали на его плечи и спину, местами растрепанные после того, как я в безумном порыве падения сорвала с него капюшон. Черты его лица были резкими, правильными и слишком безупречными для простого смертного: высокие, точеные скулы, прямой аристократический нос, тяжелая волевая линия подбородка и четко очерченные губы, в уголке которых сейчас притаилась едва заметная, издевательская ухмылка. Но всю эту человеческую иллюзию мгновенно уничтожали две детали: его рога и глаза. Два массивных, шероховатых красных рога поднимались от самых висков, уходя назад и изящно повторяя изгиб его черепа, наподобие жуткой короны; их матовая поверхность тускло блестела в полумраке террасы. И его глаза — теперь они уже не горели тем безумным, слепящим кровавым светом, который я увидела на краю бездны вулкана. Это красное сияние словно ушло глубоко внутрь его зрачков, оставив на поверхности тяжелый, насыщенный темно-янтарный оттенок с тонким, пульсирующим багровым ободком по самому краю радужки. От этого его взгляд казался почти человеческим. Почти.

Он поймал мой лихорадочный, изучающий взгляд, и уголок его губ дрогнул в едва заметной насмешке.

— Насмотрелась? — Его низкий, бархатный баритон прозвучал негромко, но эта глубокая вибрация мгновенно отозвалась колючей дрожью вдоль моего позвоночника.

Я уставилась на него, чувствуя, как последняя тонкая ниточка моего хваленного самообладания с треском лопается,

уступая место вспыльчивому, безудержному гневу. В этот момент я напрочь забыла обо всех правилах приличия, о безопасности и о том, что передо мной стоит существо, способное повелевать законами пространства.

— Ты сбросил меня в вулкан, — произнесла я, и мой собственный голос показался мне пугающе сухим, словно потрескавшаяся от зноя земля.

Он лишь слегка, с истинно дьявольским высокомерием приподнял одну рыжую бровь.

— Вижу, твоя память ничуть не пострадала от этой небольшой экскурсии.

Я даже не зафиксировала разумом тот момент, когда мое тело начало двигаться. Еще секунду назад между нами оставалось около четырех шагов, а в следующее мгновение я уже стремительно шла прямо на него, напрочь позабыв о том, что это существо способно бесшумно выходить из твердых зеркал, затыкать мои крики одним лишь взглядом и без труда поднимать меня в воздух одной рукой. Каждая мышца моего измученного тела ныла от тупой боли, содранные колени кровоточили, ладони нестерпимо саднило, но удушливая ярость оказалась сильнее любого здравого смысла и инстинкта самосохранения.

— Ты. Сбросил. Меня. В. Вулкан, — повторила я, чекая каждое слово и приближаясь к нему вплотную, так что я могла почувствовать исходящий от его тела сухой, грозовой жар, пахнувший озоном и раскаленным обсидианом.

— Да, — коротко ответил он, и это его невозмутимое, обыденное подтверждение подействовало на меня хуже любого изощренного издевательства.

— Я горела там! Заживо! — закричала я, чувствуя, как слезы бессилия и гнева вновь закипают в моих глазах, а дыхание становится рваным и частым.

— Недолго, — отозвался он с легким, едва заметным пожатием широких плеч, словно речь шла о незначительной задержке экипажа на улице Чикаго.

У меня от такого запредельного цинизма буквально открылся рот. Несколько секунд я просто ошеломленно смотрела на него, отказываясь верить, что живое существо способно произнести подобное в лицо тому, кого оно только что подвергло изощренной пытке.

— Недолго?! — Мой голос сорвался на свистящий хрип. Он снова едва заметно повел плечом, глядя на меня сверху вниз со своим невыносимым, царственным превосходством. И в этот момент я окончательно потеряла контроль над собой.

Я ударила его.

Моя правая ладонь с громким, хлестким хлопком встретила с его бледной, гладкой щекой. От силы этого безумного удара резкая, стреляющая боль мгновенно пронзила содранную кожу моей ладони, поднявшись по предплечью до самого запястья, заставив меня тихо охнуть, а голова мужчины от неожиданности слегка повернулась в сторону.

В огромной террасе мгновенно воцарилась такая мертвая, ватная тишина, что я отчетливо слышала собственное частое, свистящее дыхание и далекий, едва различимый шум падающей где-то в скалах воды. Мой цивилизованный разум, затуманенный вспышкой ярости, вернулся ко мне мгновенно, обдав волной липкого, парализующего страха. Я медленно, с ужасом опустила свою пострадавшую руку, чувствуя, как пальцы крупно дрожат, а к горлу подкатывает тяжелая, холодная тошнота. *«Что я наделала?.. Пресвятая дева, что я только что натворила?.. Он же убьет меня прямо здесь, сотрет в порошок».*

Он не шевелился. Несколько долгих секунд он просто стоял, слегка отвернув голову в сторону, и на его бледной, идеальной щеке медленно, дюйм за дюймом проступал отчетливый, красноватый след от моих пальцев — совершенно обычный, человеческий след, какой остается на коже смертного после пощечины. Почему-то именно эта его уязвимость, эта физическая реальность его плоти напугала меня сейчас сильнее, чем если бы моя рука просто прошла сквозь его призрачное тело или удар с глухим звоном разбился о твердый гранит.

Я сделала один крошечный, бесшумный шаг назад, судорожно сжимая влажные складки сорочки на животе.

Мужчина медленно, с пугающей плавностью повернул голову обратно ко мне. Насмешливой ухмылки на его губах больше не было — его лицо превратилось в каменную, за-

стывшую маску древнего божества, а багровый ободок вокруг его темно-янтарных зрачков начал медленно, зловеще разгораться изнутри, заполняя радужку ровным кровавым сиянием.

Я сделала еще один панический шаг назад, чувствуя, как сердце совершает дикие, неровные удары где-то в самом горле.

— Не смей... — прошептала я одними пересохшими губами, хотя мой собственный разум не понимал, что именно я пытаюсь запретить этому всесильному чудовищу.

Он молча двинулся прямо на меня.

Я сделала еще один поспешный шаг назад, спотыкаясь о неровности мозаичного пола, мои босые пятки горели от холода камня, но контраст с жаром его приближающейся фигуры был почти болезненным.

— Я сказала — не подходи ко мне! Слышишь?! — Мой голос сорвался на испуганный писк, а руки инстинктивно поднялись к груди, словно пытаюсь отгородиться от него. — Еще шаг с его стороны. Он двигался неотвратимо, как сама смерть. — Ты вообще понимаешь обычную человеческую речь, чудовище?! — закричала я, чувствуя, как слезы страха вновь катятся по моим щекам.

— О да, Кристин, — его глубокий баритон прозвучал пугающе тихо, вибрируя у самого моего лица. — Понимаю гораздо лучше, чем вы, люди, способны понять смысл своих собственных, лживых слов.

В следующее мгновение моя спина с глухим стуком встрети­лась с твердой, ледящей поверхностью черной нефритовой колонны. Я судорожно, со свистом втянула воздух сквозь сжатые зубы, чувствуя, как холод камня проникает сквозь рваную сорочку к лопаткам. Все. Отступать мне больше было абсолютно некуда.

Он остановился прямо передо мной, сократив дистанцию до нескольких дюймов. Слишком близко. Сухой, обжигающий жар его мощного тела окутал меня с ног до головы еще до того, как он коснулся моей кожи сам, и этот резкий контраст между ледяным нефритом за спиной и его личным теплом заставил мое тело вновь предательски содрогнуться от внезапной, острой волны запретного возбуждения, стянувшей низ живота сладкой судорогой. Я упрямо подняла свой подбородок вверх, заставляя себя смотреть прямо в его пы­лающие багровым светом глаза, хотя мое дыхание было рваным, а в груди все клокотало от паники.

Он медленно, с пугающей плавностью поднял свою правую руку. Я испуганно дернулась в сторону, зажмурив глаза и ожидая получить сокрушительный ответный удар, но его длинные пальцы в темной перчатке прошли в дюйме от моего уха и с глухим, тяжелым стуком уперлись в гладкую поверхность колонны прямо над моей головой, фактически запирая меня в ловушку между его телом и нефритом.

— Если ты еще хоть один раз позволишь себе поднять на меня руку, Кристин Беллроуз, — произнес он очень ти-

хо, почти лениво, но в каждой его интонации сквозила такая бездонная, леденящая угроза, от которой кровь застыла в жилах, — постарайся приложить к этому удару все свои скромные силы. Сделай так, чтобы мне было хотя бы отдаленно больно.

Несколько секунд я просто молча, тяжело дыша, смотрела прямо в его темные янтарные глаза, в глубине которых медленно вращались багровые искры. А затем моя эгоистичная, вспыльчивая гордость, которую не смогли сломить даже эти адские перемещения, вновь вернулась ко мне горячим приливом ярости.

— Если ты еще хоть один раз позволишь себе сбросить меня в действующий вулкан, — процедила я сквозь стиснутые зубы, глядя ему прямо в лицо, — будь уверен: я приложу все силы, чтобы оправдать твои ожидания.

В огромных покоях вновь воцарилась звенящая, ватная тишина. Я стояла, не шевелясь, и мой разум кричал мне, что я только что своими собственными руками подписала себе второй смертный приговор, окончательно выведя из себя это древнее существо. Но внезапно его красиво очерченные губы медленно, плавно растянулись в широкой, искренней улыбке, и в следующее мгновение он негромко, раскатисто рассмеялся. Это не был тот зловещий, короткий смешок, который я слышала в своей спальне перед своим похищением, — это был настоящий, глубокий мужской смех, от которого у меня совершенно некстати вновь предательски ослабли ко-

лени, а по телу разлилась волна странного, пугающего тепла.

— Что здесь смешного, черт тебя дерит?! — вспыхнула я, чувствуя, как раздражение вновь вытесняет страх из моей груди. — Прекрати это немедленно!

Он немного отстранился от меня, убирая руку от колонны, но его взгляд по-прежнему оставался прикованным к моему лицу с каким-то новым, странным и очень опасным выражением глубокой заинтересованности.

— Ничего смешного, Кристин. Пока ничего, — негромко ответил он, поправляя складки своего тяжелого плаща.

— Тогда прекрати издеваться надо мной. И ответь наконец на мои вопросы.

— Ты всегда разговариваешь в подобном тоне с теми, кто способен оборвать твою хрупкую жизнь одним лишь легким движением пальцев? — с любопытством спросил он, слегка склонив голову набок.

— До сегодняшнего кошмарного дня у меня просто не было возможности выяснить это опытным путем, — отрезала я, скрестив руки на груди, чтобы скрыть крупную дрожь в пальцах. — Но теперь, кажется, я стремительно восполняю этот пробел в своем образовании.

На этот раз его улыбка стала еще более отчетливой, обнажив ровные белые зубы, и я возненавидела эту его безупречную красоту всей своей душой, ведь она делала его присутствие еще более невыносимым для моего разума.

— Где я нахожусь? — резко, без обиняков спросила я,

стараясь перехватить инициативу в этом безумном разговоре, пока он окончательно не превратился в какой-то абсурдный фарс. — И на этот раз я требую услышать нормальный, полноценный ответ смертного человека. Без ваших дурацких загадок, скрытых угроз, огненных вулканов и всего этого... — я беспомощно, раздраженно взмахнула своей исцарапанной рукой в сторону открытого балкона, за которым кружили крылатые твари, — вашего дьявольского циркового представления.

Его янтарный взгляд на долю секунды скользнул по моей содранной ладони, задержался на рваном крае сорочки, приоткрывающем белизну бедра, а затем вновь вернулся к моим глазам.

— Ты находишься в моем доме, Кристин, — ровно ответил он.

— Это я уже слышала несколько минут назад! — воскликнула я, чувствуя, как внутри вновь закипает вспылчивый гнев. — Но это не ответ!

— Тогда зачем ты спрашиваешь снова, если ответ тебе уже известен? — в его голосе проступили легкие, издевательские интонации.

Я с силой стиснула зубы, чувствуя, как ногти вновь вонзаются в ладони.

— Где конкретно находится твой чертов дом?! В какой части света?! — Он хранил гордое, высокомерное молчание, лишь слегка шуря свои янтарные глаза. — Как называется

это проклятое место?! — Мой голос сорвался на крик, а дыхание стало прерывистым от нарастающего раздражения.

И снова в ответ не прозвучало ни единого слова. Мой эгоизм и вспыльчивость окончательно взяли верх над осторожностью, и я сделала шаг вперед, сокращая расстояние между нами:

— Я нахожусь неизвестно где! Вокруг меня разгуливают жуткие твари с рогами и кожистыми крыльями, несколько минут назад я провалилась сквозь действующий вулкан, испытал всю гамму предсмертных мук, а затем оказалась в каком-то ухоженном саду, откуда меня притащило сюда существо, которое общается со мной так, словно сегодня самый обычный, скучный вторник в Чикаго! Думаю, я заслужила услышать хотя бы банальное географическое название той дыры, в которую меня так бесцеремонно похитили!

Что-то едва заметно изменилось в его безупречном лице при последних словах. Насмешливое выражение мгновенно исчезло, уступив место холодной, сосредоточенной суровости, а багровый ободок вокруг зрачков вновь слабо пульсировал:

— Похитили? — медленно, словно пробуя это слово на вкус, переспросил он.

Я неверяще, горько рассмеялась, глядя ему прямо в глаза:

— А как бы ты сам назвал этот цирк, черт тебя дернул?! Ты ворвался в мою запертую спальню сквозь зеркало, силой утащил меня из собственной постели и притащил в этот безум-

ный мир! По всем законам людей это называется самым настоящим, грязным похищением!

— Ты призвалась сама, Кристин Беллроуз, — холодно и веско произнес он, делая полшага назад и складывая руки на груди.

— Что?! Какая еще чушь?!

— Ты провела древний, запретный обряд призыва, — продолжал он свой допрос, и в его низком баритоне больше не было места иронии, лишь сухая, непреклонная констатация фактов. — Твоя собственная кровь коснулась знака на обложке, завершив начертанный символ. Проход между нашими мирами открылся на твой личный, осознанный зов. Я лишь пришел на этот призыв и забрал то, что по праву принадлежит мне — то существо, которое добровольно отдало свою кровь для открытия врат.

Я почувствовала, как моя яростная злость начинает стремительно уступать место леденящему, липкому беспокойству, которое зародилось где-то под ребрами и начало медленно расползаться по всему телу.

— Какую еще кровь?.. О чем ты говоришь? Я не пролила никакой крови!

Его янтарный взгляд стал невероятно внимательным, пронизывающим меня насквозь, словно он пытался отыскать следы лжи под моей кожей.

— Не притворяйся невинной овечкой, Кристин. Это выглядит жалко.

— Да я не притворяюсь, черт тебя дери! — закричала я, в отчаянии всплеснув руками. — Я действительно не понимаю, о какой крови ты говоришь! Мы просто гадали с девочками, мы не резали вен и не приносили никаких жертв!

— Кровь смертного существа коснулась металлического знака на обложке книги призыва, — медленно, отдельно произнес он, не сводя с меня глаз. — Без этого проход не открылся бы ни при каких обстоятельствах. Твоя кровь завершила печать.

Я открыла было рот, чтобы высказать ему все, что я думаю о его умственных способностях и его дурацких теориях обрядов.

И внезапно замерла на полуслове, почувствовав, как во рту становится пронзительно сухо.

Перед моими глазами на одно короткое, пугающее мгновение с абсолютной ясностью вспыхнули воспоминания о сегодняшнем вечере. Темная спальня. Четыре дрожащие свечи на полу. Старая, покрытая трещинами книга в черной коже, которую Амира достала из своей сумки. Наш веселый, беспечный смех. Тот самый металлический замок в виде змеи, кусающей собственный хвост... Я отчетливо вспомнила, как потянулась к книге, чтобы помочь Амуре расстегнуть эту тугую старинную застежку, как металлическая чешуя змеи показалась мне неестественно острой, и как в тот самый миг я почувствовала легкий, почти безболезненный укол в подушечку своего указательного пальца, которому тогда, в пы-

лу веселья, никто из нас не придал ровным счетом никакого значения. Я просто машинально прижала палец к ладони и продолжила смеяться над глупыми шутками Элис...

Я медленно, чувствуя, как к горлу подкатывает тяжелая тошнота, опустила голову и посмотрела на свой указательный палец правой руки. На нежной коже подушечки, прямо поверх содранных ссадин, виднелся крошечный, едва заметный полукруглый след от старого пореза.

«Пресвятая дева... это была кровь... Моя кровь действительно коснулась этого проклятого замка...» — эта мысль отозвалась в моей голове оглушительным, страшным взрывом, лишая сил. Я испуганно покачала головой, отступая на шаг назад и прижимая руку к груди, словно защищаясь от этого осознания:

— Нет... нет, это была обычная случайность... Мы никого не собирались вызывать, мы просто хотели повеселиться!

— Вы вызывали, — холодно повторил он, не сдвигаясь с места.

— Да мы понятия не имели, что это за книга! Мы просто гадали на мою будущую свадьбу! Мы шутили!

— Люди вообще удивительно любят давать глупые, безопасные и цивилизованные названия тем древним вещам, истинной природы которых их скудный разум просто не в состоянии осознать, — с глубоким презрением произнес он, слегка сузив свои янтарные глаза.

Я почувствовала новый, яростный прилив раздражения,

вызванный моим собственным, парализующим страхом перед этой страшной правдой. Мне не хотелось признавать свою вину, не хотелось быть беззащитной жертвой собственной глупости.

— Хорошо! Допустим, мы совершили эту несусветную, идиотскую глупость! Допустим, эта проклятая книга действительно оказалась настоящим темным артефактом, а не просто старым хламом из лавки старьевщика! Но даже если так... — я сделала глубокий вдох, заставляя свой дрожащий голос звучать как можно тверже и увереннее, глядя ему прямо в лицо, — я совершенно точно не звала конкретно ТЕБЯ.

Улыбка мгновенно и бесследно исчезла с его безупречно-го лица, словно ее там никогда и не было.

Вот теперь его взгляд изменился окончательно. В нем больше не было ни издевательской насмешки, ни царственного превосходства, ни холодной угрозы. Он смотрел на меня с каким-то новым, пугающе сосредоточенным и неестественно внимательным выражением, от которого у меня перехватило дыхание.

— Что ты сейчас сказала? — тихо, скрежещущим от сдерживаемого напряжения голосом переспросил он, делая быстрый шаг вперед и вновь сокращая разделявшее нас расстояние до предела.

Я судорожно сглотнула скопившуюся слюну, чувствуя, как под его тяжелым, пронизывающим взглядом мое сердце вновь пускается в дикий пляс, но упрямо повторила, глядя

ему прямо в глаза:

— Я сказала, что совершенно точно не звала конкретно ТЕБЯ. Вопрос в гадании был о Тристане Уитморе. О моем земном женихе. Мой призыв... если это вообще был призыв... предназначался совершенно другому существу.

Он не ответил ни слова. И впервые с того самого момента, как его ужасающая фигура беззвучно соткалась из черной жижи перед моим зеркалом в спальне, я отчетливо увидела на его бледном, идеальном лице нечто такое, чего я никак не ожидала встретить у этого всесильного монстра. Сомнение. Настоящее, глубокое и пугающее сомнение, которое на мгновение отразилось в его янтарных глазах перед тем, как кровавый ободок вокруг его зрачков окончательно погас, оставив лишь холодную темноту.

Глава 8.

Всего на одно короткое, ускользящее мгновение, настолько мимолетное, что при любых иных обстоятельствах я могла бы списать его на игру воспаленного воображения или пляску теней от каминного пламени, в его облике произошла перемена. Но я слишком пристально, почти до боли в глазах всматривалась в его лицо, слишком отчаянно ища хотя бы малейший след человеческого тепла или раскаяния в этом чуждом существе, чтобы пропустить этот миг. Его точеные черты лица остались прежними, каменными, однако ленивая, издевательская прохлада бесследно испарилась из темно-янтарных глаз; чувственные губы мгновенно сомкнулись в жесткую, бескомпромиссную линию, а длинные пальцы правой руки, до этого момента абсолютно расслабленно покоившиеся вдоль бедра, едва заметно дернулись и напряглись. В этот краткий миг он смотрел на меня уже не как на забавную, хрупкую человеческую девчушку, которую можно было легко довести до слез или истерики парой небрежных фраз, а так, словно впервые увидел перед собой нечто пугающее, в корне не соответствующее его собственным, вековым представлениям о порядке вещей.

— Я повторяю еще раз: я совершенно точно не звала тебя, — произнесла я медленнее, стараясь изо всех сил удержать свой дрожащий голос от позорного срыва и не пока-

зять ему, насколько сильно меня взбудоражила и встревожила эта его внезапная внутренняя заминка. — И если твой разум наконец способен воспринять эту простую мысль, то у нас появился прекрасный, благоразумный повод закончить весь этот кошмар прямо сейчас. Прекрати это безумие. Верни меня обратно в мою спальню.

Он ничего не ответил, лишь продолжал буравить меня своим тяжелым, потемневшим янтарным взглядом, в глубине которого багровые кольца зрачков вновь замерли, превратившись в безжизненные точки.

— Ты слышал меня?! — Мой голос невольно сорвался на свистящий крик, а ладони судорожно сжались на рваном поде сорочки.

Мертвая, ватная тишина террасы стала ответом на мою вспышку. Мое раздражение, которое только-только начало уступать место холодному расчету, мгновенно вспыхнуло с новой, разрушительной силой, однако теперь к нему примешалось другое, куда более страшное чувство — липкая, удушливая тревога, совершенно не связанная с этим рога-тым монстром. Она зародилась где-то глубоко под ребрами маленьким, колючим ледяным комком и принялась стремительно, неудержимо разрастаться по всему телу, стоило мне лишь на секунду воскресить в памяти то, что осталось по ту сторону этой безумной пространственной бездны. Мой дом.

Моя бедная, измученная мама. Мой отец, раздавленный долгами. И сегодня... Господи всемогущий, ведь сегодня же

день моей свадьбы.

Я резко, едва не потеряв равновесие, обернулась лицом к открытому арочному балкону, словно каким-то невозможным чудом надеялась увидеть за его краем туманные очертания родного Чикаго, наш заснеженный зимний сад с искривленными дубами, темные, уютные окна родительского особняка и собственную спальню с развороченным, истекающим черным дегтем зеркалом. Но вместо этого далеко внизу, насколько хватало взгляда, раскидывался этот чужой, пугающий зеленый мир, между уступами исполинской скалы лениво парили кожистые крылатые существа, а над головой сияло невозможное, чистое голубое небо. Я понятия не имела, сколько времени я провела в этом бреде. Час? Несколько часов? Дни? Шло ли время одинаково там, в моем мире, и здесь, в этой дьявольской обители? А если в Чикаго уже давно рассвело?

Моя мама наверняка уже вошла в мою спальню с чашкой утреннего чая или свадебными лентами. Она увидела пустую постель, смятое одеяло. Я представила себе эту картину настолько отчетливо, физически, что у меня судорожно и болезненно сжалось горло, а к глазам подступили горячие, злые слезы. Мама у открытой двери — сначала растерянная, недоумевающая, затем зовущая меня по имени все громче, с нарастающей паникой в голосе. Отец, тяжело поднимающийся по деревянной лестнице, отставив в сторону свои грессбухи. Генри. Перепуганные слуги, обыскивающие каждый уголок

особняка. Моя запертая изнутри на ключ дверь. Разорванная постель. И разбитое, осыпавшееся черными осколками зеркало...

А затем в их умах неизбежно родится единственное логичное, очевидное объяснение моего исчезновения. Они решат, что я просто сбежала. Трусливо сбежала в самый последний момент, испугавшись ответственности и брака с Тристаном. Конечно же, они подумают именно так.

— Мне нужно вернуться домой, — произнесла я, и собственный голос прозвучал неожиданно тихо, тускло, лишившись всей своей прежней ярости. — Сейчас же. — Мужчина продолжал молча смотреть на меня, не меняя своей ослабленной позы, но в его янтарных глазах больше не было прежней ленивой ухмылки. — Послушай меня, я не шучу! — Я сделала шаг к нему, чувствуя, как ноги крупно дрожат от слабости и страха за родителей. — Сегодня утром... сегодня должна состояться моя свадьба.

Его рыжая красная бровь едва заметно приподнялась, выражая легкое, почти пренебрежительное удивление.

— Мои поздравления, — ровно ответил он.

Я уставилась на него, не веря собственным ушам, чувствуя, как к горлу подкатывает горячая волна вспыльчивого раздражения:

— Ты... ты издеваешься надо мной?!

— Пока еще нет, Кристин, — спокойно парировал он.

— Пока?.. — Я нервно, истерически рассмеялась, заки-

нув голову назад, и с силой провела обеими ладонями по лицу, чувствуя под пальцами сухие, стянувшие кожу дорожки слез пополам с копотью. — Прекрасно. Просто великолепно. Послушай меня хотя бы один-единственный раз, чудовище, и постарайся не превращать каждое мое слово в очередную мерзкую, циничную шутку. Я обязана вернуться в Чикаго. Я обязана сегодня же выйти замуж за человека, которого я искренне презираю и терпеть не могу всем сердцем! Потому что если это венчание не состоится, мой отец будет окончательно, полностью разорен до конца этой недели! Его имя будет смешано с грязью!

Он не шелохнулся, но мне в этот момент было уже абсолютно все равно, что подумает этот рогатый монстр. Слова, которые еще несколько минут назад я под страхом смерти не произнесла бы перед посторонним человеком, тем более перед этим кошмарным существом, вдруг хлынули из меня безудержным, хаотичным потоком. Наверное, потому, что панический страх за судьбу моих родителей наконец оказался сильнее любого девичьего унижения и гордости.

— Ты... ты понятия не имеешь, что происходит в моей семье! — кричала я, и мои пальцы судорожно сжимали и разжимали рваную ткань сорочки на груди. — У моего отца огромные, невысказанные долги! И не потому, что он глупец, бездельник или игрок, не потому, что он бессмысленно промотал наше состояние на кутежи! А потому, что он годами, десятилетиями молча расплачивался за чужой, без-

границный эгоизм! Моя эгоистичная бабушка Амелия играет в карты в подпольных клубах так, словно деньги растут на деревьях в нашем саду! Она проигрывает колоссальные суммы, отец безропотно платит, чтобы спасти семейную честь. Она снова проигрывает — он снова отдает последнее. Ее ничему не учит даже то, что она своими руками почти уничтожила будущее собственной семьи! И она продолжит это делать, обязательно продолжит, если ее не остановить, потому что Амелия Беллроуз за всю свою долгую, праздную жизнь ни разу не задумалась о том, что последствия ее поступков должны касаться ее самой, а не окружающих!

Я принялась лихорадочно ходить перед ним из стороны в сторону по гладкой мозаике террасы, уже совершенно не замечая острой, колющей боли в содранных босых ступнях. Перед моими глазами с пугающей отчетливостью стоял темный отцовский кабинет, раскрытые грессбухи, его осунувшееся, постаревшее лицо и тот страшный вечер, когда он тихим, надломленным голосом назвал мне имя Тристана. Моя былая злость на отца, казавшаяся мне тогда такой огромной, справедливой и оправданной, сейчас вдруг показалась мне невыносимо мелкой, эгоистичной и жалкой. Да, он предал данное мне когда-то обещание никогда не выдавать меня замуж против воли. Но он был моим отцом, который искренне любил меня. И сейчас, когда я бесследно исчезла из запертой комнаты, ему, должно быть, казалось, что он потерял свою единственную дочь именно потому, что проявил жестокость

и заставил ее пойти под венец ради денег.

От этой ужасной мысли мне стало физически дурно, к горлу подкатил тяжелый ком тошноты, а в висках застучала кровь.

— Оливия их не спасет, — продолжала я свою бессвязную, отчаянную исповедь, уже не заботясь о том, насколько жалко и дико я выгляжу в глазах этого существа. — Кому она теперь нужна в Чикаго? Ее собственный муж просто взял и вернул ее обратно в родительский дом после четырех лет брака, словно... словно какую-то бракованную вещь, которую он больше не желает видеть в своем особняке! В нашем лицемерном обществе мужчине достаточно просто заявить, что его жена невыносима, и все светские гости тут же начинают ему сочувствовать, а женщина остается с позорным клеймом на всю оставшуюся жизнь! Да и Оливия... — я раздраженно, со злостью выдохнула сквозь зубы, вспомнив ее высокомерное, довольное лицо за сегодняшним ужином, — она скорее найдет тысячу способов обвинить в своих несчастьях кого угодно, только не себя. Я... я была единственной возможностью для моего отца получить эти проклятые деньги Уитмора! Единственной надеждой спасти наш дом от молотка аукциониста! А теперь меня нет... Меня просто нет.

Последние слова сорвались с моих губ совершенно иначе — тихо, глухо, без прежней ярости. Я резко остановилась посреди террасы, и весь мой вспыльчивый гнев ушел так же внезапно, как и пришел, оставив после себя лишь звенящую

пустоту и холод в груди.

— Мама... — едва слышно выдохнула я.

В глазах нестерпимо защипало. Я поспешно отвернулась в сторону, потому что совершенно не собиралась вновь позорно плакать перед этим чудовищем, демонстрируя свою беззащитность, но мое собственное тело предало меня раньше, чем я успела взять себя в руки. Мой подбородок мелко задрожал, дыхание сбилось на прерывистые, судорожные всхлипы, а в груди возникло то самое тяжелое, сдавливающее ощущение удушья, когда слезы еще не хлынули из глаз, но ты уже твердо знаешь, что до них осталось всего одно неосторожное слово.

— Боже мой, мама просто сойдет с ума от горя, — прошептала я в пустоту, обнимая себя за плечи. — Они ведь действительно подумают, что я сбежала. Конечно, подумают... Я ведь так отчаянно кричала отцу, что ненавижу его, что не желаю выходить за Тристана. А теперь... теперь они найдут пустую комнату. Отец всю оставшуюся жизнь будет винить во всем только себя. Мама будет сходить с ума, думая, что я где-то одна... что со мной случилось что-то ужасное...

Я резко развернулась к нему всем телом, протягивая исцарапанные ладони в умоляющем жесте:

— Пожалуйста... верни меня обратно.

Но мужчина, даже не взглянув на меня, просто молча развернулся спиной и неторопливо зашагал прочь, в глубь своих роскошных покоев.

Несколько секунд я просто ошеломленно смотрела ему вслед, не веря своим глазам.

— Что?.. — выдохнула я. Никакой реакции. Он продолжал удаляться своей ленивой, покачивающейся походкой. — Эй! Постой! — закричала я.

Он проигнорировал мой зов. Во мне мгновенно, горячей лавиной вскипело яростное возмущение. Забыв обо всем на свете, я сорвалась с места и бросилась следом за ним по мозаичному полу. Почти сразу же я с силой, болезненно наступила босой ступней на какой-то острый металлический стык в плитке; острая боль прострелила ногу до самого колена, заставив меня зашипеть и прикусить губу, но я не остановилась, упрямо хромя следом за его широкой спиной.

— К моему глубочайшему сожалению, Кристин, это невозможно, — негромко произнес он, даже не оборачиваясь ко мне.

Я ускорила шаг, едва не наступая на длинный подол его тяжелого плаща.

— Тогда куда ты идешь?! Зачем ты уходишь?!

— Есть хочу, — коротко, буднично бросил он через плечо.

Я от такого ответа чуть не споткнулась на ровном месте, широко распахнув глаза:

— Есть?! Ты... ты идешь есть?!

Теперь он все-таки соизволил слегка повернуть ко мне свою голову. Медно-рыжие с красным отливом волосы кра-

сивой волной скользнули по его широкой спине, а выражение его безупречного лица с полуприкрытыми янтарными глазами было настолько невозмутимым, словно мы обсуждали с ним меню для званого ужина, а не крушение моей жизни.

— Ты меня изрядно утомила, Кристин, — ровно произнес он.

У меня от возмущения буквально перехватило дыхание, а во рту стало горячо и сухо.

— Я... я тебя утомила?! — задыхаясь, переспросила я, прижимая кулаки к груди.

— Именно так, — спокойно подтвердил он, продолжая свой путь по коридору. — Ты бесцеремонно вызвала меня посреди моей ночи, заставила бросить важные государственные дела, несколько раз попыталась ударить меня по лицу, кричала без остановки с момента своего появления в моем доме, а теперь еще и решила посвятить меня в финансовые затруднения всей своей многочисленной родни. Да, Кристин Беллроуз. После всего этого я испытываю вполне понятное плотское желание поесть.

— Я тебя не вызывала! Это была случайность!

— Это я уже слышал, — отмахнулся он, даже не прибавляя шагу.

— Тогда просто верни меня обратно в Чикаго! Избавь себя от моего присутствия!

— Твои мелкие земные неприятности и финансовые кра-

хи меня совершенно не интересуют, — равнодушно бросил он, отворачиваясь.

В этот момент мне нестерпимо, до зуда в пальцах захотелось схватить какую-нибудь тяжелую бронзовую вазу или статуэтку из ниши и со всей силы запустить ему в голову. Желательно так, чтобы расколоть его черные рога.

— Раз тебя настолько не интересуют мои «мелкие земные неприятности», — крикнула я ему в спину, едва поспевая за его длинными шагами, — то избавь себя от мучительной необходимости выслушивать их дальше! Просто верни меня назад, в мою постель, и тебе больше никогда в жизни не придется слышать мой ненавистный голос! Соглашайся!

— Весьма заманчивое предложение, признаю, — протянул он с легкой насмешкой.

— Так соглашайся же! Чего ты ждешь?!

Ответа на мою реплику не последовало. Мы покинули его личные покои через высокий арочный проем и оказались в длинной, величественной галерее дворца, которая была настолько роскошной, что при любых иных обстоятельствах я бы наверняка остановилась, чтобы замороженно рассмотреть тончайшую резьбу на стенах и золотые узоры на потолке. Но сейчас мне приходилось практически бежать, позорно ковыляя на цыпочках, чтобы не отстать от этого мужчины, который, что раздражало меня сильнее всего, двигался абсолютно не торопясь. Его шаги были размеренными, ленивыми, широкие плечи едва заметно покачивались под темной тка-

нюю плаща, но колоссальная разница в нашем росте превращала каждый его шаг почти в два моих быстрых прыжка. Через несколько минут такого бешеного бега я уже тяжело, со свистом дышала, мысленно проклиная и его длинные ноги, и полное отсутствие обуви на моих израненных ступнях, и весь этот безумный, чужой мир.

Коридоры уходили один в другой, переплетаясь в сложный лабиринт. Темный, гладко отполированный камень стен здесь перемежался высокими колоннами, на которых золотистыми и багровыми нитями мерцали незнакомые, живые символы, медленно менявшие свою форму; из огромных стрельчатых окон лился яркий дневной свет, ложившийся на мозаичный пол длинными, пыльными прямоугольниками, а в нишах стояли массивные вазы с темными, почти черными цветами, источавшими терпкий, пряный и удушливый аромат, от которого кружилась голова. Нам навстречу то и дело попадались обитатели этого странного замка в утесе. Некоторые из них выглядели почти как обычные люди, если не считать заостренных ушей или необычного янтарного цвета глаз, другие же обладали закрученными рогами, длинными тонкими хвостами или сложенными за спиной кожистыми крыльями. И каждый, абсолютно каждый, кто замечал моего спутника, мгновенно застывал на месте, низко склоняя голову в почтительном поклоне, или испуганно отходил к самой стене, уступая дорогу.

Я заметила это безмолвное почтение после третьего раза.

Потом после четвертого.

Никто из них не смел заговорить с ним первым. Никто даже не задерживал на нем своего взгляда дольше секунды, поспешно опуская глаза в пол.

«Кто же ты такой на самом деле?..» — невольно подумала я, чувствуя, как липкий страх вновь леденящей змеей сжимает мое сердце. Этот рыжеволосый рогатый мужчина определенно не был обычным хозяином богатого особняка или знатным вельможей. Его власть здесь была абсолютной, непререкаемой и страшной.

Я не успела развить эту пугающую мысль дальше. Резкий, аппетитный запах жареного на углях мяса, свежее испеченного пшеничного хлеба, каких-то незнакомых, острых пряностей и сладковатого дыма сухих трав ударил мне в нос гораздо раньше, чем мы вошли в следующее помещение. Этот аромат заставил мой рот мгновенно наполниться слюной, а измученный желудок болезненно и спазматически сжался. Только в этот самый момент я с пугающей ясностью осознала, насколько я безумно, мучительно голодна — ведь я ничего не ела с самого вчерашнего обеда, а все пережитые за ночь кошмары полностью истощили мои физические силы.

Мы вошли в просторную, залитую светом кухню, и я невольно замедлила свои шаги, озираясь по сторонам. После холодной, подавляющей торжественности дворцовых коридоров здесь было на удивление тепло и почти уютно: в огромном каменном очаге весело полыхал яркий огонь, над кото-

рым на тяжелых цепях висели начищенные медные котлы, вдоль стен тянулись бесконечные полки с глиняными банками, связками сухих трав, посудой и плетеными корзинами, а за длинными дубовыми столами трудилось не менее десятка слуг. Один из них сосредоточенно разделявал крупную птицу, женщина с маленькими изогнутыми рожками на висках помешивала густой, вкусно пахнущий соус в чане, а молодой парень как раз доставал из печи на широкой лопате золотистые круглые лепешки.

Но стоило нам переступить порог, как все разговоры на кухне мгновенно, разом стихли. Установилась мертвая, звенящая тишина.

Мужчина лишь слегка, почти небрежно приподнял свою правую руку в перчатке. Он не произнес ни единого слова, не сделал ни одного грозного жеста. Но в ту же секунду просторная кухня начала стремительно пустеть. Люди — если их вообще можно было назвать людьми — безмолвно отложили в сторону свои ножи, ложки, полотенца и один за другим, низко кланяясь, быстро и бесшумно вышли через боковую дверь, оставив все блюда на столах.

Я медленно приподняла свои брови, чувствуя, как внутри нарастает тяжелое беспокойство. Теперь вопрос о том, кем именно являлся этот рыжеволосый монстр в своем мире, начал пугать меня по-настоящему серьезно. Его безмолвное могущество было абсолютным.

Он спокойно прошел к массивному деревянному столу

в центре кухни, на котором уже дымилось несколько готовых изысканных блюд, легким движением отодвинул тяжелый стул со спинкой и сел, вольготно откинувшись назад.

Я осталась стоять у самого входа, упрямо скрестив руки на груди. Несколько секунд я молча, с нарастающим раздражением наблюдала за тем, как он совершенно хладнокровно взял нож, отрезал сочный кусок темного запеченного мяса, затем почему-то передумал пользоваться столовыми приборами, бесцеремонно отломил его длинными пальцами и отправил в рот. Я буквально закипала от злости с каждым мерным движением его челюсти. Его невозмутимость была оскорбительной.

— Зачем я тебе нужна здесь? — резко спросила я, делая шаг к столу. Он не торопясь прожевал мясо, выдержав томительную, издевательскую паузу, пока я ждала ответа, сгорая от нетерпения. Затем он спокойно потянулся за вторым куском. — Я задала тебе конкретный вопрос, — процедила я сквозь зубы.

— Я прекрасно слышал его, Кристин, — ровно ответил он, даже не глядя на меня.

— Тогда соизволь ответить на него!

Он наконец поднял на меня свои янтарные глаза, в которых вновь плясали едва заметные багровые огоньки:

— Ты голодна.

Это не было вопросом или предположением — это была констатация очевидного факта.

— Нет! Я не голодна! — соврала я, гордо вскинув подбородок. — И в то же мгновение мой предательский желудок издал невероятно громкое, отчетливое и протяжное урчание, эхом разнесшееся по пустой кухне. Я в ужасе закрыла глаза, чувствуя, как щеки мгновенно заливают густой, удушливый румянец стыда. *«Предатель... Какое же ничтожное у меня тело...»* Когда я снова открыла глаза, на лице мужчины уже цвела откровенная, издевательская насмешка. — Не смей говорить ни слова, — прошептала я, указывая на него пальцем.

— Я ведь ничего и не сказал, Кристин, — невинно заметил он, приподняв брови.

— Именно поэтому твое самодовольное лицо сейчас раздражает меня сильнее всего на свете.

Его красивые губы дрогнули в улыбке.

— Садись за стол, — негромко произнес он, указывая на стул напротив.

— Я не сяду. И ничего не буду есть из твоих рук.

— Как пожелаешь, — невозмутимо отозвался он, вновь возвращаясь к своей трапезе.

Я упрямо простояла на одном месте еще около десяти секунд, сверля его яростным взглядом. Потом двадцать. Но удушливый, невероятно аппетитный запах свежего, еще теплого хлеба и пряного мяса становился для моего измученного организма настоящей физической пыткой. Желудок сводило болезненными, режущими спазмами, слабость после

всех пережитых потрясений и полетов над бездной начала возвращаться с новой силой, а мои босые ноги и без того крупно дрожали от холода каменного пола. Я медленно, стараясь сохранить остатки своего достоинства, приблизилась к столу и отодвинула стул.

— Это абсолютно ничего не значит, — предупредила я его, садясь напротив.

— Разумеется, Кристин, — покладисто согласился он, даже не поднимая головы.

— Я сажусь за этот стол исключительно потому, что мой организм требует энергии, а я ничего не ела с прошлого вечера.

— Твое благородное оправдание полностью принято моим кулинарным эгоизмом.

— Я не оправдываюсь перед тобой!

— Тогда зачем ты так усердно объясняешь мне мотивы своих простых действий?

Я метнула в него свой самый уничтожающий, ледяной взгляд, на какой только была способна, и шумно опустилась на стул. Прямо передо мной стояла плетеная корзина, доверху наполненная небольшими золотистыми булочками. Они выглядели на удивление безобидно — по крайней мере, они не двигались, не светились потусторонним светом и не обладали глазами, что после всех ужасов этой ночи уже казалось мне огромным, неоспоримым преимуществом. Я осторожно, кончиками дрожащих пальцев взяла одну булочку.

Она была мягкой, теплой и очень приятной на ощупь. Я отломил крошечный кусочек от края и осторожно поднесла его к носу, пригнувшись. Запах был восхитительным — он напоминал свежий пшеничный хлеб, дикий лесной мед и какую-то терпкую пряность, названия которой я не знала.

Мужчина скрестил руки на столе и с явным, ленивым интересом наблюдал за моими действиями.

— Что ты так смотришь на меня? — недовольно спросила я, замирая с зажатым в пальцах кусочком.

— Ничего.

— Ты смотришь на меня с таким выражением лица, словно с нетерпением ждешь, когда я сделаю первый глоток и за-
мертво рухну на этот стол.

— Если бы я действительно искренне желал твоей смерти, Кристин, ты бы сейчас уж точно не сидела так уютно за моим столом, — ровно ответил он, и багровые ободки его зрачков на секунду вспыхнули ярче.

Воспоминание о ледяной бездне вулкана и оранжевом озере лавы мгновенно заставило меня замереть на месте, а к горлу вновь подступил холодный ком страха.

— Очень убедительный довод, признаю, — пробормотала я.

Преодолевая внутренний страх, я все-таки положила крошечный кусочек теплой булочки в рот и принялась медленно жевать. Сначала вкус показался мне просто восхитительным — нежным, сладковатым, с легким оттенком лесного

ореха и меда. Но через секунду мой язык словно обожгло резкой, невыносимой горечью, за которой тут же пришел отчетливый, концентрированный металлический привкус крови, а еще через мгновение все эти ощущения сменились леденящей, странной холодной сладостью, от которой у меня перехватило дыхание.

Я с тихим вскриком мгновенно выплюнула этот кусок обратно на деревянную тарелку, судорожно хватая ртом воздух:

— Он отравлен! Ты все-таки отравил этот хлеб!

Мужчина посмотрел сначала на выплюнутый кусочек, затем перевел свой взгляд на мое перепуганное лицо. И в следующее мгновение он вновь раскатисто, искренне рассмеялся, откинувшись на спинку стула.

— Что здесь смешного, черт тебя дерит?! — закричала я, вскакивая со стула и чувствуя, как от страха и гнева руки начинают крупно дрожать. — У меня весь язык онемел!

— Ничего, Кристин, совершенно ничего, — ответил он сквозь смех, вытирая слезу в уголке янтарного глаза.

— Перестань говорить это дурацкое слово «ничего», когда тебе явно весело за мой счет!

Он постепенно успокоился, хотя на его губах все еще блуждала теплая, издевательская улыбка:

— Этот хлеб абсолютно чист. В нем нет ни капли яда.

— Тогда почему он такой отвратительный на вкус?! Почему у меня во рту привкус железа и холода?!

— Потому что ты — обычная, хрупкая смертная девчонка, — ровно, со всей серьезностью ответил он, и его взгляд стал холодным. — Наша пища создана для иных существ. Твоему человеческому организму просто не под силу сразу воспринять ее истинную суть без подготовки.

Я замерла на месте, чувствуя, как от этого простого слова «смертная» у меня неприятно похолодело между лопатками. Оно прозвучало из его уст так обыденно, так буднично, словно мы принадлежали к совершенно разным биологическим видам.

— А ты, значит, у нас бессмертный бог? — горько усмехнулась я, складывая руки на груди. Он ничего не ответил, лишь продолжал молча смотреть на меня своим тяжелым, пронизывающим взглядом. — Ну конечно, — пробормотала я себе под нос, отводя глаза. — Зачем отвечать на простой вопрос смертной девчонки, если можно продолжать строить из себя самодовольную, загадочную сущность с этими твоими красными рогами на голове?

Его взгляд медленно скользнул по моему лицу, заставив меня почувствовать себя крайне неудобно, и я поспешно сделала вид, что очень увлечена изучением узоров на деревянной тарелке.

— Ты привыкнешь, — негромко произнес он спустя долгую паузу.

Я резко вскинула голову, уставившись на него:

— К чему это я должна привыкать?!

— К нашей еде, Кристин. Она здесь совершенно другая, более плотная и насыщенная энергией. Твоему слабому телу понадобится некоторое время, чтобы адаптироваться к ее структуре и перестать исторгать ее назад.

— Я не собираюсь здесь оставаться ни на секунду дольше необходимого! И уж точно не собираюсь ни к чему привыкать в твоём безумном мире! Я хочу немедленно вернуться домой, к своей семье!

— Я прекрасно помню об этом твоём желании, — сухо отозвался он.

— Тогда какого черта ты держишь меня здесь?! Объясни мне наконец — зачем я тебе нужна?!

Мужчина медленно отложил в сторону нож, взял со стола темную шелковую салфетку и неторопливо вытер свои длинные пальцы в перчатках. Вся былая насмешливость и ирония постепенно, бесследно исчезли с его бледного лица, уступив место сосредоточенной, деловой холодности.

— Я внимательно подумал над тем, что ты рассказала мне на террасе, Кристин, — произнес он, глядя мне прямо в глаза.

— Неужели? И к какому же выводу пришел твой великий разум?

— Ты поможешь мне получить то, что мне необходимо. А взамен я помогу тебе решить твои земные проблемы.

Я подозрительно прищурилась, чувствуя, как внутри все напрягается от предчувствия ловушки:

— И каким же образом ты собираешься мне помочь?

— Ты сама сказала, что твоя семья находится на грани полного финансового краха и позора из-за карточных долгов.

— И что из этого?

— Я могу полностью, без следа исправить это твое затруднение, — ровно ответил он.

Я замороженно смотрела на него, пытаюсь осознать смысл его слов, а мое сердце вновь пустилось в дикий пляс, но на этот раз от безумной, запретной надежды.

— Что... что значит «исправить»? Ты дашь моему отцу денег?

— Именно то, что означает это слово в твоём языке, Кристин. Все долги твоей семьи будут полностью аннулированы, а кредиторы забудут дорогу к вашему дому.

— Нет, — я решительно покачала загоревшейся головой.
— С тобой ничего и никогда не бывает настолько просто. Я это уже прекрасно поняла за последние несколько часов. В чем твой подвох?

— Как быстро ты учишься, — в его глазах вновь на секунду мелькнула насмешка.

— Что быстро?

В следующее мгновение его улыбка бесследно исчезла, а лицо стало настолько ледяным и суровым, что мне стало по-настоящему не по себе, а воздух в кухне словно уплотнился:

— Ты уже практически согласилась на мою сделку, Кри-

стин Беллроуз, даже не удосужившись спросить о цене, которую тебе придется заплатить, — тихо произнес он.

Я нахмурилась, чувствуя, как краска вновь приливает к моим щекам от осознания своей уязвимости:

— Я ни на что еще не соглашалась!

— Но ты уже мысленно приняла это решение. Твои глаза выдают тебя.

Я открыла было рот, чтобы высказать ему очередную яростную колкость, но тут же осеклась и закрыла его обратно. Потому что этот рогатый монстр был абсолютно, пугающе прав. Стоило ему произнести эти слова о спасении моей семьи, как внутри меня действительно что-то безвозвратно изменилось. Я по-прежнему не верила ему ни на единый цент, я не доверяла его холодному облику, но крошечная, эгоистичная надежда избавиться от Тристана Уитмора уже успела пустить свои ядовитые корни в моей душе. И он это заметил со своим чудовищным пронизательным взглядом.

— Если... если ты действительно способен раз и навсегда решить все финансовые проблемы моего отца отсюда, — медленно, взвешивая каждое слово, произнесла я, глядя ему прямо в глаза, — то мне... мне больше не придется выходить замуж за Тристана. Наша сделка с ним будет расторгнута.

Его медно-рыжая бровь вновь приподнялась в немом вопросе:

— Неужели твой земной жених настолько невыносим и ужасен, что ты готова заключить сделку с таким дьяволом

как я, лишь бы избежать его объятий?

— Это тебя совершенно не касается! — резко отрезала я, чувствуя, как щеки начинают гореть еще сильнее.

— Странная ты девушка, Кристин, — покачал он головой, и в его голосе проступили легкие, издевательские нотки. — Буквально несколько минут назад ты со всеми подробностями расписывала мне карточные долги своей бабушки, скандальный развод своей сестры, отчаяние отца и душевную болезнь матери. А теперь ты вдруг решила судорожно выстраивать между нами границы приличия при упоминании своего жениха?

Я почувствовала, как к горлу подступает удушливая волна раздражения на собственную несдержанность:

— Я... я была крайне расстроена и напугана! Я не контролировала свои слова!

— Я это прекрасно заметил, — улыбнулся он.

— И Тристан тебя все равно не касается! Он человек из моего мира!

— Значит, он действительно ужасен, — заключил он с видом умудренного опытом судьи.

— Я этого не говорила!

— Но ты и не попыталась опровергнуть мое утверждение, Кристин. Твое молчание красноречивее любых слов.

— Да какое тебе вообще до всего этого дело, черт тебя дерит?! — воскликнула я, вскакивая со стула.

— Абсолютно никакого, — равнодушно отозвался он, де-

лая глоток из своего кубка с темной жидкостью.

Я шумно, со свистом выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как пальцы вновь сжимаются в кулаки. Этот рогатый негодяй определенно делал все это намеренно, просто развлекаясь за счет моих бурных человеческих эмоций и вспыльчивого нрава.

— Хорошо, — я с силой бросила рваную булочку обратно в корзину. — Допустим на секунду, что ты действительно обладаешь могуществом спасти мою семью от разорения. Что конкретно требуется от меня взамен? Какова твоя цена?

Мужчина медленно отставил кубок в сторону, подался вперед, опираясь локтями о стол, и посмотрел мне прямо в глаза своим тяжелым, потемневшим янтарным взглядом:

— Семь вещей, Кристин.

Я непонимающе моргнула, чувствуя, как во рту снова становится сухо от дурного предчувствия:

— Что это значит? Каких еще семь вещей?

— Ты должна будешь добыть и принести мне ровно семь определенных предметов из семи миров, — ровно ответил он.

Несколько секунд я напряженно ждала, что он продолжит говорить и перечислит эти предметы, но он хранил гордое, высокомерное молчание.

— И что это за предметы? Каковы их названия? Где они находятся? — не выдержала я.

— Ты узнаешь обо всем в свое время, Кристин. Не торо-

пись.

— Нет! — я решительно покачала головой, делая шаг назад от стола. — Так дело не пойдет! Я ни за что на свете не соглашусь искать неизвестно какие вещи неизвестно где для существа, которое даже не удосужилось представиться и назвать мне свое истинное имя! Это безумие! — Его глаза при этих словах слегка сузились, превратившись в узкие щелочки, в которых опасно вспыхнули багровые искры. Я поняла, что впервые за все это время произнесла эту очевидную мысль вслух. Он действительно ни разу не назвался мне с момента нашей встречи. — Кстати говоря, — добавила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно холоднее и тверже, — кто ты такой на самом деле? Каково твое имя, хозяин этого замка?

— Сейчас это знание не имеет абсолютно никакого значения для тебя, Кристин, — сухо ответил он, откидываясь на спинку стула.

— Для тебя, возможно, и не имеет! Но для меня это крайне важно!

— Для тебя тоже не имеет, поверь мне на слово.

— Потрясающе! Просто великолепно! — Я нервно рассмеялась, всплеснув руками. — То есть ты искренне хочешь, чтобы я заключила официальную сделку с безымянным рогатым похитителем, для которого я должна буду добыть семь неизвестных мне предметов, а взамен он дает мне лишь туманное обещание каким-то чудесным образом спасти мою

семью от долговой ямы?!

— Именно так все и обстоит, Кристин, — невозмутимо подтвердил он.

Я уставилась на него в полном оцепенении, чувствуя, как к горлу вновь подступает волна истерического смеха:

— Ты... ты просто сумасшедший.

— Возможно, — он пожал плечами, ничуть не обидевшись на мое оскорбление.

— И откуда мне вообще знать, что ты действительно выполнишь свою часть договора и поможешь моему отцу, а не просто посмеешься надо мной, когда я принесу тебе эти вещи?! Каковы мои гарантии?!

— Абсолютно никаких, — ровно ответил он, глядя мне прямо в глаза.

Я окончательно растерялась от такой запредельной честности:

— Что?.. Что это значит?

— Ты никак не сможешь проверить мою честность, Кристин. Тебе придется поверить мне на слово.

— Но ты же можешь просто нагло солгать мне! Смертной девчонке, которая полностью находится в твоей власти!

— Могу, — легко согласился он.

Его олимпийское, невозмутимое спокойствие в этот момент было просто невыносимым для моей вспыльчивой натуры. Мне хотелось кричать от бессилия.

— И ты действительно на полном серьезе предлагаешь

мне поверить твоему слову?! Слову монстра, который протащил меня сквозь ад?!

— Да, — веско произнес он.

Я бессильно опустила обратно на стул, чувствуя, как все силы окончательно покидают мое измученное тело, и посмотрела на него так, словно передо мной сидел окончательно лишившийся рассудка безумец. Хотя... был ли он вообще человеком, чтобы применять к нему человеческие мерки? Вот в этом-то и заключалась моя самая главная, неразрешимая дилемма. Можно ли было вообще верить существу, которое способно проходить сквозь зеркала, повелевать законами пространства и развлекаться тем, что хладнокровно сбрасывает смертных девушек в жерла действующих вулканов? Все мои прежние знания о мире, все мое воспитание и здравый смысл кричали в один голос: нет! Ни в коем случае! Это смертельная ловушка! Я медленно опустила взгляд на свои собственные руки, лежащие на коленях. Мои тонкие пальцы крупно дрожали, костяшки побелели от страшного напряжения, под ногтями осталась засохшая кровь от укулов о старинную книгу призыва, а на ладонях темнели глубокие, сочащиеся ссадины.

Если я сейчас решительно откажусь от этой безумной сделки что тогда произойдет со мной? Он просто так возьмет и отпустит меня домой, вежливо поклонившись на прощание? Это было бы глупо и наивно даже для ребенка. А если я соглашусь... у меня появится хотя бы призрачный, безум-

ный шанс спасти своих родителей от позорной нищеты и избавить себя от необходимости ложиться в постель к ненавистному Тристану Уитмору. Если, конечно, этот рогатый монстр говорит мне правду. Если он действительно обладает могуществом воздействовать на мой мир отсюда. Слишком много пугающих «если».

Но в этот момент я вновь с пугающей ясностью вспомнила осунувшееся лицо своего несчастного отца, тихие слезы мамы у окна и высокомерную, уверенную ухмылку Тристана, который на вчерашнем ужине обсуждал детали нашей свадьбы. Если все наши долги действительно исчезнут... мне не придется становиться его женой. Никогда. Эта мысль оказалась настолько мощной, сладкой и освобождающей, что она мгновенно перевесила все мои страхи перед преисподней.

Я решительно подняла свою голову, прямо посмотрев в его янтарные глаза:

— Хорошо. Я согласна на твои условия. — Мужчина ничуть не изменился в лице при моих словах, на его безупречных губах не появилось ни тени торжества или радости, и именно это его холодное спокойствие насторожило меня сейчас сильнее всего. — Но учти, рогатый, — быстро добавила я, чувствуя, как внутри вновь закипает вспыльчивый гнев, — если ты посмеешь обмануть меня или причинить вред моим родителям...

— То что ты сделаешь мне тогда, Кристин Беллроуз? — с легким любопытством перебил он меня, подавшись вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.